

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

ШАХАЕВА АЛЕКСАНДРА АЛЬБЕРТОВНА

**ТИПОЛОГИЯ ГЛАГОЛОВ НАПРАВЛЕНИЯ ДВИЖЕНИЯ
В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ**
(НА МАТЕРИАЛЕ БУРЯТСКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Специальность 10.02.19 – Теория языка

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент В.М. Егодурова

Улан-Удэ –2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. Семантическая характеристика глаголов направления движения бурятского и китайского языков	14
1.1. Теоретические основы изучения глаголов направления движения	14
1.1.1. Принципы выделения группы глаголов направления движения в бурятском и китайском языках	14
1.1.2. Характеристика бурятского и китайского языков с позиции типологии моделей лексикализации Л. Талми	29
1.2. Группа глаголов направления движения бурятского и китайского языков (количественный состав и семантический объем)	41
1.2.1. Количественный состав и семантический объем группы глаголов направления движения бурятского языка	41
1.2.2. Количественный состав и семантический объем группы глаголов направления движения китайского языка	52
1.2.3. Глаголы направления движения бурятского и китайского языков в роли вспомогательных глаголов	58
ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ	74
ГЛАВА 2. Типологическое сходство и специфика выражения перемещения в пространстве глаголами направления движения в бурятском и китайском языках	78
2.1. Соотношение семантических структур совпадающих по значению глаголов направления движения бурятского и китайского языков	78
2.1.1. Семантика глаголов со значением движения к фону в бурятском и китайском языках	80
2.1.2. Семантика глаголов со значением движения от фона в бурятском и китайском языках	86
2.1.3. Семантика глаголов со значением движения внутрь фона в бурятском и китайском языках	93

2.1.4. Семантика глаголов со значением движения изнутри фона в бурятском и китайском языках	104
2.2. Семантика специфических китайских глаголов направления движения и способы выражения их значений в бурятском языке	113
2.2.1. Семантика китайского глагола 回 [hui] и средства выражения его значений в бурятском языке	114
2.2.2. Семантика китайского глагола направления движения 上 [shang] и средства выражения его значений в бурятском языке	119
2.2.3. Семантика китайского глагола направления движения 下 [xia] и средства выражения его значений в бурятском языке	123
2.2.4. Семантика китайского глагола 起 [qi] и средства выражения его значений в бурятском языке	131
2.2.5. Семантика китайского глагола направления движения 过 [guo] и средства выражения его значений в бурятском языке	138
2.2.6. Семантика китайского глагола направления движения 开 [kai] и средства выражения его значений в бурятском языке	141
2.3. Типологические общие и различные черты семантики бурятских составных глаголов направления движения и китайских сложных глаголов направления движения	147
2.3.1. Способы объективации направления движения составными бурятскими глаголами направления движения	147
2.3.2. Способы объективации направления движения сложными китайскими глаголами направления движения	158
ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ	170
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	174
ЛИТЕРАТУРА	181
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	201

ВВЕДЕНИЕ

Отечественный исследователь Л.В. Щерба еще в 1945 году в статье «Очередные проблемы языковедения» писал, что «одной из основных очередных задач является сравнительное изучение структуры, или строя, различных языков.... насущно необходимо внимательно изучать структуры самых разнообразных языков. ... Мы действительно стоим перед громадной лингвистической проблемой первоочередной важности» [Щерба Л.В.:1945; с. 173-174]. На сегодняшний день в современной науке о языке значимость типологических исследований также актуальна и неоспорима. Внимание ученых привлекают исследования, выполненные с позиций сопоставительно-типологического подхода, что объясняется тем, что именно данный подход к изучению языков разных структур позволяет выявить их общие черты, раскрыть сущность общезыковых универсалий и явлений и в то же время позволяет увидеть специфические черты конкретного языка. Значимость сопоставительных исследований также объясняется и практическими потребностями педагогической, переводческой и лексикографической работ.

В отечественной лингвистике исследования монгольских языков в сопоставительно-типологическом аспекте с русским языком начали проводиться сравнительно недавно – с 70-х годов прошлого века. Первые сопоставительные работы, где бурятский язык стал объектом исследования, носили, в первую очередь, прикладной характер и были ориентированы на практическое преподавание русского языка в национальной школе: П.И. Малаксинов (1951), Ж.С. Сажин (1984), В.И. Золхоев (1988); вклад в разработку теоретических вопросов сопоставительного характера своими работами внесли такие исследователи бурятского языка, как М.Н. Мангадаев (1959), А.А. Дарбеева (1976), А.С. Жаргалов (1982), О.Д. Бухаева (1991), В.М. Егодурова (1995) и др.

В современном бурятоведении появилось немало работ по сопоставлению различных языковых явлений бурятского языка с языками других структур: например, с английским языком: Забанова Л.Е. (2000),

Дашинимаева П.П. (2003), Раднаева Э.Э. (2005); с китайским: Ботороева Н.М. (2003), Адъяа Гэрэлмаа (2007). Данные работы являются свидетельством того, что в разработке проблем сопоставительной типологии бурятского языка с другими языками достигнуты определенные успехи. Вместе с тем некоторые вопросы сопоставительно-типологического характера, в частности лексической типологии, остаются неосвещенными и до настоящего времени.

Отечественная синология насчитывает уже не одно столетие, и соответственно явления китайского языка рассматривались исследователями в разного рода грамматиках: А.И. Иванов, Е.Д. Поливанов (1930), И.М. Ошанин (1946), А.А. Драгунов (1952), В.И. Горелов (1989), О.М. Готлиб (2004), Т.П. Задоев и Хуан Шуин (2004), В.А. Курдюмов (2005), а также в общетеоретических работах: Н.Н. Коротков (1968), А.Л. Семенов (1973), В.И. Горелов (1984), Е.И. Шутова (1991), В.М. Солнцев (1995), А.Л. Семенов (2000), А.А. Хаматова (2003), Тань Аошуан (2004). Сопоставительные исследования на материале китайского языка также привлекают внимание многих исследователей как в России (Г.А. Баженов (1999), О.В. Дубкова (2003), Ю.А. Котова (2006), Ду Яли (2006), Гэн Усинь (2010), Ду Хунцзюнь (2010)), так и в Китае (王冬竹 (2004), 吴芳 (2006), 钟守满 (2008)) и др.

Несмотря на множество работ сопоставительно-типологического характера агглютинативного (бурятского) и изолирующего (китайского) типов языка с другими языками в отечественной лингвистике нет работ, посвященных сопоставительно-типологическому исследованию бурятского и китайского языков, если не считать работы Н.М. Ботороевой «Имя существительное как часть речи в монгольском и китайском языках» (2003) и Адъяа Гэрэлмаа «Члены предложения в китайском языке в сравнении с монгольским языком» (2007). Это свидетельствует о неразработанности проблематики сопоставительного-типологического характера агглютинативного (бурятского) и изолирующего (китайского) языков в

отличие от сопоставительных исследований указанных языков с языками флективного типа (русским), аналитического типа (английским) и др.

Данное исследование – попытка выявить универсальные (тождественные) и различительные черты семантики группы глаголов направления движения на материале языков разных систем агглютинативного бурятского и изолирующего китайского языков.

Актуальность диссертационной работы обусловлена сформировавшимся в современной науке о языке устойчивым интересом к типологическому исследованию языков. Результаты такого исследования позволяют выявить общие, универсальные черты для языков разных типов, а также установить особенные, уникальные свойства, характерные только для данного языка. Выявление типологических черт агглютинативных языков и языков изолирующего типа представляется актуальным вдвойне, так как результаты типологическо-сопоставительного анализа представителей диаметрально противоположенных по типу языков позволят получить универсальные данные в копилку общей теории языков.

Великий немецкий лингвист Вильгельм Гумбольдт считал, что «язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [Гумбольдт, 1984, с. 68], то есть язык человека – это образ его мира и соответственно исследование языковых явлений дает возможность понять процессы и закономерности развития представлений народа об устройстве мироздания.

Глаголы направления движения одна из важных составляющих пространственной картины мира человека, поэтому разница в оттенках значений лексических единиц, выражающих направленное движение, позволяет раскрыть закономерности представлений людей, говорящих на данных языках, о пространстве и тем самым, выявить особенности национального видения и особенности построения модели мира. Это актуально в свете современных мировых тенденций, в частности глобализации и унификации общения, которые могут губительно сказаться

на национальных языках и культурах, поглотить их. Исходя из этого исследование национальных языков не только открывает новые факты языка, но также позволяет сохранить его.

Учет экстралингвистических значений языковых выражений особенно важен при разработке проблем различных направлений современной науки о языке: когнитивной лингвистики, психолингвистики, этнолингвистики и лингвокультурологии.

Таким образом, актуальность исследования определяется тенденциями развития современной лингвистики, общекультурной значимостью проблемы лингвистической семантики глагольного слова в бурятоведении и синологии.

Объект исследования настоящей работы – группа глаголов направления движения бурятского и китайского языков.

Предмет – семантика глаголов, входящих в лексико-семантическую группу глаголов направления движения бурятского и китайского языков.

Материалом исследования в настоящей работе послужили глаголы направления движения бурятского и китайского языков, извлеченные из: Бурятско-русского словаря под ред. Л.Д. Шагдарова; Бурятско-русского словаря под ред. К.М. Черемисова; Русско-бурятского словаря (составитель М.С. Бабушкин); а также из толковых словарей китайского языка 现代汉语词典, 中华现代汉语词典; иероглифического словаря 现代通用 7000 字; нового русско-китайского словаря 新俄汉词典 и произведений художественной литературы бурятских и китайских авторов, национального корпуса бурятского языка и корпуса китайского языка.

Целью работы является комплексное описание общих и типологических черт семантики глаголов направления движения в бурятском и китайском языках. Отсюда вытекают нижеследующие **задачи**:

1. Определить параметры выделения глаголов в лексико-семантическую группу глаголов направления движения в бурятском и китайском языках.

2. Выявить количественный состав и семантический объем групп глаголов направления движения бурятского и китайского языков.

3. Установить, основываясь на типологию Л. Талми, типологически общие и различительные черты в бурятском и китайском языках.

4. Установить универсальные и различительные черты в семантике совпадающих по значению единиц, входящих в группу глаголов направления движения бурятского и китайского языков.

5. Описать свойства глагольных единиц группы глаголов направления движения китайского языка и выявить способы актуализации их значений в бурятском языке.

6. Выявить и описать универсальные и различительные черты семантики составных глаголов направления движения бурятского и сложных глаголов направления движения китайского языков.

Научная новизна определяется выбором объекта исследования и средств его изучения. В силу того, что в структурном отношении глагол является ведущей частью речи в языке, исследователи бурятского и китайского языков в своих работах не раз освещали некоторые проблемы семантики и функций глагола в предложении: К.М. Черемисов (1939), Т.А. Бертагаев (1961), Ц.-Ж.Ц. Цыдыпов (1972), Р.Х. Харташкина (1965), В.М. Егодурова (1995; 2003); А.А. Драгунов (1952), С.Е. Яхонтов (1957), Н.Н. Коротков (1968), В.И. Горелов (1989), Тань Аошуан (2002). Однако лексико-семантическая сторона особенностей семантики глаголов группы направления движения, на наш взгляд, изучена недостаточно. В указанных работах исследователи отмечают, что в бурятском и китайском языках есть глаголы, обозначающие направленное движение в пространстве, обладающие своими грамматическими особенностями, но списки глаголов и критерии отбора в самостоятельную группу у авторов или не даются, или не

совпадают, что говорит о необходимости разработки данного вопроса. Отдельно стоит упомянуть монографию В.М. Егодуровой (1995), где впервые в типологическом ракурсе рассматриваются глаголы движения бурятского языка в сопоставлении с русскими глаголами движения. В указанной работе в рамках рассмотрения полисемантических связей, семантических компонентов лексического значения бурятских глаголов движения, а также грамматических категорий вида, времени, залога и синтаксической валентности решаются некоторые проблемы семантики глаголов направления движения. В отечественной синологии проблема изучения глаголов движения и направления движения изучалась только в рамках грамматик китайского языка (В.И. Горелов, Т.П. Задоев). Отдельно следует указать монографию Тань Аошуан (2002), вторая часть которой посвящена исследованию глагола и глагольных категорий, где подробно рассматриваются различные аспекты функционирования глагольных предикатов, наибольший интерес представляют направительные и результативные конструкции. Также следует назвать диссертационные исследования Гуан Лили (2012) и Ду Хунцзюня (2010), в которых в сопоставительном плане с русскими глаголами движения рассматриваются некоторые аспекты функционирования китайских глаголов движения. Таким образом, изучение семантики глаголов направления движения в бурятоведении и синологии в сопоставительном аспекте является новым направлением, а между тем обращение к изучению семантики глаголов направления движения в сопоставительном плане представляется необходимым не только в чисто лингвистическом плане, но и для выявления особенностей национального сознания, культурных традиций, а также лингвокультурологических характеристик членения пространства.

В диссертационной работе в научный оборот вводится определение группы глаголов направления движения, вырабатываются критерии для выделения их в отдельную группу и определяются типологические

(универсальные) и характерные только для данного типа языка (уникальные) черты семантики глаголов исследуемой группы.

Теоретическая значимость исследования заключается в выявлении общих и специфических черт семантики глаголов направления движения разноструктурных языков, что представляет интерес для теории значения, разработки вопросов теории перевода глагольных единиц. Кроме того, выводы и обобщения, представленные в работе, полезны в решении антропоцентрических проблем лингвистики, в частности, могут оказать содействие в углубленном рассмотрении языковой картины мира бурят и китайцев. Результаты исследования могут быть полезны в разработке проблем общезыковых универсалий, лексической типологии, а также бурятоведении и синологии.

Практическая ценность заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы в составлении словарей, разработке спецкурсов по преподаванию китайского языка школьникам и студентам, для которых бурятский язык является родным, а также при сравнительно-сопоставительном изучении китайского и монгольских языков. Собранные языковые материалы в той или иной мере могут представлять интерес не только для специалистов в области бурятского или китайского языков, но и для тех, кто занимается изучением общетеоретических проблем языкознания.

Методологическую и теоретическую базу диссертации составляют труды отечественной бурятоведческой школы (К.М. Черемисов, Т.А. Бертагаев, Ц.-Ж.Ц. Цыдыпов, В.М. Егодурова) и синологической школы (И.М. Ошанин, А.А. Драгунов, С.Е. Яхонтов, Н.Н. Коротков, В.И. Горелов, В.М. Солнцев, Тань Аошуан). Принимаются во внимание общетеоретические работы, посвященные исследованию категории глагола (Ю.Д. Апресян, В.Г. Гак, А.В. Бондарко, Т.А. Майсак). Учитываются современные достижения в области когнитивной лингвистики (Е.В. Рахилина, Е.С. Кубрякова), в области типологии языков (Л. Талми, Д.И. Слобин), а также бурятской и китайской лингвокультурологии

(Е.А. Бардамова, Тань Аошуан). Изучение полисемии и валентности глагольных единиц бурятского и китайского языков реализуется с опорой на результаты исследований теории валентности и теории слова (С.Д. Кацнельсон, И.А. Мельчук, А.Л. Семенов).

Методы исследования. В предложенном исследовании применялись следующие методы: метод лингвистического анализа, который позволяет в результате поэтапного исследования с помощью взаимного уточнения получить наиболее объективные результаты; метод компонентного анализа; метод контрастивного анализа; метод дефиниционного анализа; метод трансформации, описательный метод; метод «лингвистической интроспекции» с опорой на собственную языковую компетенцию и интуицию лингвиста с последующим сопоставлением своих наблюдений с мнением других лингвистов и носителей языка.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1) общим в семантике глаголов направления движения типологически разноструктурных языков является то, что в них отражена целая ситуация направленного движения в пространстве с фиксированным набором компонентов;

2) составные и сложные глаголы направления движения бурятского и китайского языков отражают особенности в восприятии пространства носителями разных культур;

3) изучение способов объективации пространства глаголами направления движения языков разных типов позволяет выявить их семантическое своеобразие.

В качестве **гипотезы** исследования выдвигается идея о том, что, основываясь на рассмотрении семантики глаголов направления движения разноструктурных языков, можно выявить специфику в типологическом строении языков, так как их особенности являются отражением фрагмента национальной картины мира.

Апробация работы. Результаты исследования докладывались и обсуждались на ежегодных научных конференциях профессорско-преподавательского состава Бурятского государственного университета, представлялись в виде выступлений и публикаций на международных научно-практических конференциях: «Азиатско-Тихоокеанский регион: история и современность – III» (Улан-Удэ, 2009), «Современная лингвистическая ситуация в международном пространстве» (Тюмень, 2010), «Евразийский фронтир» (Улан-Удэ, 2012).

Материалы диссертации нашли применение в практике преподавания при написании курсовых и дипломных работ студентами Бурятского государственного университета, а также послужили материалом для магистерского исследования по теме «俄罗斯留学生学习汉语趋向动词偏误分析及教学对策» («Анализ типичных ошибок иностранных студентов из России при изучении китайских глаголов направления движения и разработка методики преподавания данного аспекта иностранным студентам из России»), выполненного нами в период стажировки в Педагогическом университете Внутренней Монголии КНР (2012).

Статьи, опубликованные в реферируемых изданиях: К проблеме изучения грамматической категории вида китайского глагола отечественными лингвистами// Вестник Бурятского государственного университета. Выпуск 8. Востоковедение. Раздел филология. Улан-Удэ, 2009. 224 –228; К вопросу о выделении лексико-семантической группы глаголов движения в китайском и бурятском языках // Вестник Бурятского государственного университета. Выпуск 8. Востоковедение. Раздел филология. Улан-Удэ, 2011. 118 – 123; Семантика китайских базовых глаголов направления движения “来” и“去” // Вестник Бурятского государственного университета. Выпуск 8. Востоковедение. Раздел филология. Улан-Удэ, 2012. 113 – 119; Типологически общее и

различительное в выражении перемещения в пространстве составными бурятскими и сложными китайскими глаголами направления движения // Вестник Бурятского государственного университета. Выпуск 8. Востоковедение. Раздел филология. Улан-Удэ, 2014. 82 – 87.

Структура и объем диссертации. Поставленные цели и задачи, материалы исследования определили структуру работы. Диссертация состоит из введения, двух глав с выводами, заключения, литературы. Общий объем работы составляет 202 с. Список использованной литературы включает 182 наименования, список сокращений составляет 12 наименований. В диссертации представлены 2 таблицы и 15 рисунков.

ГЛАВА 1. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛАГОЛОВ НАПРАВЛЕНИЯ ДВИЖЕНИЯ БУРЯТСКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ

1.1. Теоретические основы изучения глаголов направления движения

1.1.1. Принципы выделения группы глаголов направления движения в бурятском и китайском языках

Как известно, язык – это система взаимодействующих между собой уровней, где каждый уровень представлен совокупностью относительно однородных единиц. Лексический уровень языка представлен совокупностью лексических единиц, между которыми существуют определенные отношения, позволяющие считать данную совокупность системой, а не простым набором объектов, поэтому лексические единицы существуют не изолированно друг от друга, а объединяются в лексико-семантические поля.

Связи между значениями слов в семантическом поле различаются по степени общности (синонимия, антонимия, гипонимия и др.). А.В. Бондарко дает такое определение функционально-семантическому полю: «Функционально-семантическое поле – это конкретно языковые двусторонние единства, план содержания которых включает в себя семантические элементы в интерпретации именно данного языка» [Бондарко, 1971, с. 21]. Исследователь считает, что в основе каждого функционально-семантического поля лежит определенная семантическая категория, представляющая собой тот семантический инвариант, который объединяет разнородные языковые средства и обуславливает их взаимодействие.

Лексико-семантическое поле формируют лексико-семантические группы, характерной чертой которых является принадлежность составляющих ее элементов к одной части речи.

Лексико-семантическая группа глаголов движения представлена во всех языках, так как движение является универсальной категорией, соответственно глаголы движения, вне всякого сомнения, входят в ядро системы языковых средств, обозначающих пространственные отношения, и принадлежат к числу наиболее значимых лексических единиц любого естественного языка. Психолингвисты Г. Миллер и Ф. Джонсон-Лэрд называют их «самыми глагольными среди глаголов» [Майсак, 2002, с. 101].

С точки зрения философского подхода, движение – это «способ существования материи, неотъемлемое ее свойство, внутренне присущий материи атрибут. Материи неподвижной, неизменно пребывающей в покое, не существует. Учение о движении материи разрабатывалось на протяжении всей истории философской мысли. Идея о всеобщности движения и его абстрактном характере, об изменчивости и развитии природы была выдвинута еще в древности философами Китая, Индии и Греции. Например, по мнению Лаоцзы, в мире нет ничего неподвижного, неизменного, все начинается с движения» [Философская энциклопедия, 1960, с. 433].

Анализ глаголов движения как членов определенной лексико-семантической парадигмы должен опираться на понимание природы значения глагольного слова. Глагол в бурятском языке обозначает действие или состояние как процесс. Лексические значения глаголов разнообразны, они могут обозначать движение, состояние, проявление признака, отношение к кому-нибудь, но самое общее и наиболее важное грамматическое значение глагола сводится к выражению действия. В.М. Егодурова охарактеризовала глагольное слово в системе бурятского языка с точки зрения фонетических и морфологических особенностей, выделив синтетические (простые и сложные) и составные слова [Егодурова, 2003, с. 9].

В китайском языке глагол обозначает действие или состояние предмета, может указывать цель действия или обозначать образ (способ) совершения действия, иногда указывает относительный признак предмета [Горелов, 1982, с. 23]. С точки зрения морфемной структуры, китайские

глаголы могут быть простыми (односложными) и сложными. Как отмечает М.Б. Рукодельникова, «весьма продуктивным классом китайской глагольной лексики являются сложные лексемы, одним из компонентов которых стал глагол направления движения» [Рукодельникова, 2007, с. 597].

Обзор работ, в которых в той или иной степени освещалась проблема изучения лексико-семантического поля глаголов движения разных языков (А.П. Аверьянова, А.Ф. Атрощенко, М. Афифи, З.У. Блягоз, Л.С. Мурвьева, Ю.Д. Апресян, Э.Р. Тенишев, Ж.К. Шайкенова, В.М. Егодурова, В.С. Барыс-Хоо, Л.Д. Умарова, Л.Б. Молонова, М.Р. Саттарова, Р.Х. Харташкина, И.К. Илишкин, Ду Хунцзюнь, Р.О. Гасанова, Е.В. Ярема, Чжу Бэй и др.), позволяет сделать вывод, что в современной лингвистической литературе существует множество подходов к выделению глаголов движения в отдельную лексико-семантическую группу. Рассмотрев точки зрения на критерии выделения глаголов в самостоятельную группу, представим наиболее общие их признаки: а) содержание в семантике глагола категориальной лексической семы со значением «перемещение в пространстве», являющейся признаком высшего порядка (архисемой) для всех единиц группы; б) семантическое (глагол указывает на процесс движения в одну сторону и обратно, движение в разных направлениях, движение по кругу); в) морфологические и категориальные (по аспектуальному признаку кратности/ не кратности действия) признаки.

Исследователями бурятского и китайского языков при выделении глаголов движения в отдельную лексико-семантическую группу также предлагаются определенные критерии. Так, в работе В.М. Егодуровой, исследовавшей глаголы движения в бурятском языке, отмечается, что глаголы движения следует выделять на основе «понятия о разных видах простого перемещения, научно обоснованного в философии, физике, биологии и выражаемого в языке глагольными лексемами» [Егодурова, 1995, с. 16].

Китайский исследователь Чжу Бэй в статье «现代汉语位移动词综述» («Обзор исследований о глаголах движения современного китайского языка») рассмотрел группу глаголов движения, взяв за основу их выделения наличие в значении глагола семы «перемещение, движение» [朱蓓, 2007, с. 59].

Таким образом, у отечественных и зарубежных исследователей разных по строю языков общим условием отнесения глаголов к отдельной лексико-семантической группе глаголов движения является наличие в их семантике семы «движение».

Известно, что в значении глагола заложена целая процессуальная ситуация, семантика глагола движения соответственно отражает процесс передвижения в пространстве. Обладая неразрывной связью с пространственными понятиями, глагол движения может быть охарактеризован такими признаками, как способ, среда, направленность и характер. Е.В. Рахилина в работе «Когнитивная семантика» отмечает, что «языковая модель мира ориентирует каждый объект в пространстве относительно себя самого (отсюда такие понятия, как «перед», «бок», «верх», «низ» и «под») и относительно других объектов. Для языка важно, не только что это за объект, но и где он расположен, движется он или находится в покое, является фоном или фигурой» [Рахилина, 1998, с. 285].

По наблюдениям отечественного исследователя Т.А. Майсака, «типологическое исследование семантики глаголов движения связано в первую очередь с работами Леонардо Талми, в которых рассматриваются так называемые «модели лексикализации» (lexicalization patterns) – основные способы языкового выражения компонентов ситуации движения» [Майсак, 2005, с. 104]. По мнению Л. Талми, базовое событие движения состоит из одного объекта (фигуры (Figure)), которая движется или локализована относительно другого объекта (фона (Ground)). Помимо фона и фигуры событие движения также составляют путь (Path) и движение (Motion) [Talmy,

1985, с. 61]. Вслед за Л. Талми в данном исследовании мы будем рассматривать следующие компоненты события движения:

1. Фигура – объект, перемещающийся или локализованный относительно другого объекта – опорного объекта, или фона.

2. Фон – опорный объект, относительно которого осуществляется перемещение или определяется местонахождение объекта, названного фигурой.

3. Путь или маршрут – маршрут, по которому перемещается фигура, или местонахождение фигуры относительно фона.

4. Движение – компонент, характеризующий наличие в событии собственно движения или статической локализации.

Как известно, лексико-семантическое поле включает в себя большое количество лексем, объединенных различными отношениями, признаками. Взяв за основу определенный признак, единицы, входящие в поле, также можно объединить в более мелкие подгруппы, построенные по той же иерархической системе, как и поле. Исследователи бурятского и китайского языков в группе глаголов движения выделяют особую группу глаголов – **глаголы направления движения**, где элементы связаны общей семой со значением направленного движения.

В отечественной лингвистике исследователи бурятского и китайского языков не фокусировали свое внимание на рассмотрении группы глаголов направления движения, данная группа глаголов в основном описывалась в рамках изучения лексико-семантической группы глаголов движения.

Анализ лингвистической литературы позволяет констатировать, что на сегодняшний день работ, посвященных непосредственно исследованию группы глаголов направления движения, в бурятском языке нет, однако в ряде работ они были названы и кратко охарактеризованы. Так, исследователи бурятского языка К.М. Черемисов, Т.А. Бертагаев, Ц.-Ж.Ц. Цыдыпов, В.М. Егодурова в своих работах называют глаголы, обозначающие направленность движения.

Отечественный исследователь бурятского языка К.М. Черемисов в статье «Заметки по бурят-монгольскому языку. Синтаксическое употребление некоторых глаголов» (1939) среди прочих глаголов обращает свое внимание на такие глаголы, как *ябаха – идти, байха – являться (быть), ошохо – уходить, орохо – входить, гараха – выходить, ерэхэ – приходить*. Автор рассматривает данные глаголы отдельно от остальных, так как данные лексемы позволяют в бесприставочном бурят-монгольском языке передать значения приставок, характерных для русского языка.

Т.А. Бертагаев в работе «О морфологическом строе бурятского языка» (1961) выделяет ряд глаголов, среди которых рассматривает такие как *ябаха – идти, ошохо – уходить, орохо – входить, гараха – выходить, ерэхэ – приходить* на основе функционирования в предложении в качестве служебных глаголов. Исследователь рассматривает данные глаголы отдельно от других, так как они обладают способностью соединяться с деепричастиями, внося тот или иной оттенок в зависимости от своего лексического значения.

Ц.-Ж.Ц. Цыдыпов в труде «Аналитические конструкции в бурятском языке» (1972) отдельно выделяет в группе глаголов лексические единицы, выражающие направленное перемещение в пространстве: *ошохо – уходить, орохо – входить, гараха – выходить, ерэхэ – приходить*.

В работе В.М. Егодуровой «Типология глагола в бурятском и русском языках» (1995), специально посвященной исследованию глаголов движения, выделяется довольно большая группа глаголов направления движения: *ошохо, орохо, гараха, тэхэрихэ, хадуурха, дабхиха, үгсэхэ, доошолхо, дээшэлхэ, зүүлэхэ, баруулха, хойшолхо, уруудаха, урагшалха, шэглэхэ, зүглэхэ, зубшаха, шархааха, талиха, тараха* (20 глаголов).

Списки глаголов, обозначающих направленное движение в бурятском языке, у Ц.-Ж. Цыдыпова и В.М. Егодуровой совпадают и включают четыре глагола: *ошохо – уходить, ерэхэ – приходить, орохо – входить, гараха – выходить*. В списке Т.А. Бертагаева помимо названных четырех

рассматривается глагол *ябаха – идти*. Причина включения глагола *ябаха* вместе с вышеуказанными четырьмя глаголами видится в том, что автор исходил, в первую очередь, из возможности глаголов соединяться с деепричастиями, а не из семантики рассматриваемых единиц. Список К.М. Черемисова совпадает со списком Т.А. Бертагаева, но включает еще один глагол *байха – являться (быть)*. За основу включения глаголов в группу исследователь также берет функциональные способности глагола, то есть способность выступать в качестве служебного слова в соединении с деепричастием, что соответствует русским приставочным глаголам.

На наш взгляд, глаголы, входящие в список исследователей Ц.-Ж. Цыдыпова и В.М. Егодуровой, выделены не только на основе функциональных возможностей, но также на основе семантического признака, т.е. способности объективировать направленное перемещение от места отправления «куда-то», «сюда», «вовнутрь», «наружу».

Указанные четыре производных глагола направления движения (*ошохо – уходить, орохо – входить, гараха – выходить, ерэхэ – приходить*), на которые так или иначе бурятоведы обращали внимание в своих исследованиях, на наш взгляд, являются ядерными глаголами лексико-семантической группы бурятских глаголов направления движения, так как содержат идею наиболее обобщенного направленного движения в пространстве не различая способа движения. По мнению В.М. Егодуровой, «направленность движения является основным характерным признаком бурятских глаголов перемещения, на основе этой семы развиваются многочисленные переносные значения. ... Благодаря большому объему прямых значений и широкой полисемии активно употребительные производные четыре бурятских глагола способны передавать разнообразные значения, содержащие в своей основе сему направленности движения» [Егодурова, 1995, с. 35].

Более того, из всей группы глаголов направления движения, как пишет В.М. Егодурова, только указанные четыре глагола могут быть

полифункциональными, т.е. выступать в качестве как полнозначного глагола, так и в качестве вспомогательного глагола в соединении с деепричастием со значением движения, образуя составной глагол движения, например, *гүйжэ (бежать) + орохо (движение внутрь фона) = гүйжэ орохо (вбежать, бегом направляться внутрь)*. Данные глаголы также способны, сочетаясь между собой, образовывать двусоставные глаголы направления движения, которые в свою очередь могут присоединяться к деепричастию со значением движения, внося значение направления перемещения. Например, *ороод (движение внутрь фона) + ерэхэ (движение к фону) = ороод ерэхэ (движение внутрь фона и к фону); гүйжэ + ороод ерэхэ = гүйжэ ороод ерэхэ (движение бегом внутрь фона к фону)*.

Необходимо отметить, что понятие «составной глагол» используется нами вслед за В.М. Егудуровой (2001; 2003). На наш взгляд, исследователь убедительно обосновала использование данного термина, отнеся составные глаголы к словам, образованным аналитическим способом.

Таким образом, в фокусе нашего исследования будут четыре производных глагола направления движения бурятского языка, которые содержат идею направленного в пространстве движения, без указания на способ и обладают описанными полифункциональными свойствами: *ошохо – уходить, орохо – входить, гараха – выходить, ерэхэ – приходить*.

Китайские глаголы направления движения не раз были объектом исследования отечественных и китайских лингвистов, но, несмотря на это, среди исследователей нет единства взглядов на следующие вопросы: является ли лексико-семантическая группа глаголов направления движения отдельной группой глаголов или является подгруппой в группе глаголов движения; каков количественный состав группы.

По нашим наблюдениям, ряд синологов рассматривает глаголы направления движения как самостоятельную группу глаголов безотносительно к глаголам движения (王媛 (Ван Юань), 催达送

(Цуй Дасун), Т.П. Задоевко Хуан Шуин, О.М. Готлиб). Другие же рассматривают глаголы направления движения как подгруппу в группе глаголов движения китайского языка (珠蓓 (Чжу Бэй), 2007).

Исследователи китайского языка Т.П. Задоевко и Хуан Шуин считают, что «в китайском языке существуют глаголы, выражающие идею движения и указывающие на направление этого движения» [Задоевко, 2004, 246]. О.М. Готлиб рассматривает «глаголы направления» в группе стандартных глаголов китайского языка [Готлиб, 2004, с. 114]. Дин Шэншу, Люй Шусян и др. в «Лекциях по грамматике современного китайского языка» среди глаголов китайского языка выделяют отдельную группу глаголов, «выражающих направление» [цит. по кн.: Курдюмов, 2005, с. 500]. Ван Юань также считает, что глаголы направления движения являются отдельным разрядом глагольных слов, выражающих направленное перемещение и обладающих своими особенностями употребления [王媛, 2011; с. 1].

Иной точки зрения придерживается китайский исследователь Чжу Бэй. В статье «Обзор исследований о глаголах движения современного китайского языка» («现代汉语移位动词研究综述») (2007), он, анализируя существующие точки зрения на классификацию глаголов движения китайского языка, пишет, что всю группу китайских глаголов движения можно разделить на подгруппы по следующим критериям: значение глагола (движение рук, ног и т.д.); количество комбинаторных возможностей глагола в функции сказуемого в предложении; сочетаемость глагола с дополнением; возможность редуцироваться и по семантическому признаку. По его мнению, среди всех глаголов движения китайского языка можно выделить дополнительные подгруппы глаголов: направления движения, глаголы связки и модальные глаголы [朱蓓, 2007, с. 61].

На наш взгляд, глаголы направления движения правомерно относить к группе глаголов движения в качестве подгруппы со своими особыми свойствами, так как ядерным значением данных глаголов все-таки является значение направленного движения, что отмечено всеми синологами.

Вопрос о количественном составе данной группы китайских глаголов не решен окончательно, поэтому в современной лингвистической литературе существует много разных взглядов на проблему. Разные исследователи относят в группу глаголов направления движения неодинаковое количество глаголов: 7 (Задоевко, 2004), 10 (幸承姬 (Син Сынг Хи), 2000), 11 (Дин Шэншу, 2005), 9 (Готлиб, 2004), 12 (马烧莹 (Ма Шаоин), 2004).

Т.П. Задоевко и Хуан Шуин делят глаголы направления движения на глаголы, обозначающие ориентированное в пространстве движение: 进 [jin] – *входить*¹, 出 [chu] – *выходить*, 下 [xia] – *спускаться*, 上 [shang] – *подниматься*, 回 [hui] – *возвращаться*, 过 [guo] – *проходить через*, 起 [qi] – *подниматься, отрываясь от поверхности*. И глаголы, выражающие ориентацию по отношению к говорящему: 来 [lai] – *приходить* и 去 [qu] – *уходить*.

Авторы труда «Лекции по грамматике современного китайского языка» (1952-1953) Дин Шэншу и др. помимо указанных глаголов к глаголам, выражающим направление, относят такие глаголы, как 上来 [shanglai] – *подниматься по направлению к дейктическому центру*, 进去 [jinqu] – *входить по направлению от дейктического центра* [Курдюмов, 2005, с. 500].

О.М. Готлиб (2004) рассматривает глаголы направления как разряд в группе стандартных глаголов китайского языка. За основу выделения разрядов автор берет семантические, валентностные и формообразовательные характеристики глаголов. В данном разряде глаголов

¹ Здесь и далее перевод дается по цитируемому источнику.

называются только глаголы группы «*进 [jin]*»: *上 [shang]* – подниматься, *下 [xia]* – спускаться, *来 [lai]* – приходить, *去 [qu]* – уходить, *出 [chu]* – выходить, *回 [hui]* – возвращаться, *过 [guo]* – проходить через, *起 [qi]* – подниматься, отрываясь от поверхности, *到 [dao]* – достигнуть какого-либо места. «Глаголы этой группы не могут оформляться на суффикс «*着 [zhe]*», не могут редуцироваться, не могут управлять дополнением, но принимают локативный комплемент; они часто выступают как суффиксы, передавая различные значения модификации или результата» [Готлиб, 2004, с. 115].

Ма Шаоин в магистерской работе «*现代汉语趋向动词语义研究*» («Исследование семантики глаголов направления движения современного китайского языка») (2004) при определении основных критериев выделения глаголов в группу глаголов направления движения указывает необходимость учитывать не только семантику, но и грамматические особенности глагола. Основными грамматическими условиями автор считает, во-первых, позицию глагола направления движения после основного глагола в функции направительной морфемы со значением направления движения, во-вторых, возможность в сочетании с базовыми глаголами движения *来 [lai]* *приходить* и *去 [qu]* *уходить* образовывать сложные глаголы направления движения. В его список глаголов помимо семи глаголов, выделенных Т.П. Задоевко и Хуан Шуин, вошел еще один глагол *开 [kai]* *разделяться*.

Корейская исследовательница китайского языка Син Сынг Хи в статье «Система китайских глаголов направления движения» («*汉语趋向动词系统*») (2000) ставит проблему несовпадения количественного состава группы китайских глаголов направления движения у разных исследователей китайского языка. В рамках ее решения автор делит существующие точки

зрения на три группы: к первой группе относятся мнения исследователей Чжан Чжигуна, Ху Юшу, На Фуи и Гао Гэшэна; ко второй – Ли Линьдин и в третью группу включаются воззрения исследователей Люй Шусяна и Люй Юэхуа.

По нашим наблюдениям, следующие глаголы направления движения называются исследователями всех трех групп, которые выделила Син Сынг Хи: 来 [lai] – *приходить*, 去 [qu] – *уходить*, 上 [shang] – *подниматься*, 下 [xia] – *спускаться*, 进 [jin] – *входить*, 出 [chu] – *выходить*, 回 [hui] – *возвращаться*, 过 [guo] – *проходить через*. Другими словами, список названных глаголов совпадает у всех перечисленных исследователей. Отличие в списках исследователей составляет включение или невключение в список глаголов направления движения, таких как 起 [qi] – *подниматься, отрываясь от поверхности*, 开 [kai] – *разделяться*, 到 [dao] – *достигнуть какого-либо места*.

Сама Син Сынг Хи утверждает, что при отнесении глагола к группе глаголов направления движения нужно учитывать не только семантику, но и грамматические особенности глагола, что совпадает со взглядами китайского исследователя Ма Шаоина. Таким образом, в своей работе исследователь выделяет следующие критерии отнесения глагола в группу глаголов направления движения:

1) способность глагола со значением направления движения употребляться после полнозначного глагола в функции направительной морфемы;

2) способность глагола участвовать в образовании сложного глагола направления движения;

3) способность глагола присоединять обстоятельство со значением места;

4) способность сочетания двух глаголов [сложного глагола направления движения] группы направления движения принимать дополнение места, при этом позиция дополнения будет между глаголами;

5) способность сочетания двух глаголов [сложного глагола направления движения] принимать простое дополнение, при этом позиция дополнения будет между глаголами [幸承姬, 2000, с. 102].

По мнению исследователя, два первых условия самые важные при определении глаголов направления движения, остальные три – второстепенны.

Двум первым условиям соответствуют следующие десять китайских глаголов: 来 [lai] – *приходить*, 去 [qu] – *уходить*, 上 [shang] – *подниматься*, 下 [xia] – *спускаться*, 进 [jin] – *входить*, 出 [chu] – *выходить*, 回 [hui] – *возвращаться*, 过 [guo] – *проходить через*, 起 [qi] – *подниматься, отрываясь от поверхности* и 开 [kai] – *разделяться*.

Второстепенным условиям соответствуют следующие восемь: 来 [lai] – *приходить*; 去 [qu] – *уходить*; 上 [shang] – *подниматься*; 下 [xia] – *спускаться*; 进 [jin] – *входить*; 出 [chu] – *выходить*; 回 [hui] – *возвращаться*; 过 [guo] – *проходить через*. Син Сынг Хи называет их «типичными» глаголами направления движения (典型趋向动词).

Таким образом, как можно наблюдать, глаголы 起 [qi] – *подниматься, отрываясь от поверхности*, 开 [kai] – *разделяться* соответствуют только первым двум условиям из пяти, и Син Сынг Хи называет такие глаголы «допустимыми» глаголами направления движения (准趋向动词).

По замечанию китайского исследователя Чжоу Имина, некоторые исследователи китайского языка, в частности авторы книги «现代汉语»

(«Современный китайский язык») (1993), не считают глагол 开 [kai] – *разделяться* глаголом направления движения, говоря о том, что данный глагол, выражая направленность движения, имеет только два значения: 分开 [fenkai] – *разделять, делить* и 离开 [likai] – *покидать, расставаться*, чего недостаточно для отнесения данного глагола к группе глаголов направления движения [周一民, 1999, с. 32]. Но все-таки сам Чжоу Имин считает глагол 开 [kai] глаголом направления движения и в качестве аргументов приводит доводы, которые совпадают с точкой зрения Син Сынг Хи, т.е. глагол может сочетаться с полнозначным глаголом, внося дополнительное значение направленности действия, и участвовать в образовании сложных глаголов направления движения.

Мы считаем условия выделения китайских глаголов в группу глаголов направления движения, предложенные Син Сынг Хи, наиболее обоснованными. Данные условия вполне соответствуют универсальным критериям ситуации направленного движения, выражаемым полифункциональными глаголами.

Анализ лингвистической литературы показал, что несмотря на то, что глаголы направления движения рассматривались с точки зрения различных проблематик в рассматриваемых языках (в сопоставительном, методологическом и других аспектах), исчерпывающего и универсального определения данной группе глаголов так и не было дано.

Опираясь на параметры, выделенные Л. Талми (фигура, фон, маршрут, движение), глаголы направления движения можно охарактеризовать как лексемы, обозначающие ситуацию движения, в которой обязательно наличие говорящего и субъекта движения – фигуры (иногда говорящий может совпадать с фигурой). Фигура перемещается по маршруту L1 — L2 относительно какого-либо ориентира движения – фона, где L1 – начальная точка движения, а L2 – конечная точка движения. Данная ситуация

показывает местонахождение говорящего по отношению к фону. Важно заметить, что говорящий может как являться сторонним наблюдателем ситуации движения, так и выступать участником ситуации движения. В случае, когда говорящий выступает участником ситуации, его местонахождение может совпадать с фоном, а может и не совпадать.

Для нашего дальнейшего исследования выделены следующие глаголы направления движения бурятского и китайского языков, которые полностью соответствуют данному определению, а именно все они обозначают ситуации движения, в которых есть говорящий, субъект движения – фигура, фон (ориентир движения) и маршрут.

В бурятском языке это глаголы, которые обозначают наиболее обобщенную идею движения в пространстве:

ошохо – движение от фона;

ерэхэ – движение к фону;

орохо – движение внутрь фона;

гараха – движение изнутри фона.

Группа глаголов направления движения китайского языка представлена следующими глаголами:

来 [*lai*] – движение, направленное к фону относительно говорящего;

去 [*qu*] – движение, направленное от фона относительно говорящего;

进 [*jin*] – движение внутрь фона;

出 [*chu*] – движение изнутри фона;

上 [*shang*] – движение вверх к фону;

下 [*xia*] – движение вниз от фона;

回 [*hui*] – движение обратно к фону;

过 [*guo*] – движение минуя фон;

起 [qi] – движение, направленное вверх (отрываясь от поверхности) от фона (сесть из положения лежа, встать из положения сидя);

分 [kai] – движение разделяясь в разные стороны от фона.

Выделенные для нашего исследования указанные глаголы, входящие в лексико-семантическую группу глаголов направления движения, обладают полифункциональными свойствами, т.е. имеют способность функционировать как самостоятельный глагол в предложении, а также выступать в функции вспомогательного компонента для образования составных глаголов (или сложных глаголов) в соединении с другими глаголами. Следует отметить, что образованные таким образом составные (сложные) слова, в свою очередь, могут выступать как самостоятельное глагольное слово, а также присоединяться к глаголу движения, внося значение направления.

1.1.2. Типология бурятского и китайского языков с позиций моделей лексикализации Л. Талми

Типологические исследования всегда занимают важное место в науке о языке. Типология, являясь разделом лингвистики, преследует цель установить общие закономерности разных по происхождению и типу языков. Проблемы лексической типологии в современном языкознании еще не получили полного решения, так как, как справедливо отмечают Е.В. Рахилина и В.А. Плунгян, типологическое изучение систем языковых значений понимается в первую очередь как грамматическая типология, а о лексических системах в связи с типологической проблематикой говорить пока в общем не принято [Рахилина, 2007, с. 9]. Сложившуюся ситуацию Е.В. Рахилина и В.А. Плунгян объясняют тем, что современная типология базируется на данных морфологии и синтаксиса, если лексика и становится ее объектом, то только как исходная точка в процессе грамматикализации, так как противопоставления отдельных семантических компонентов

лексического значения в отличие, например, от грамматических показателей не имеют специальных формальных выражений, так что обнаружить их в языке довольно сложно. Л. Талми, занимаясь изучением семантической типологии языков и универсалиями, исследуя когнитивную семантику в общем и семантику движения в частности, пишет о том, что типологические исследования можно проводить в двух направлениях.

1. Первое направление характеризуется тем, что за основу исследования принимается конкретный формально-поверхностный элемент (например, глагольный корень или элементы, располагающиеся за пределами глагольного корня) и рассматривается, какие семантические элементы выражает данный формально-поверхностный элемент.

Рассматривая, главным образом, глагольный корень, исследователь говорит о том, что существует только три типа корней глаголов движения, которые и составляют исчерпывающую типологию. «Любой язык использует только один из типов глаголов для выражения движения» [Talmy, 1985, с. 62].

I тип – это тип, где в корне глагола, наряду со значением движения, выражен и способ движения или причина (motion +manner/ cause). По мнению Л. Талми, к этому типу относится китайский язык и все ветви индоевропейской семьи (исключая романские).

II тип – это тип, где в корне глагола наряду со значением движения указана траектория движения (путь) (motion + path). К языкам с данным типом глаголов Л. Талми относит полинезийские, романские и семитские языки.

III тип – в корне заложено значение движения и тип субъекта данного движения (motion + figure). Данная структура уникальна, в качестве примера из языка средневропейского стандарта автор приводит английский глагол *rain* – идти (о дожде), в котором закодирован субъект, осуществляющий движение. Глаголы данного типа распространены в ряде языков Северной Америки.

Основываясь на предложенном подходе типологии языков, можно сделать вывод о том, что в рассматриваемых нами бурятском и китайском языках встречаются как первый, так и второй типы глагольных корней:

1) *бур.* *Үдэшэ бүри голой эрье руу гүйдэг юм.* Он каждый вечер бегает на берег реки.

2) *кит.* *他每天跑到河边 [ta mei tian paodao hebian].* Он каждый вечер бегает на берег реки.

В данных примерах глаголы движения *бур.* *гүйхэ* и *кит.* *跑 [paο]* (бегать) отражают в своем корне движение + способ движения (бегом), т.е. первый тип глагольных корней.

1) *бур.* *Би орооб.* Я вошел.

2) *кит.* *我进了 [wo jinle].* Я вошел.

Глаголы со значением движения внутрь фона, используемые в данных примерах, *бур.* *орохо* и *кит.* *进 [jin]* демонстрируют второй тип корней, т.е. в глагольном корне содержится траектория движения.

Таким образом, мы можем констатировать что в бурятском и китайском языках представлены два типа глагольных корней для описания движения. Данный факт говорит о том, что типология глагольных корней, предложенная Л. Талми, требует уточнения, и, как верно замечает Т.А. Майсак, «языки далеко не всегда представляют «чистые» типы в рамках бинарной – или даже тернарной – классификации, среди них много «смешанных» и промежуточных случаев» [Майсак, 2005, с. 107].

2. Второе направление характеризуется тем, что за основу исследования принимается конкретный семантический элемент (например, маршрут или способ перемещения) и рассматривается то, какими теми или иными конкретными формальными (морфосинтаксическими) средствами выражается данный семантический компонент [Talmy, 2000, с. 22]. Другими словами, каким компонентом выражается траектория движения в

конструкции, «как траектория движения и способ движения закодированы и сочетаются в одной клаузе (сочетании)» [Fanego, 2008].

Согласно второй классификации за основу принимается семантический компонент маршрута движения. Взяв за основу способ выражения смы «маршрут движения», все языки Л. Талми предлагает разделить на два типа:

а) «языки глагольного типа» (verb-framed), в которых траектория перемещения заложена в глагольном корне (verb root), т.е. в глагольном корне выражено значение пути (романские, семитские, японский, коддоанские и т.д.).

б) «языки сателлитного типа» (satellite-framed), в которых траектория перемещения выражается в сателлитах (большая часть индоевропейских, русский, финноугорские, валбири, китайский и т.д.). По мнению Л. Талми, «сателлиты связаны с глагольным корнем в качестве модификаторов и глагольный корень вместе с сателлитами образует «глагольный комплекс» (verb complex)» [Talmy, 1985, с. 102]. Исследователь делит сателлиты на несколько типов в зависимости от того, какой семантический материал в них отражен (путь; путь+фон; пациенс: (фигура)/фон; способ; причина). Говоря о сателлитах пути, Л. Талми приводит в пример китайский язык, где, по его мнению, представлено шестнадцать сателлитов, отражающих в своей семантике путь движения: *qu – thither, lai – hither, shang – up, xia – down, jin – in, chu – out, dao – all the way (to), dao – atopple (i.e., pivotally over), guo – across/past, qi – up off, diao – off (He ran off), zou – away, hui – back, long – together, kai – apart/free, san – scatter*. Автор пишет, что за сателлитами пути в китайском языке может следовать сателлит *qu* или сателлит *lai* [Talmy, 1985, с. 106]. Как можно видеть, в представленном списке из шестнадцати сателлитов десять – это выделенные нами глаголы направления движения.

Таким образом, по мнению исследователя, в языках сателлитного типа значение перемещения в пространстве выражено в глагольном корне, а направление совершаемого перемещения, направление и ориентир движения, субъект, совершающий движение, или способ и причина могут отражаться в

сателлитах (модификаторах, постпозитивных адвербиальных частицах, глагольных префиксах), т.е. сателлиты, наряду с другими значениями, могут обладать директивным значением.

Рассмотренная классификация Л. Талми основана на различиях в способе выражения маршрута (траектории перемещения), основана на том, какой из компонентов конструкции содержит указание на «ядерную схему движения». В языках глагольного типа ядерная схема движения выражается в глаголе, а в языках сателлитного типа – соответственно в сателлитах.

Отечественный исследователь Т.А. Майсак полагает, что, «хотя в языках каждого из двух типов информация о перемещении может быть выражена во всей ее полноте, языки различаются в зависимости от того, какая часть информации будет специально подчеркнутой, а какая – фоновой. Способ движения в языках «сателлитного типа» относится к фоновой части, поскольку в «скрытом» виде выражен уже в самом глаголе-сказуемом» [Майсак, 2005, с. 106]. На наш взгляд, Т.А. Майсак очень ярко показал разницу в языках сателлитного и глагольного типов. Для демонстрации языка сателлитного типа он приводит следующий пример: *Last year I flew to Hawaii.* – В прошлом году я летал на Гавайи. Глагол *to fly* – лететь содержит в себе сему движения и способа движения (лететь, то есть перемещаться на самолете). Фоновая информация «на самолете» содержится в самом глаголе. Для демонстрации языка «глагольного» типа исследователь трансформирует это предложение и пишет, что «данному выражению соответствовало бы что-то вроде»: *Last year I went to Hawaii by plane.* – В прошлом году я ездил на Гавайи самолетом. Глагол *to go* – *идти* обозначает только перемещение, способ перемещения выражается существительным с предлогом *by plane* – на самолете.

По мнению Д.И. Слобина, типология, предложенная Л. Талми, не совсем полно отражает способы выражения траектории перемещения глаголами. Например, ситуация, при которой два основных компонента перемещения – маршрут и способ – выражаются одинаковыми по статусу

средствами (одной финитной формой глагола выражается способ перемещения, а другой – его траектория, например, тайский язык), не нашла своего отражения в предложенной типологии. Поэтому Д.И. Слобин расширил типологию Л. Талми, введя третий тип языков – языки эквиполентного типа (*equipollently-framed*), которые он охарактеризовал как языки, где при описании ситуации движения направление движения и способ передвижения выражаются отдельными самостоятельными глаголами, т.е. «сериальной конструкцией». В представлении Д.И. Слобина сериальной конструкцией являются глаголы, состоящие из отдельных самостоятельных глаголов, в которых один из глаголов выражает направление движения, а другой выражает способ передвижения. В качестве примера языка эквиполентного типа автор называет тайский язык.

Обобщая точки зрения вышеуказанных авторов на типологию языков с позиций выражения глаголами семантики движения, направления движения и способа движения, Т.А. Майсак предлагает следующую классификацию языков.

Первый тип – языки «глагольного типа», где предпочтительным средством выражения маршрута является глагол, а способ движения выражается синтаксически («глагол, обозначающий маршрут, + подчиненный глагол, обозначающий способ движения»). К языкам глагольного типа Т.А. Майсак относит романские, семитские, корейский, японский и др.

Второй тип – языки «эквиполентного типа», в которых маршрут и способ выражаются эквивалентными грамматическими формами («глагол, обозначающий способ движения + глагол, обозначающий маршрут движения», «аффикс маршрута + аффикс способа + глагол» и пр.). К языкам эквиполентного типа Т.А. Майсак относит ряд языков Западной Африки, Юго-Восточной Азии, австронезийские, алгские и пр.

Третий тип – языки «сателлитного типа», где предпочтительным средством выражения маршрута является элемент, присоединяемый к

глаголу («глагол, выражающий способ движения + сателлит, выражающий маршрут движения»). Сюда автор относит германские, славянские, финно-угорские и другие языки.

В своем исследовании Л. Талми отнес китайский язык к языкам сателлитного типа, но его утверждение было оспорено такими исследователями, как Дай Хаои и Д.И. Слобин. Дай Хаои предлагает относить китайский язык одновременно к глагольному и сателлитному типам, «в зависимости от того, рассматриваем ли мы первый или второй глагол в качестве главного» [Ду Хунцзюнь, 2010, с. 17]. Д.И. Слобин, как пишет Ду Хунцзюнь, относит китайский язык к языкам эквиполентного типа [там же].

Ду Хунцзюнь в работе «Система приставочных глаголов движения в русском языке в сопоставлении с китайским языком» (2010) проанализировал точки зрения Л. Талми, Дай Хаои и Д.И. Слобина. В результате проведенного анализа он пришел к выводу о том, что взгляды Л. Талми, Дай Хаои и Д.И. Слобина на место китайского языка в типологии языков требуют уточнения.

Наблюдения Ду Хунцзюня приводят его к выводу о том, что в китайском языке есть элементы языков и сателлитного, и глагольного, и эквиполентного типов. Обосновывая свою точку зрения, он пишет, что «... в китайском языке направление движения может быть выражено: 1) направительным дополнительным членом в глагольно-направительной конструкции, напр.: *raojin* ‘вбежать’ (это конструкция сателлитного типа); 2) глаголом направления движения в сериально-глагольной конструкции, напр.: *zuo feiji lai* ‘прилететь’. (это конструкция эквиполентного типа); 3) самостоятельным глаголом направления движения, напр.: *lai* ‘прийти’ (это конструкция глагольного типа)» [Ду Хунцзюнь, 2010, с. 18].

Наш анализ нижеследующих примеров подтверждает выводы Ду Хунцзюня о том, что направление движения может быть выражено, во-

первых, глаголом направления движения в функции направительной морфемы в глагольно-направительной конструкции, например:

1) *кит.* 李秘书只当没察觉, 坐进轿车, 手扶在车门上, 仿佛自言自语地说... [*li mishu zhi dang mei cha jue, zuojin jiaochē, shou fu zai che menshang, fangfu zi yan zi yu de shuo...*] [108 Саньвэней]. Секретарь Ли неосознанно сел [садиться + движение по направлению вовнутрь фона] в повозку, придержал дверь и словно про себя проговорил ...

2) *кит.* 远处走来几个身背照相机的年轻人 [*yuanchu zou lai ji ge shenbei zhaoxiangji de nianqingren*] [108 Саньвэней]. Издалека подошли [идти + движение по направлению к фону] несколько молодых людей с фотоаппаратами.

Предложенные две ситуации демонстрируют функционирование китайских глаголов направления движения в качестве направительной морфемы. В первом примере направление движения выражено глаголом направления движения 进 [*jin*] в функции направительной морфемы, со значением движения, направленного внутрь фона. Данный глагол направления движения в сочетании с глаголом 坐 [*zuo*] сидеть представляет собой глагольно-направительную конструкцию 坐进 [*zuo jin*] со значением «садиться вовнутрь».

Во втором примере направление движения выражено глаголом направления движения 来 [*lai*] в функции направительной морфемы, со значением движения, направленного к фону. Данный глагол в сочетании с глаголом 走 [*zou*] идти представляет собой глагольно-направительную конструкцию 走来 [*zou lai*] со значением «подходить (к фону)».

Во-вторых, направление движения выражается глаголом направления движения в сериальной конструкции, то есть направление движения и способ

передвижения выражаются отдельными самостоятельными глаголами. Как справедливо отмечает Тань Аошуан, «если во многих языках глаголы передвижения различаются по способу действия, то в китайском языке подобные особенности не отражаются в самом глаголе. Неавтономное перемещение выражается синкретично значениями «инструмент» и «место» с экспликацией способа контакта с ними человека» [Тань Аошуан, 2004, с. 21].

кит. «我坐飞机来的!» 乔尼有点儿气不打一处来。《我的飞机就在那儿》 [wo zuo feiji lai de! qiaoni you dianer qibuda yi chulai. wo de feiji jiu zai naer] [ККЯ]. «Я прилетел!» Цяо Ни немного разозлился. «Мой самолет как раз вон там».

В данном примере сказуемое 坐飞机来 [zuo feiji lai] *прилететь* состоит из двух самостоятельных глаголов: первый глагол – 坐飞机 [zuo feiji] (букв. «сидеть самолет») обозначает способ перемещения, второй глагол, глагол направления движения – 来 [lai] выражает движение, направленное к фону. Приведенный пример иллюстрирует конструкцию, характерную для языков эквиполентного типа.

В-третьих, направление движения выражается самостоятельным глаголом направления движения (конструкция глагольного типа).

кит. 这次我来京就参加这问题的讨论会... [zhe ci wo lai jing jiu canjia zhe wenti de taolunhui] [108 саньвэней]. В этот раз, приехав [движение по направлению к фону] в столицу, я сразу принял участие в диспуте по данному вопросу... .

В данном примере направление движения выражено самостоятельным глаголом направления движения 来 [lai] со значением «движение, направленное к фону».

Анализ языкового материала показал, что направление движения в китайском языке выражается глагольно-направительной конструкцией, сериальной конструкцией и самостоятельным глаголом направления

движения, то есть способами, выделенными Л. Талми (дополненными Д.И. Слобиным) в типологически различных языках: сателлитного, глагольного и эквиполентного типов.

Рассматриваемый нами в сопоставлении с китайским языком бурятский язык не был объектом исследования в рамках типологии Л. Талми. По нашим наблюдениям, в бурятском языке значение направления движения глаголов с семантикой передвижения в пространстве может, также как и в китайском языке, выражаться несколькими способами.

- Первый способ – это глагольно-направительная конструкция, где первая часть – самостоятельный глагол движения, а вторая часть – глагол направления движения в функции вспомогательного глагола, указывающий на направление перемещения, выраженного деепричастием. Данный способ выражения значения направления перемещения принадлежит к «сателлитному типу», т.е. значение перемещения в пространстве выражено в глагольном корне, а направление совершаемого перемещения выражено в сателлитах (модификаторах, постпозитивных адвербиальных частицах, глагольных префиксах).

бур. Хүнөөхэнэй хажуугаар биш үгы шадалаараа ой руу гүйжэ оробо. [Бурятские народные сказки, 2008]. Мимо Хунэхэна [он] изо всех сил побежал [бежать + движение во внутрь фона] в лес.

В данном примере способ передвижения в пространстве выражается в глаголе движения *гүйхэ* (бежать), а направление этого движения указывается во вспомогательном компоненте² *орохо* (движение, направленное во внутрь фона).

- Глаголом направления движения в сериальной конструкции, то есть направление движения и способ передвижения выражаются отдельными самостоятельными глаголами, например:

бур. Мори унаад ерээ. Он приехал (букв. приехал, сев на лошадь)³.

² Термин В.М. Егодуровой.

³ Здесь и далее примеры без ссылки на источник принадлежат А.Шахаевой и респондентам.

В данном примере сказуемое *унаад ерэхэ – приезжать* состоит из двух самостоятельных глаголов: первый глагол – *унаха* входит в конструкцию *мори унаад* (досл. «на лошадь сев») и передает способ перемещения, второй глагол, глагол направления движения – *ерэхэ* выражает движение, направленное к фону. Приведенный пример иллюстрирует конструкцию, характерную для языков эквиполентного типа.

Р.Х. Харташкина считает, что «сочетания существительного в предложном падеже + глагол + глагол, выражающие направленное движение на каком-либо средстве передвижения, стали использоваться под влиянием моделей русского языка» [цит. по: Егодурова, 1995, с. 120]. В.М. Егодурова, отмечая, что в бурятском языке указанный смысл может передаваться сочетанием глагола направления движения с послеложными конструкциями (послелог *соо*) или сочетанием глагола с существительными в орудном падеже, указывает на то, что, хотя образуемые сочетания синонимичны по выражаемым значениям, однако в конструкциях с послелогом *соо* в известной степени выражается то, что передвигающийся находится внутри вагона, самолета и т.п. [Егодурова, 1995, с. 120].

1) бур. Самолет соо ерэхэ. Прилететь на самолете.

2) бур. Самоледоор ерэхэ. Прилететь на самолете.

• Третий способ выражения значения направления движения в бурятском и китайском языке – использование глагола направления движения (конструкция глагольного типа).

бур. *Тиигээд гэртээ хоёр-гурбан хүндэ хургүүлжэ ерээ* [Бурятские народные сказки, 2008]. Затем вернулся [движение по направлению к фону] к себе домой с двумя-тремя провожатыми.

В данном примере в качестве сказуемого выступает глагол *ерэхэ*, который несет значение движения в пространстве по направлению к фону, т.е. это пример конструкции глагольного типа (траектория перемещения заложена непосредственно в самом глаголе).

Подводя итог рассмотрения бурятского и китайского языков с позиций теории моделей лексикализации Л. Талми, можно констатировать следующее:

1. Бурятский и китайский языки для описания направленного движения в пространстве одинаково используют как глагол, так и сочетание глагола с сателлитом. Таким образом, языковой материал бурятского и китайского языков подтвердил необходимость дополнения типологии языков Л. Талми, обозначенную Т.А. Майсаком (2005).

2. Бурятский и китайский языки характеризуются тождественными параметрами и с точки зрения глагольной семантики движения. В семантике глаголов группы глаголов направления движения бурятского и китайского языков заложен маршрут движения (глагольный тип); также данные глаголы могут входить в сериальные конструкции (эквиполентный тип (передача направления движения + способ передвижения)); могут являться сателлитами, передавая направление совершаемого движения, выраженного основным глаголом (сателлитный тип).

1.2. Группа глаголов направления движения в бурятском и китайском языках (количественный состав и семантический объем)

1.2.1. Количественный состав и семантический объем группы глаголов направления движения бурятского языка

На наш взгляд, группу глаголов направления движения в бурятском языке можно разделить на две группы. К первой группе относятся четыре простых производных глагола, ко второй группе – лексические единицы, образованные путем сочетания между собой простых единиц. Система глаголов направления движения бурятского языка представлена в таблице 1.1.:

Таблица 1.1

Система бурятских глаголов направления движения

	<i>ошохо</i>	<i>ерэхэ</i>	<i>орохо</i>	<i>гараха</i>
<i>ошохо</i>	-	<i>ошожо (ошоод)</i> <i>ерэхэ</i>	<i>ошожо</i> <i>(ошоод) орохо</i>	<i>ошожо</i> <i>(ошоод) гараха</i>
<i>ерэхэ</i>	<i>ерэжэ ошохо</i>	-	<i>ерэжэ орохо</i>	<i>ерэжэ гараха</i>
<i>орохо</i>	<i>орожо</i> <i>(ороод)ошохо</i>	<i>орожо (ороод) ерэхэ</i>	-	<i>орожо гараха</i>
<i>гараха</i>	<i>гаража (гараад)</i> <i>ошохо</i>	<i>гаража (гараад)</i> <i>ерэхэ</i>	<i>гаража</i> <i>(гараад)орохо</i>	-

Как видно из таблицы, бурятские глаголы направления движения выражаются как непроемной основой, т.е. простыми глаголами, так и путем сочетания между собой, образуя составные глаголы.

Отечественные лингвисты Т.А. Майсак и М.В. Рахилина на основе классификации Чарльза Филлмора предлагают различать два класса лексем в зависимости от ориентированности семантики глагола на начальную или конечную точку движения. Чарльз Филлмор назвал эти две группы глаголов глаголами *Source-oriented* и *Goal-oriented*, т.е. «ориентированными на начальную точку движения» и «ориентированными на конечную точку движения», или более коротко, «глаголы прибытия» и «глаголы удаления». Т.А. Майсак и М.В. Рахилина пишут: «Переводя эти термины на язык Московской семантической школы, можно сказать, что глаголы удаления – это глаголы с обязательной семантической валентностью начальной точки, а глаголы прибытия – с конечной» [Майсак, 1999, с. 1]. Как справедливо отмечают исследователи, именно эти две семантические валентности (начальной и конечной точек) являются важнейшими для глаголов движения, «семантически обязательная валентность может быть поверхностно не выражена, именно в силу своей обязательности способ ее заполнения известен говорящему и слушающему, и тогда поверхностное выражение оказывается избыточным» [там же, с. 2]. Показательными примерами, по их мнению, являются случаи дейктического заполнения начальной или

конечной точки движения: *Спасибо тебе большое, что **пришел*** (=‘сюда’).
Уйдите (=‘отсюда’), *Петр, ради Бога.*

Применив рассмотренные данные к материалу бурятского языка, можно сделать вывод о том, что глаголы направления движения *ошохо*, *гараха* – это простые глаголы удаления, т.е. ориентированы на начальную точку движения; глаголы *ерэхэ*, *орохо* – простые глаголы прибытия, т.е. ориентированы на конечную точку движения.

Рассмотрим семантическую валентность бурятских глаголов направления движения на примере глагола прибытия *ерэхэ* – *движение к фону*, который ориентирован на конечную точку движения.

бур. Ерэнэ байха гут (=нааша) [Цыдендамбаев, 1953, с. 80]? Будете ли **приезжать** (=сюда)?

В данном предложении семантическая валентность конечной точки движения, выраженного глаголом *ерэхэ* (*движение к фону*), поверхностно не обозначена, так как это было бы излишне, в силу того, что конечная точка движения известна и слушающему, и говорящему, поэтому она дейктически заполнена.

Составные глаголы направления движения в бурятском языке

Вторая группа глаголов направления движения бурятского языка образована путем сочетания между собой четырех простых глаголов, входящих в рассматриваемую группу. Образованные таким образом структурно-семантические единства в данной работе вслед за В.М. Егодуровой называются составными глаголами направления движения. Семантика бурятских составных глаголов направления движения представляет собой сложение значений составляющих их простых глаголов направления движения. В таких словах составляющие их глаголы несут равнозначную нагрузку в выражении семантики движения и направления.

В фокусе нашего исследования будут двенадцать бурятских составных глаголов направления движения, описания которых мы дадим ниже. Для

наглядного представления их семантики составим графические рисунки, отображающие вектор движения, отраженный в их семантике.

Составной глагол *ошожо (ошоод) ерэхэ* несет значение сложно-направленного движения, то есть последовательного совершения двух действий: направленного движения от фона (ориентира движения) и потом, сразу же, обратно к фону. Графически ситуация движения данного глагола изображена на рисунке 1, где ○ – фон, Д₁ – первое движение, Д₂ – второе движение:

Рис. 1. Ошожо (ошоод) ерэхэ.

Составной глагол *ерэжэ (ерээд) ошохо* передает антонимичное значение сложного движения, последовательного совершения двух действий: направленного движения к фону, а затем сразу в обратном направлении от фона:

Рис. 2. Ерэжэ (ерээд) ошохо.

Значение составных глаголов *ошожо (ошоод) ерэхэ* и *ерэжэ (ерээд) ошохо* передает последовательность двух разнонаправленных действий, «движение от и движение к» и «движение к и движение от» соответственно, например:

1) бур. *Минии нүхэд ошожо ерэхэ. Мои друзья съездят (уедут и приедут).*

2) бур. *Минии нүхэд ерэжэ ошохо. Мои друзья заедут (приедут и уедут).*

Данные примеры показывают, что семантика глаголов *ошожо (ошоод) ерэхэ* и *ерэжэ ошохо* складывается из значений составляющих их глаголов, при этом ни одна из сем данных глаголов, не утрачивает своего значения. Семантика составного глагола *ошожо (ошоод) ерэхэ* показывает, что сначала

совершается первое действие, выраженное глаголом *ошохо* – движение от фона, затем последовательно второе действие, выраженное глаголом *ерэхэ* – движение к фону. Таким образом, составной бурятский глагол *ошожо* (*ошоод*) *ерэхэ* обозначает передвижение в пространстве, направленное от фона и обратно к нему независимо от способа движения (уехать и приехать, сходить и вернуться, навестить и вернуться). В сложном глаголе направления движения *ерэжэ ошохо* сначала совершается действие *ерэхэ* – движение к фону, затем *ошохо* – движение от фона, данная аналитическая конструкция несет значение последовательного перемещения по направлению к фону и от него. Исходя из анализа значений рассматриваемых глаголов можно констатировать, что бурятские составные глаголы *ошожо* (*ошоод*) *ерэхэ* и *ерэжэ ошохо* являются глаголами с общей семантикой, передающей направление перемещения в пространстве, но выявленные различия в семантике заключаются в передаче значений направлений действий, отраженных в семах данных составных глаголов.

Составной бурятский глагол *ошожо* (*ошоод*) *орохо* имеет значение сложнонаправленного движения, состоящего из двух направленных передвижений от фона 1 и во внутрь фона 2. Отличием ситуации, выраженной данным составным глаголом, от ситуаций, представленных вышерассмотренными глаголами, является то, что у каждого из движений в данном сложном направленном движении будет свой фон, относительно которого они будут совершаться. Графически данная ситуация изображена на рис. 1.3, где Φ_1 – фон первого движения, Φ_2 – фон второго движения:

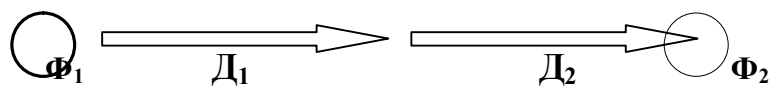

Рис. 3. Ошожо (ошоод) орохо.

Антонимичную ситуацию выражает бурятский составной глагол *орожо* (*ороод*) *ошохо*. Данный глагол имеет семантику сложнонаправленного движения, состоящего из двух движений, реализуемых

относительно одного фона: во внутрь фона и далее в направлении от фона (рис. 4):

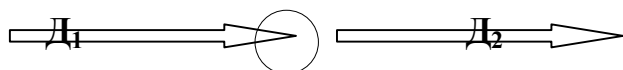

Рис. 4. Орожо (ороод) ошохо.

Рассмотрим на примерах значение бурятских сложных глаголов направления движения *ошожо (ошоод) орохо* и *орожо (ороод) ошохо*.

1) бур. *Тэрэ бэеэрээ бага хүбүүн гүй гүйһөөр Даргай баянай гэртэ ошожо орошобо ха* [КБЯ]. В это время младший сын бегом отправился и вошел в дом богатого Даргая.

2) бур. *Тэрэ бэеэрээ бага хүбүүн гүй гүйһөөр Даргай баянай гэртэ орожо ошобо ха*. В это время младший сын бегом вошел в дом богатого Даргая.

Как видно из примеров, глаголы *орожо (ороод) ошохо* и *ошожо (ошоод) орохо*, несмотря на тождественность семантики, все-таки имеют различия. В глаголе *ошожо (ошоод) орохо* обе глагольные части несут равнозначную нагрузку, глагол передает значение сложноподчиненного движения, совершения последовательно двух движений, сначала совершается первое, выраженное глаголом *ошохо (движение от фона)*, а потом второе, выраженное глаголом *орохо (движение во внутрь фона)*.

В приведенном примере 1 подчеркивается, что субъект движения – младший сын сначала отправился по направлению от фона – от своего первоначального местоположения – фон 1, а потом вошел в дом богатого Даргая – фон 2. Таким образом, бурятский составной глагол направления движения *ошожо (ошоод) орохо* передает значение сложноподчиненного движения, состоящего из двух последовательных перемещений относительно двух разных фонов.

В примере 2 глагол *орожо (ороод) ошохо* маркирует ситуацию, когда субъект движения – младший сын сначала совершает движение во внутрь фона – в дом богатого Даргая, а потом продолжает движение относительно данного фона в направлении от него. Таким образом, в ситуации,

передаваемой данным составным бурятским глаголом, наличествует только один фон, относительно которого совершается движение.

Следует обратить внимание на то, что в речи глагол *орожо ошохо* встречается редко, в основном используется семантически близкий ему глагол *ошожо (ошоод) орохо*. Но следует сказать, что данные глаголы нельзя взаимозаменять. В глаголе *орожо (ороод) ошохо* смысловой акцент делается на первую часть, выраженную глаголом *орохо* (движение вовнутрь фона), вторая часть рассматриваемого сложного глагола, выраженная глаголом *ошохо* (движение от фона), уточняет первую часть. В приведенном примере подчеркивается, что субъект действия – младший сын зашел во внутрь фона – дом богатого Даргая. Таким образом, бурятский сложный глагол направления движения *орожо (ороод) ошохо* передает значение направления движения в пространстве по направлению внутрь объекта-ориентира.

Составной глагол *орожо (ороод) ерэхэ* несет значение сложно-направленного движения в пространстве относительно двух разных фонов, первое движение направлено внутрь фона 1 и второе – по направлению к фону 2, нужно обратить внимание на то, что при такой ситуации фон 2 находится внутри фона 1 (рис. 5):

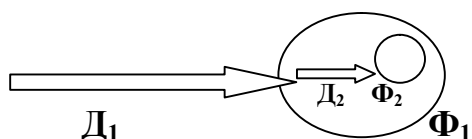

Рис. 5. Орожо (ороод) ерэхэ.

Значение составного глагола *ерэжэ (ерээд) орохо* передает сложнонаправленное движение: к фону и затем внутрь данного фона (рис. 6):

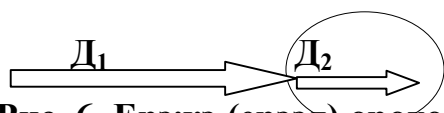

Рис. 6. Ерэжэ (ерээд) орохо.

Глаголы *орожо (ороод) ерэхэ* и *ерэжэ орохо* передают значение перемещения направленного внутрь объекта-ориентира и обратно (побывать внутри и вернуться).

1) бур. *Тэрэ басаганиинь хамараа бооһон орожо ерэбэ* [КБЯ]. Та его девушка вошла [шла к этому месту и вошла к местоположению говорящего] с повязанным носом.

2) бур. *Тэрэ басаганинь хамараа бооһон ерэжэ оробо*. Та девушка вошла [шла сюда и вошла] с повязанным носом.

Как видно из первого примера, в аналитической конструкции *орожо ерэбэ* основное значение несет первая часть данной конструкции *орохо* (*движение во внутрь фона*), вторая часть, выраженная глаголом *ерэхэ*, несет вспомогательную функцию со значением направления к фону, таким образом, сложный глагол направления движения *орожо ерэбэ* имеет значение движения, направленного внутрь фона, начатое до момента речи и продолжившееся в настоящее время (в момент речи). Аналитическая конструкция *ерэжэ орохо* во втором примере с семантической точки зрения представляет собой сложение значений двух составляющих ее глаголов, при этом значение распределено равномерно: сначала значение глагола *ерэхэ* – *движение к фону*, потом значение глагола *орохо* (*движение внутрь фона*) при этом промежуток между действиями очень короткий. Таким образом, сложный глагол направления движения *ерэжэ орохо* передает значение перемещения в пространстве по направлению к фону и внутрь фона в краткий промежуток времени.

Бурятский составной глагол *гаража (гараад) ошохо* несет значение сложнонаправленного движения, состоящего из двух разнонаправленных перемещений относительно одного фона, первое перемещение направлено наружу из фона и второе перемещение – от фона (рис. 7):

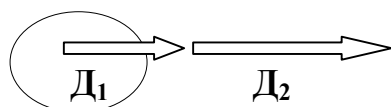
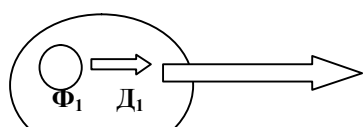

Рис. 7. Гаража (гараад) ошохо.

Глагол *ошожо (ошоод) гараха* содержит в себе значение сложнонаправленного передвижения, состоящего из двух движений

относительно двух разных фонов по направлению от фона 1 и затем наружу из фона 2, при этом фон 1 находится внутри фона 2 (рис. 8):

Д₂

Ф₂

Рис. 8. Ошожо (ошоод) гараха.

Семантика глаголов *гаража (гараад) ошохо* и *ошожо (ошоод) гараха* синонимична и передает значение перемещения, направленного наружу или вверх и куда-либо (выйдя идти (ехать) куда-либо / уходить откуда-либо). Данные глаголы не являются полными синонимами, не могут взаимозаменяться, разница заключается в семах, на которые приходится акценты при выражении определенного перемещения в пространстве.

1) бур. *Оёдолиш Олёдой абягуй болон, хаанайһаа гаража ошобо* [КБЯ]. Портной Оледой, замолчав, вышел от хана.

2) бур. *Оёдолиш Оледой абягуй болон, хаанайһаа ошожо гараба*. Портной Оледой, замолчав, зашел и сразу вышел от хана.

В первом предложении в глаголе *гаража ошохо* основное лексическое значение отражено в первой части сложного глагола *гараха (выходить)*, вторая часть выступает в роли уточнения *ошохо (уходить)*, и глагол несет значение перемещения, которое направлено наружу от объекта-ориентира движения – хана. Как мы видим из второго примера, в сложном глаголе *ошожо гараха* семы, выражаемые компонентами, равнозначны, распределены равномерно, и глагол передает значение совершения двух движений последовательно без какого-либо промежутка времени: *ошохо (движение от фона)* и *гараха (движение за пределы фона)*. Таким образом, в данном примере субъект действия – портной *Оледой* – сначала зашел, а потом сразу вышел от объекта-ориентира – хана.

Семантика составного бурятского глагола *ерэжэ (ерээд) гараха* выражает сложноподвижное движение, состоящее из двух последовательных перемещений относительно двух разных ориентиров

движения по направлению к фону 1 и изнутри фона 2. Графически данная ситуация представлена на рисунке 9:

Φ_2 D_2

Рис. 9. Ерэжэ (ерээд) гараха.

Составной бурятский глагол *гаража (гараад) ерэхэ* полисемичен, т.е. может выражать два разнонаправленных движения. Первое сложнонаправленное движение обозначает два направленных перемещения относительно двух различных фонов: изнутри фона 1 и по направлению к фону 2 (рис. 10):

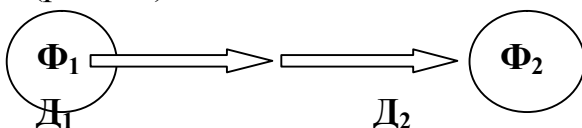

Рис. 10. Гаража (гараад) ерэхэ (первое значение).

Второе сложнонаправленное движение обозначает два направленных перемещения относительно одного фона – изнутри и обратно к фону (рис. 11):

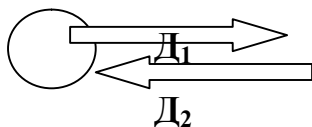

Рис. 11. Гаража (гараад) ерэхэ (второе значение).

1) бур. *Татай, хаанаһаа гэнтэ гаража ерэбэши* [КБЯ]? – Откуда ты появился [вышел и подошел]?

2) бур. *Газаа гараад ерэхэмни гэжэ Иван богоһо алхажа ябахадаа харюусаба* [КБЯ]. Схожу-ка [выйду на улицу и приду обратно] на улицу, – сказал Иван, переступая порог двери.

Приведенные предложения иллюстрируют обозначенные значения составного бурятского глагола. В своем втором значении глагол *гаража (гараад) ерэхэ* синонимичен глаголу *ошохо (ошоод) ерэхэ*.

Синонимичным с первым значением глагола *ерэжэ (ерээд) гараха* будет составной глагол *гаража (гараад) ерэхэ*.

3) бур. *Татай, хаанаһаа гэнтэ ерэжэ гарабаиш?* Откуда ты появился [пришел и вошел]?

Как видно из примеров, данные глаголы взаимозаменяемы, но различия состоят в минимальных семах, последовательности действий. Оба глагола несут значение последовательного совершения двух действий, в первом примере сначала совершается действие, выраженное глаголом *гараха* (*выходить*), а потом *ерэхэ* (приходить), то есть субъект действия (ты) вышел и внезапно пришел к ориентиру движения. Во втором примере последовательность действий другая: субъект действия сначала пришел, а потом вышел по направлению к субъекту действия.

Значение составного бурятского глагола *орожо (ороод) гараха* выражает сложноподвижное движение, состоящее из двух разнонаправленных передвижений относительно одного фона: внутрь, а затем наружу (рис. 12):

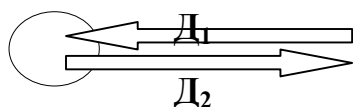

Рис. 12. Орожо (ороод) гараха.

Значение составного глагола *гаража (гараад) орохо* по своему значению антонимично значению глагола *орожо гараха*, выражает комплексное значение сложно-направленного передвижения, состоящего из двух перемещений относительно общего фона, движение 1 направлено внутри фона, а движение 2 направлено наружу фона (рис. 13):

Рис. 13. Гаража (гараад) орохо.

Рассматриваемая антонимичная глагольная пара несет значение направленного движения внутрь и наружу (попутно, мимоходом зайти, ненадолго отклониться от основного направления движения) и наоборот .

1) *Үдэшын бүдэг соогуур табгайн хурдаар соёруулан, үелһэн унаган нүхэрэйдэнь орожо гараа һэмди [КБЯ]. В потемках, стуча копытами лошадей, мы заглянули [вошли к другу и вышли от друга] к его другу.*

2) *Үдэшын бүдэг соогуур табгайн хурдаар соёруулан, үелһэн унаган нүхэрэйдэнь гаража ороо һэмди. В потемках, стуча копытами лошадей, мы зашли [вышли от друга и вошли к другу] к его другу.*

Проведенный методом трансформации анализ бурятских составных глаголов направления движения выявил у рассмотренных пар глаголов некоторые специфические особенности на уровне сем. У большей части рассмотренных глагольных пар семантика в выражении перемещения и направления тождественна, составляющие общее значение составного глагольного слова семы различаются только последовательностью, при этом семы полностью равноправны и не утрачивают своего значения: *ошожо (ошоод) ерэхэ, ошожо (ошоод) орохо, ошожо (ошоод) гараха, ерэжэ ошохо, ерэжэ орохо, ерэжэ гараха, гаража ерэхэ (гаража орохо / орожо гараха)* – семантика данных сложных глаголов направления движения передает последовательное значение перемещения в пространстве сначала, выраженное первым глаголом, входящим в состав составной лексической единицы, а затем вторым, при этом интервал между действиями минимален, второе действие происходит тут же, сразу же.

Проанализированные попарно бурятские глаголы имеют тождественную семантику, но, как показывают наши наблюдения, в некоторых глаголах одна из составляющих сем утрачивает свое значение и выполняет функцию дополнительного значения, выраженного первой семой, например, в таких глаголах, как *орожо (ороод) ошохо, орожо (ороод) ерэхэ, гаража (гараад) ошохо*. В данных составных глаголах ядерное значение содержится в первой семе, вторая же вносит сопутствующее значение в семантику составного глагола направления движения.

Использование того или иного бурятского составного глагола направления движения определяется субъективно самим говорящим.

1.2.2. Количественный состав и семантический объем группы глаголов направления движения китайского языка

Исследователи китайского языка делят лексико-семантическую группу глаголов направления движения китайского языка на три группы. К первой относятся базовые глаголы направления движения 来 [lai] – движение к фону относительно говорящего и 去 [qu] – движение от фона относительно говорящего, ко второй группе относятся простые глаголы направления движения, которые ориентированы в пространстве безотносительно говорящего: 上 [shang] – движение вверх к фону; 下 [xia] – движение вниз к фону; 进 [jin] – движение внутрь фона; 出 [chu] – движение изнутри фона; 回 [hui] – движение обратно к фону; 过 [guo] – движение минуя фон; 起 [qi] – движение вверх с отрывом от поверхности фона и 开 [kai] – движение в разные стороны, разделяясь от фона. Третью группу китайских глаголов направления движения формируют двусложные лексические единицы, образованные путем сочетания глаголов первой и второй групп, например, 上来 [shang] + 来 [lai] = 上来 [shanglai], 下来 [xia] + 来 [lai] = 下来 [xialai].

В отечественном китаеведении глаголы, образованные сочетанием глаголов первой и второй групп, называются по-разному: «сложные глаголы направления движения» (Драгунов; 1952), «сложное слово» (Люй Шусян; 1961), «составные глаголы» (Ошанин; 1946), «сложные глаголы направления действия» (Горелов; 1989), «сложные глаголы» (Готлиб; 2004). Говоря о трактовке термина в данной работе, мы будем опираться на вариант, предложенный В.И. Гореловым. Исследователь считает, что в китайском языке есть односложные и многосложные слова, при этом многосложные слова «имеют в своем составе не менее двух морфем, одна из которых может быть аффиксом или каким-либо иным словообразовательным элементом.

Следовательно, оно является составным, производным словом» [Горелов, 1984, с. 14]. Далее, говоря о словообразовании в китайском языке, автор пишет, что «в китайском языке группа слов, образованных способом словосложения (корнесложения), самая многочисленная. ... Лексическая единица, получаемая в результате словосложения (词的复合 *ci de fuhe*), называется сложным (корнесложным) словом (复合词 *fuhe ci*). Иногда сложное слово обозначают термином «компози́та». Подавляющее большинство сложных слов представляет собой двуморфемные образования. В путунхуа двусложное слово является статистически доминирующей лексической единицей [Горелов, 1984, с. 20]. В данной работе вслед за В.И. Гореловым мы будем называть третью группу глаголов «сложные глаголы направления движения».

Система глаголов направления движения представлена в нижеследующей таблице, где сложные глаголы направления движения выделены курсивом:

Таблица 1.2.

Система китайских глаголов направления движения

базовые простые	上	下	进	出	回	过	起	开
来	上来	下来	进来	出来	回来	过来	起来	开来
去	上去	下去	进去	出去	回去	过去	起去	开去

Представим китайские глаголы направления движения в принятых нами параметрах: фигура, фон, маршрут, движение.

1-я группа – базовые глаголы направления движения:

来 [*lai*] – движение, направленное к фону относительно говорящего;

去 [*qu*] – движение, направленное от фона относительно говорящего.

2-я группа глаголов направления движения:

进 [jin] – движение внутрь фона;

出 [chu] – движение изнутри фона;

上 [shang] – движение вверх к фону;

下 [xia] – движение вниз к фону;

回 [hui] – движение обратно к фону;

过 [guo] – движение минуя фон.

Примечание: Исследователь Ван Юань в книге «动词的方向性研究与趋向动词教学» («Исследование направленности глаголов направления движения и их преподавание») (2011) со ссылкой на Люй Шусяна дает следующие толкования значений глагола 过 [guo]: 1) выражение «проходить мимо (через)» и 2) «попутное изменение направления движения». Самостоятельно дополняя трактовку значения глагола, Ван Юань пишет о том, что глагол 过 [guo] несет значение изменения направления уже начавшегося движения, а не изменение направления движения после того как оно закончено, то есть [данный глагол содержит] внутреннее изменение направления [王媛, 2011, с. 81].

起 [qi] – движение, направленное вверх, отрываясь от поверхности фона (сесть из положения лежа, встать из положения сидя);

开 [kai] – движение в разные стороны (разделяясь) от фона.

Примечание: профессор Тань Аошуан считает, что глагол 开 [kai] имеет значение расхождения объектов из одной точки в противоположенных направлениях, расширению объекта или удалению объекта от прежнего местонахождения [Тань Аошуан, 2002, с. 199]. Исследовательница Ван Юань рассматривает данный глагол как глагол со значением процессуального

направления (过程性方向) с семантикой развертывания направленного движения [王媛, 2011, с. 87].

Опираясь на классификацию Чарльза Филлмора, разделим рассматриваемые нами глаголы направления движения китайского языка в зависимости от ориентированности семантики глагола на начальную или конечную точку движения на глаголы удаления и глаголы прибытия. К глаголам удаления будут относиться такие глаголы, как 起 [qi] – движение, направленное вверх, отрываясь от поверхности фона; 开 [kai] – движение в разные стороны от фона (разделяться); 下 [xia] – перемещение вниз от фона; 出 [chu] – перемещение изнутри фона; 去 [qu] – перемещение, направленное от фона относительно говорящего. К глаголам прибытия соответственно – 进 [jin] – перемещение внутрь фона; 上 [shang] – перемещение вверх к фону; 过 [guo] – перемещение по траектории, минуя фон; 回 [hui] – перемещение обратно к фону; 来 [lai] – перемещение, направленное к фону относительно говорящего.

В китайском языке также семантическая валентность начальной и конечной точки движения может быть не выражена поверхностно. Примером здесь являются случаи дейктического заполнения начальной или конечной точки движения [Майсак, Рахилина, 1999, с. 2], если способ ее заполнения известен говорящему и слушающему. Рассмотрим предложение:

кит. 燕子去(=那儿)了, 有在来 (=这儿) 的时候; 杨柳枯了, 有在青的时候... [yanzi qule, you zai lai de shihou; yang liu kule, you zai qing de shihou...] [108 саньвэней]. Ласточки **улетают** (=туда), но наступает время снова **прилетать** (=сюда); тополя и ивы увядают, но наступает время снова **зеленеть**...

В данном предложении семантическая валентность начальной точки движения, выраженного глаголом 去 [qù] – движение от фона, и семантическая валентность конечной точки движения, выраженной глаголом 来 [lái] – движение к фону, эксплицитно не обозначена, так как это было бы излишне, в силу того, что начальная и конечная точки движения известны и слушающему и говорящему – **туда** и **сюда**, поэтому они заполнены дейктически.

Китайские глаголы направления движения в своем значении наряду с направленным передвижением также содержат черту, позволяющую данному глаголу распространять процесс на объект, находящийся в постпозиции без каких-либо служебных слов. Таким образом, китайские глаголы, входящие в группу глаголов направления движения, могут реализовываться в речи как переходные, так и непереходные глаголы. Переходность китайского глагола, как пишет Е.И. Шутова, – это определенный аспект лексического значения глагола, свидетельствующий о наличии необходимой связи между содержанием процесса и содержанием объекта, на который распространяется процесс, каким бы ни было конкретное содержание объекта [Шутова, 1991, с. 180].

В монографии «Синтаксис современного китайского языка» Е.И. Шутова определяет такие черты синтаксической валентности китайского глагола как: 1) способность процесса распространяться на объект; 2) необходимая связь процесса с объектом определенного содержания. Отсюда известная специфика в трактовке китайским языком глагольных категорий переходности и управления. На основе возможности постановки имени, т.е. объекта, на который распространяется процесс, в постпозицию к глаголу исследователь считает возможным разделение класса переходных глаголов на ряд семантических разрядов или лексико-семантических вариантов и пишет, что различным семантическим разрядам переходных глаголов свойствен свой тип управления; не исключена при этом

возможность, что один и тот же глагол, объединяющий в своей смысловой структуре различные значения, может входить в различные разряды.

Рассмотрим возможности синтаксической валентности китайских глаголов направления движения на примере глагола 来 [lai], передающего значение передвижения к фоню относительно говорящего.

1) *кит.* 你要不要来城里找工作 [ni yao bu yao lai chengli zhao ge gongzuo] [Женская китайская литература]? Тебе нужно или нет ехать в город искать работу?

2) *кит.* 你来一碗汤面 [Ni lai yi wan tangmian] [БКРС, т3; с. 745].

Принеси (подай) чашку лапши в бульоне.

В первом предложении рассматриваемый глагол выступает в непереходной форме, т.е. фигура 你 [ni] совершает движение, выраженное глаголом 来 [lai] по направлению к фоню 城 [cheng]. Во втором предложении глагол 来 [lai] выступает в переходной форме и передает значение движения, направленного к фоню. В примере 2 фигурой является 碗汤面 [yi wan tangmian], которая подвергается каузуатором 你 [ni] передвижения к фоню – говорящему лицу. Таким образом, в ситуациях с китайскими глаголами направления движения фигура может обозначать передвигающийся предмет или предмет, подвергающийся передвижению, перемещению.

На наш взгляд, семантика базовых глаголов направления движения 来 [lai] – движение к фоню и 去 [qu] – движение от фона требует пристального внимания. Как показывает анализ литературы, исследователи китайского языка относят глаголы 来 [lai] и 去 [qu] к группе глаголов направления движения и, выделяя их в отдельную подгруппу, называют базовыми глаголами направления движения, так как с их помощью в китайском языке образуются сложные глаголы направления движения.

Многие исследователи отмечают, что особенностью семантики базовых глаголов направления движения является указание на местоположение говорящего по отношению к происходящему действию. Если перемещение в пространстве направлено к говорящему лицу, то используется глагол 来 [lai], если от говорящего лица используется глагол 去 [qu], то есть местоположение говорящего всегда совпадает с фоном, является ориентиром, относительно которого совершается движение. Например:

1) кит. 他来了 [ta laile]. Он пришел (сюда).

2) кит. 他去了 [ta qule]. Он ушел (туда).

В первом примере движение направлено к фону, которое совпадает с местоположением говорящего лица. Во втором примере движение, наоборот совершается по направлению от фона, который также совпадает с местоположением говорящего лица. Таким образом, в качестве фона всегда выступает местоположение говорящего лица. «Согласно традиционной точке зрения, на местонахождение говорящего ориентируется как глагол *lai*, так и глагол *qu*» [Лян Сяонань, Ду Хунцзюнь; 2010, с. 55].

Однако, на наш взгляд, описание движения от говорящего лица (глагол 去 [qu]) или к говорящему лицу (глагол 来 [lai]) не отражает всех семантических особенностей базовых глаголов направления движения китайского языка. Существуют другие ситуации, когда данные глаголы обозначают ситуации движения безотносительно к говорящему, поэтому семантику этих глаголов не следует ограничивать только направлением к говорящему и *от* говорящего, так как местоположение говорящего лица не всегда совпадает с фоном.

Китайские исследователи Лян Сяонань и Ду Хунцзюнь в статье «Особенность значения «ориентированность движения» у китайских глаголов движения *lai* и *qu*» (2010) справедливо указывают на то, что ориентиром движения в ситуациях с китайским глаголом направления

движения 来 [lai] не всегда является позиция говорящего. Авторы пишут, что для данного глагола характерен сдвиг ориентира в силу определенных причин, который обуславливается: 1) местонахождением слушающего в момент речи, местонахождением говорящего в момент завершения действия и постоянным местонахождением говорящего в момент завершения движения; 2) влиянием лица говорящего (1-е лицо, 2-е лицо, 3-е лицо) на ориентир. Рассмотрев подробно вопрос о трактовке семантики китайского глагола 来 [lai], авторы ничего не пишут о глаголе 去 [qu], в то время как его семантика также требует уточнения.

Китайский исследователь Чжан Фамин в статье «Новое в вопросе о глаголах направления движения “来” и “去”» (趋向动词“来”“去”新义) (1983) подробно рассмотрел значения базовых глаголов направления движения и выявил зависимость их семантики от ориентира движения. Исследователь выделяет два вида ориентиров, по отношению к которым может совершаться движение, выраженное китайскими глаголами 来 [lai] и 去 [qu].

1. Субъективное определение ориентира движения, когда ориентир совершаемого движения определяется самим говорящим лицом. «Если в предложении четко не обозначен ориентир, по отношению к которому совершается движение, тогда в качестве ориентира движения выступает местоположение говорящего или какое-либо другое место» [张发明, 1983, с. 95].

2. Объективное определение ориентира движения, когда в предложении уже есть место, являющееся ориентиром движения. «Когда в предложении четко указано место, то данное место и будет являться ориентиром совершаемого движения» [张发明, 1983, с. 95].

Таким образом, местоположение говорящего лица не всегда выступает в качестве фона, есть ситуации, когда фоном будет являться какое-либо

место, либо связанное, либо не имеющее отношение к говорящему лицу. Например, если учитель на улице встретит ученика, он может сказать:

кит. 你下午来吧 [*ni lai xiawu ba*]. Приходи после обеда.

В подобной ситуации фоном будет являться аудитория (не местоположение учителя на улице), т.е. место, которое непосредственно связано с говорящим лицом (учителем).

Рассмотрим следующие предложения:

1) *кит.* 初班来了五个学生 [*chuban laile wu ge xuesheng*]. В начальную группу пришло пять студентов.

2) *кит.* 他星期五去北京 [*ta xingqiwu qu Beijing*]. Он в пятницу поедет в Пекин.

В представленных предложениях местоположение говорящего лица неважно, здесь объективно определен ориентир совершаемого движения 初班 [*chuban*] – начальная группа и 北京 [*Beijing*] – Пекин.

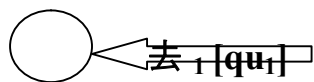
Глаголы 来 [*lai*] и 去 [*qu*] выражают направление совершаемого движения, но фоном направления движения в первом примере является начальная группа 初班 [*chuban*], во втором – 北京 [*Beijing*] Пекин.

Глагол 来 [*lai*] всегда выражает движение по направлению к фону. Глагол 去 [*qu*] может употребляться в двух следующих ситуациях.

Ситуация 1 (используемый в данной ситуации глагол 去 [*qu*] мы обозначим как 去 ₁): движение, направленное к фону, где говорящий выступает в качестве постороннего наблюдателя за ситуацией, например:

1) *кит.* 女孩向妈妈跑去 [*nihai xiang mama paoqu*]. Девочка подбежала к маме.

В данном предложении говорящее лицо просто констатирует факт совершенного движения. Говорящий сообщает о наблюдаемом: о движении, совершаемом субъектом. Графически ситуация изображена на рисунке 14, где Г – говорящий:

Г

Рис. 14. Ситуация 1.

Ситуация 2 (используемый в данной ситуации глагол 去 [qu] мы обозначим как 去₂): движение, совершающееся по направлению от фона, говорящий является непосредственным участником ситуации.

2) *кит.* 他去三天了 [ta qu san tianle]. Он три дня как уехал [от меня].

В приведенном предложении фон совершаемого движения определен субъективно – это говорящий [я]. Данную ситуацию можно представить следующим образом:

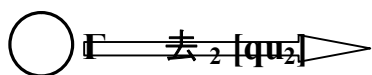

Рис. 15. Ситуация 2.

Главное различие между этими двумя ситуациями состоит в том, что в первом случае при использовании глагола 去₁ фон, относительно которого совершается движение, объективный, т.е. четко обозначен (по направлению к маме). В данной ситуации говорящий выступает как сторонний наблюдатель и его положение не совпадает с фоном. Во второй ситуации с глаголом 去₂ ориентир совершаемого движения субъективный – это говорящее лицо (движение по направлению от говорящего). Говорящий находится внутри ситуации, является ее непосредственным участником.

Как показывают наблюдения, в семантике базового глагола направления движения 去 [qu] важно различать две ситуации в зависимости

от позиции говорящего по отношению к фигуре (субъекту движения): 1) когда говорящий выступает как сторонний наблюдатель совершаемого движением, направленного к фону; 2) когда говорящий является участником ситуации (внутри ситуации) движения фигуры по направлению от фона, его местоположение совпадает с фоном.

Различие в семантике китайских базовых глаголов направления движения 来 [lai] и 去 [qu] заключается не только в фоне и направлении совершаемого движения, а также в центре повествования, т.е. с точки зрения чего (кого) описывается ситуация. Например:

1) *кит.* 学生朝教室走来 [xuesheng chao jiaoshi zoulai]. Студент идет [идти + движение, направленное к фону] к аудитории.

2) *кит.* 学生朝教室走去 [xuesheng chao jiaoshi zouqu]. Студент идет [идти + движение, направленное от фона] к аудитории.

В данных предложениях направление совершаемого движения одинаково, действие происходит по направлению к фону, который в предложениях совпадает – 教室 [jiaoshi] – аудитория. Различия заключаются в местонахождении говорящего по отношению к фигуре:

1) если говорящий непосредственно связан с фоном (находится в аудитории) и сообщает о совершаемом движением по направлению к нему, то используется глагол 来 [lai] – движение, направленное к фону. В этом случае ситуация описывается с точки зрения говорящего, местоположение говорящего совпадает с фоном и выступает как ориентир движения. Говорящий в данном случае выступает в качестве участника ситуации, он находится в аудитории или рядом с местом, где совершается движение. Если говорящий находится вне аудитории и сообщает о движении субъекта к определенному месту (аудитории), то используется глагол 去 [qu]

– движение, направленное от фона. Говорящий в данном случае выступает в качестве участника ситуации, но он находится вне аудитории;

2) говорящий не связан с фоном, относительно которого совершается движение, он является посторонним наблюдателем ситуации. При использовании глагола 来 [lai] – движение, направленное к фону центром повествования будет 教室 [jiaoshi] – аудитория, то есть подчеркивается фон, при использовании глагола 去 [qu] – движение, направленное от фона акцент делается на субъекте движения, соответственно центром повествования являются 学生 [xuesheng] – студенты.

Разница в семантике китайских базовых глаголов направления движения 来 [lai] (движение к фону) и 去₂ [qu₂] (движение от фона) заключается в выражении направления совершаемого движения. Как говорилось выше, 去₂ [qu₂] употребляется в ситуациях, когда движение происходит по направлению от фона, 来 [lai] выражает движение по направлению к фону. Таким образом, ориентир движения совпадает, разница заключается в направлении совершаемого движения. Например:

1) *kit.* 下午他来了 [xiawu ta laile]. Он пришел после обеда [сюда\ к фону].

2) *kit.* 下午他去了 [xiawu ta qule]. Он ушел после обеда [отсюда\ от фона].

В приведенных примерах фон, по отношению к которому совершается движение, определен субъективно – это местоположение говорящего лица [здесь]. В первом случае движение направлено по направлению к фону, во втором же – от фона, по отношению к которому совершается движение. Как видно из примеров, при использовании глаголов движения 来 [lai] и 去₂

[qu₂] фон тождествен и совпадает с местоположением говорящего лица, разница лишь в направлении совершаемого движения (*от* фона и *к* фону).

Анализ семантики базовых глаголов направления движения 来 [lai] – движение к фону и 去 [qu] – движение от фона приводит нас к выводу о том, что семантика данных глаголов не исчерпывается указанием на движение по направлению *к* или *от* местоположения говорящего лица, и при трактовке значений данных глаголов важно учитывать языковые ситуации. Рассмотрев языковые ситуации, в которых употребляются базовые глаголы направления движения, можно заключить следующее: языковые ситуации различаются: а) позицией говорящего по отношению к фону; б) местоположением говорящего (внутри или вне ситуации движения); в) участием или неучастием говорящего в процессе действия – движения; г) позицией говорящего к фигуре, совершающей движение.

Говорящий может являться участником ситуации движения описываемого объекта – фигуры, и при описании совершаемого движения его местоположение совпадает с фоном. В такой ситуации используются глагол 来 [lai] – для обозначения движения фигуры по направлению к фону и глагол 去 [qu] – для обозначения ситуации движения фигуры по направлению от фона.

Направление движения может совпадать при использовании глаголов 来 [lai] и 去 [qu] в тех случаях, когда говорящий является участником ситуации описываемого движения. Следует отметить, что если местоположение говорящего не совпадает с фоном, он находится рядом с фоном или рядом с фигурой. Разница в ситуациях с глаголами 来 [lai] и 去 [qu] состоит в том, какую информацию говорящий хочет обозначить.

Если говорящий не является участником ситуации движения фигуры и описывает ситуацию как сторонний наблюдатель, тогда при использовании глаголов 来 [lai] и 去 [qu] направление движения не совпадает.

Исходя из вышеизложенных наблюдений можно констатировать, что семантика китайских базовых глаголов направления движения 来 [lai] и 去 [qu] отражает субъективную ориентацию «приближения» и «удаления» в пространстве соответственно. Рассмотренные ситуации движения, передающиеся данными глаголами, отражают взаимоотношения всех компонентов ситуации направленного движения (фон, фигура, движение, маршрут и говорящий), подчеркивая прежде всего позицию говорящего по отношению к фону, нежели перемещение в пространстве.

Анализ фактов бурятского языка показывает, что бурятские глаголы направления движения *ошохо* – движение от фона и *ерэхэ* – движение к фону демонстрируют схожие черты, т.е. не всегда местоположение говорящего совпадает с фоном, поэтому интерпретировать значение нужно исходя из языковых ситуаций, в которых используются данные глаголы. А именно если говорящий является участником ситуации движения субъекта и описываемого совершаемого движения и его местоположение совпадает с фоном, в такой ситуации при использовании глаголов *ошохо* – движение от фона и *ерэхэ* – движение к фону направление движения не совпадает. Если говорящий является участником ситуации движения субъекта и описываемого совершаемого движения, а его местоположение не совпадает с фоном (говорящий находится рядом с фоном или рядом с субъектом действия), то направление движения может совпадать, разница в центре повествования, какую информацию говорящий хочет подчеркнуть. То есть языковые ситуации различаются позицией говорящего: 1 – по отношению к фону; 2 – местоположением говорящего (внутри или вне); 3 – участием или неучастием говорящего в процессе действия – движения.

Сложные глаголы направления движения в китайском языке.

Семантика базовых глаголов направления движения влияет на значение сложных глаголов направления движения. Значение сложного глагола образуется путем сочетания значений составных его единиц.

Китайские сложные глаголы направления движения по семантике условно можно разделить на две группы: группа базового глагола 来 [lai] и группа базового глагола 去 [qu]. Из анализа ситуаций направленного движения, которые отражены в базовых глаголах, можно сделать вывод о том, что семантика китайских глаголов 来 [lai] и 去 [qu] характеризуется субъективной ориентацией приближения и удаления, что также реализуется и в сложных глаголах направления движения.

上来 [shanglai]/上去 [shangqu] – движение, направленное вверх к фону с субъективной ориентацией приближения// удаления;

下来 [xialai]/下去 [xiaqu] – движение, направленное вниз к фону с субъективной ориентацией приближения// удаления;

进来 [jinlai]/进去 [jinqu] – движение, направленное внутрь (входить) фона с субъективной ориентацией приближения// удаления;

出来 [chulai]/出去 [chuqu] – движение изнутри (выходить) фона с субъективной ориентацией приближения// удаления;

回来 [huilai]/回去 [huiqu] – перемещение, направленное обратно к начальной точке движения (возвращаться) фона, с субъективной ориентацией приближения// удаления;

过来 [guolai]/过去 [guoqu] – перемещение через фон с субъективной ориентацией приближения// удаления;

起来 [qilai]/起去 [qiqu] – движение, направленное вверх [отрываясь от поверхности] от фона с субъективной ориентацией приближения// удаления;

开来 [kailai]/开去 [kaiqu] – движение в разные стороны от фона с субъективной ориентацией приближения// удаления.

Китайский исследователь Чжоу Иминь в статье «К вопросу о группе глаголов направления движения» («汉语趋向动词规范谈») (1999) пишет, что сложный глагол направления движения 起去 [qiqu] «когда-то использовался в истории пекинского диалекта, но на сегодняшний день полностью исчез и из пекинского диалекта и из путунхуа⁴» [周一民, 1999, с. 32]. Но несмотря на мнение исследователя данный глагол встречается как в разговорном языке, так и в произведениях современной художественной литературы.

Подводя итог, можно констатировать, что специфика семантики сложных глаголов направления движения в китайском языке характеризуется совмещением значений простых глаголов, входящих в их состав: первый глагол содержит сему «движения, ориентированного в пространстве по отношению к фону (вверх, вниз, обратно и пр.)» второй глагол – это базовый глагол, который содержит сему «субъектной ориентации в пространстве», т.е. отражает субъективную ориентированность движения, выраженного первым глаголом, по отношению к фону, который определяется как субъективно, так и объективно.

1.2.3. Глаголы направления движения бурятского и китайского языков в роли вспомогательных глаголов

Глаголы направления движения бурятского и китайского языков в предложении могут употребляться не только как полнозначный основной глагол-сказуемое, но и в сочетании с основным глаголом, выражающим движение, в роли вспомогательного глагола. Образованные таким образом лексические единицы мы будем называть двусоставные (составные) бурятские и двусложные китайские глаголы.

⁴ Путунхуа – официальный язык Китайской Народной Республики.

По наблюдениям В.М. Егодуровой, «глаголы бурятского языка, выражающие направление движения, употребляясь в роли вспомогательных глаголов, в сочетании с соединительными, разделительными и слитными деепричастиями, обозначающими различные виды перемещения, образуют аналитические видовые формы глагола» [Егодурова, 2003, с. 52]. При этом «при употреблении глагола, указывающего направление движения в качестве вспомогательного, основное его лексическое значение хотя и ослабевает, но не утрачивается» [там же].

Бурятские вспомогательные глаголы были классифицированы по лексическому значению исследователем бурятского языка Ц.-Ж. Цыдыповым (1972). Первоначально Ц.-Ж. Цыдыпов описал основное лексическое содержание глагольных единиц, а затем значение, передаваемое данными единицами в качестве вспомогательных глаголов. Исследователь выделил 16 классов вспомогательных глаголов на основе их семантики: глаголы бытования, становления, состояния, движения и др. Для нас наибольший интерес представляет четвертый класс вспомогательных бурятских глаголов – класс глаголов движения, к которым он относит следующие подклассы:

- 1) движение вообще: *ябаха* – ходить, идти, ехать;
- 2) движение направленное: приближение: *ерэхэ* – приходить, приезжать, прибывать, являться, приближаться; удаление: *ошохо* – идти, уходить, ехать, уезжать, отправляться;
- 3) движение во внутрь чего-нибудь: *орохо* – входить, заходить, въезжать, заезжать;
- 4) движение из чего-нибудь: *гараха* – выходить, уходить, выезжать, уезжать.

Как можно видеть, три подкласса из четырех, выделенных исследователем, представлены бурятскими глаголами направления движения: *ерэхэ* (движение к фону), *ошохо* (движение от фона), *орохо* (движение внутрь фона), *гараха* (движение из фона).

Ц.-Ж.Ц. Цыдыпов пишет, что «в качестве вспомогательного глагола глагол *ерэхэ* несет значение направленности движения в эту сторону: *ниидэжэ ерээ* – прилетел (летая прибыл), *орожо ерэнэ* – вошли (заходя пришли); глагол *ошохо* выражает направленность движения в ту сторону: *ниидэн ошоо* – улетел (летя отправился), *гаража ошобо* – вышел (выходя ушел); глагол *орохо* передает значение начала действия с оттенком интенсивности: *добтолон оробо* – наступили (наступая вошли) [Цыдыпов, 1972, с. 141]. Исследователь указывает на то, что глагол *гараха* в функции вспомогательного глагола выражает три ситуации разнонаправленного движения:

1. Направленность движения изнутри:

бур. Убһэ ногоон ургажга гараа [там же]. Трава выросла (досл.: вырастая вышла).

1. Направленность движения вверх:

бур. Табиһан шаарнуудынь тэнгэридэ дэгдэн гараба [там же]. Выпущенные шары поднялись в небо (досл.: поднимаясь вышли);

2. Начало действия:

бур. Нүхэрни конспектээ бэшэжэ оробо [там же]. Мой друг начал писать конспект.

В.М. Егодурова (1995) подробно рассмотрела сочетания производных и аналитических форм глаголов направления движения на примере глагола *гүйжэ (гүйгөөд)* – бежать, например, *гүйжэ орохо* – вбежать (движение, направленное внутрь), забежать (попутно, мимоходом); *гүйжэ гараха* – выбежать (движение, направленное наружу или вверх), убежать (прочь), называя аналитические образования данного типа составными глаголами.

В составных глаголах смысловая нагрузка распределена следующим образом, деепричастия обозначают разные виды перемещения в пространстве по направлениям, которые выражены вспомогательными глаголами. В примере *гүйжэ орохо* глагол направления движения *орохо* – движение

внутри фона выступает в своей вспомогательной функции и указывает на то, что перемещение, выраженное глаголом *гүйжэ – бегать* направлено *внутри фона*. В глаголе *гүйжэ гараха* глагол направления движения *гараха – движение из фона* также является вспомогательным глаголом и указывает на то, что перемещение, выраженное глаголом *гүйжэ – бегать*, направлено *наружу извне фона, вверх к фону или прочь от фона*. В представленных составных глаголах глаголы направления движения (*орохо – движение внутрь; гараха – движение наружу*) в своей вспомогательной функции выражают направления совершаемых движений. Показатели времени, как правило, оформляют глагол направления движения.

бур. Лодон гүйжэ ошохо. Лодон убежит (туда).

В данном примере сказуемое выражено составным глаголом, включающим в себя глагол движения *гүйжэ – бежать* и глагол направления движения *ошохо*, в своей вспомогательной функции направительного компонента, выражающего семантику направления перемещения от фона, при этом показатель будущего времени *-хо* оформляет вспомогательный глагол *ошохо*.

По наблюдениям В.М. Егодуровой (2003), в лексико-семантической группе бурятских глаголов движения выделяются антонимические пары глаголов (двухкомпонентные составные глаголы), которые обладают способностью сочетаться с соединительными или разделительными деепричастиями с семантикой перемещения в качестве вспомогательного компонента. Сюда исследователь относит следующие составные глаголы: *ошожо (ошоод) ерэхэ, орожо (ороод) ерэхэ, орожо (ороод) гараха, гаража (гараад) ерэхэ, гаража (гараад) ошохо* и *ошожо (ошоод) орохо*.

Сочетания указанных двухкомпонентных составных глаголов с деепричастиями с семантикой движения В.М. Егодурова называет трехчленными составными словами или трехчленными аналитическими конструкциями, например: *гүйжэ ошоод ерэхэ* сбегать (движение,

направленное куда-либо, и возврат), *гүйжэ гаража ерэхэ* сбегать (движение, направленное внутрь и наружу).

В приведенных примерах антономические пары *ошоод ерэхэ* и *гаража ерэхэ* присоединяются к глагольной форме соединительного деепричастия *гүйжэ*, тем самым образуя трехчленные составные слова со значением направленного движения бегом.

Необходимо отметить, что в бурятских трехчленных составных словах основное лексическое значение несет деепричастие, а антонимические пары выступают в качестве вспомогательного компонента, уточняющего направление совершаемого движения. Показатели времени оформляют вспомогательный компонент .

1) бур. Тэрэ хүбүүд гүйжэ орожо ерээ. Те мальчики вбежали.

2) бур. Тэрэ хүбүүд гүйжэ гаража ерэхэ. Те мальчики выбегут.

В приведенных примерах основное лексическое значение содержится в глагольной форме причастия *гүйжэ* – *бежать*, грамматическое значение времени передается с помощью показателя прошедшего времени *-ээ* и будущего времени *-хэ* в составных глаголах *орожо ерээ* и *гаража ерэхэ*, которые указывают направление совершаемого движения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что рассматриваемые в данной работе бурятские глаголы направления движения, как самостоятельно, так и в составе составных глаголов, способны присоединяться к большинству глаголов движения, внося значение направленности совершаемого передвижения в образованный таким образом трехсоставной глагол движения.

Китайские глаголы направления движения, также как и бурятские глаголы направления движения, могут употребляться как в качестве самостоятельного глагольного предиката глагола-сказуемого со значением передвижения в пространстве в определенном направлении, так в функции вспомогательного глагола, сочетаясь с основным глаголом-сказуемым. Употребляясь в функции вспомогательного глагола глаголы направления

движения в предложении выполняют роль направительной морфемы 补语 [buyu], именуемой либо направительным дополнительным членом, модификатором (Драгунов, 1952; Задоевко, 1986), ориентационным модификатором или направительной морфемой (Тань Аошуан, 2002), дополнительным элементом (Хаматова, 2003). Принципиальной разницы в этих терминах нет, поэтому в данной работе будет использован термин Тань Аошуан – *направительная морфема*.

Исследователь Ду Хунцзюнь (2010) в своей диссертационной работе провел анализ точек зрения китайских и отечественных лингвистов на проблему функционирования глаголов направления движения в предложении. На основе его анализа можно сделать вывод, что все авторы выделяют у глаголов направления движения функцию полнозначного глагола и функцию вспомогательного глагола, которые реализуются в препозиции или постпозиции других глаголов. По его замечанию, вспомогательные глаголы лишь содействуют другим глаголам в уточнении потенции или направления действия. Поэтому в зависимости от синтаксического функционирования в предложении «целесообразно рассматривать их либо как знаменательные глаголы, либо как служебные глаголы» [Ду Хунцзюнь, 2010, с. 42]. Если глагол направления движения в предложении выполняет функцию направительной морфемы, то дополнение занимает позицию между основным глаголом и направительной морфемой.

- 1) *кит.* 小孩儿来了 [xiaohaier laile]. Ребенок пришел.
- 2) *кит.* 小孩儿跑来了 [xiaohaier paolaile]. Ребенок прибежал.
- 3) *кит.* 小孩儿跑进来了 [xiaohaier paojinlaile]. Ребенок вбежал.

В первом предложении глагол направления движения 来 [lai] – *движение к фону* является знаменательным глаголом и выполняет функцию сказуемого. Во втором предложении глагол направления движения 来 [lai] – *движение к фону* выступает в качестве направительной морфемы в сложном

глаголе 跑来 [raolai] – *прибежать с субъективной ориентацией приближения*. Глагол 跑来 [raolai] состоит из полнозначного глагола движения в пространстве 跑 [rao] – *бегать* и направительной морфемы 来 [lai] – *движение к фону* выражает передвижение в пространстве «бежать» в направлении, которое выражено глаголом направления движения 来 [lai] к фону с субъективной ориентацией приближения. В третьем примере сложный глагол направления движения 进来 [jinlai] – *движение внутрь фона с субъективной ориентацией приближения*, сочетаясь с глаголом движения 跑 [rao] – *бегать*, образует трехсложный глагол со значением *прибежать (движения бегом внутрь фона с субъективной ориентацией приближения)*.

Таким образом, в сложных китайских глаголах смысловая нагрузка распределена следующим образом: основной глагол обозначает различные виды перемещения в пространстве, направления которых выражены глаголом, выступающим в качестве направительной морфемы.

Как показывают наши наблюдения, китайские простые и сложные глаголы направления движения способны присоединяться к большинству глаголов с семантикой перемещения в пространстве в качестве направительной морфемы, внося значение направления совершаемого передвижения относительно некоего ориентира, фона.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Анализ лингвистической литературы позволил выявить, что глаголы направления движения в бурятском и китайском языках выступали объектом исследования в трудах ученых в разных аспектах. Однако бурятские и китайские глаголы направления движения в сопоставительно-типологическом аспекте еще не были предметом исследований. В данной работе мы обосновали единые принципы выделения глаголов направления движения в отдельную лексико-семантическую группу из лексических систем бурятских и китайских глаголов.

Мы определили группу глаголов направления движения в бурятском и китайском языках. Основными параметрами глаголов направления движения являются семы движения, направленности движения, способность их образовывать составные (сложные) глаголы с семантикой направленности движения. Выделенные для анализа глаголы направления движения разделены нами на простые и составные в бурятском языке и на базовые, простые и сложные в китайском языке.

В результате анализа глаголов движения, в том числе глаголов направления движения, бурятский и китайский языки типологизированы с позиций моделей лексикализации Л. Талми. Как показали наши наблюдения, рассматриваемые языки имеют типологически общие черты: глагольного типа (когда глагол направления движения отражает маршрут движения), сателлитного типа (глагол направления движения выступает в качестве сателлита, передавая направление движения, выраженного основным глаголом) и эквиполентного типа (глагол направления движения входит в сериальную конструкцию: передача направления движения + способ движения).

В ходе нашего исследования также установлено, что общей чертой бурятского и китайского языков является наличие различных типов корней глаголов направления движения: глагольный корень, в котором отражается путь движения, и глагольный корень, который отражает способ движения.

Сопоставительный анализ показал характер семантического оформления бурятских и китайских глаголов направления движения и позволил определить количественный состав лексико-семантической группы глаголов направления движения в рассматриваемых языках, что составило четыре простых и двенадцать составных глаголов бурятского языка и два базовых, восемь простых и шестнадцать сложных глаголов бурятского языка. В процессе сравнительного анализа семантики составных лексических единиц группы бурятских глаголов направления движения попарно методом трансформации были установлены некоторые специфические особенности на

уровне сем. Семный состав совпадает у следующих глагольных единиц: *ошоожо (ошоод) ерэхэ, ошоожо (ошоод) орохо, ошоожо (ошоод) гараха, ерэжэ (ерээд) ошохо, ерэжэ (ерээд) орохо, ерэжэ (ерээд) гараха, гаража (гараад) ерэхэ, гаража (гараад) орохо / орожо (ороод) гараха*. Различие данных пар глаголов состоит в последовательности сем, составляющих общее значение составного бурятского глагольного слова (сначала значение, выраженное первым глаголом, входящим в состав сложной лексической единицы, а затем вторым, при этом интервал между действиями минимален, второе действие происходит тут же, сразу же), семы полностью равноправны и не утрачивают своего значения.

Метод трансформации позволил увидеть, что семный состав бурятских составных глаголов направления движения *орожо (ороод) ошохо, орожо (ороод) ерэхэ* и *гаража (гараад) ошохо* также совпадает, но отношения между семами, составляющими семантику лексической единицы, не равноправны. В данных составных глаголах ядерное значение содержится в первой семе, вторая же вносит сопутствующее значение в семантику всего глагола направления движения, т.е. вторая сема утрачивает свое значение и вносит дополнительное значение к значению первой семы. Анализ составных глаголов направления движения бурятского языка позволил сделать вывод о том, что использование того или иного бурятского составного глагола направления движения определяется субъективно самим говорящим, в зависимости от ситуации движения и информации, которую говорящий хочет выделить.

В группе глаголов направления движения китайского языка особое внимание заслуживает семантика базовых глаголов *来 [lai]* – движение к фону и *去 [qu]* – движение от фона, которые участвуют в образовании сложных глаголов направления движения путем сочетания с простыми глаголами данной группы. По нашим наблюдениям, семантика указанных глаголов по-разному проявляет себя в зависимости от языковой ситуации, в

которой используется глагол, т.е. направление, выражаемое глаголами, относительно фона может изменяться в зависимости от взаимоотношений всех компонентов ситуации направленного движения, включая говорящего. Проанализировав языковые ситуации с глаголами 来 [lai] – движение к фону и 去 [qu] – движение от фона, можно заключить следующее: языковые ситуации различаются а) позицией говорящего по отношению к фону; б) местоположением говорящего внутри (или вне) ситуации движения; в) участием или неучастием говорящего в процессе действия-движения; г) позицией говорящего к фигуре, совершающей движение.

Фактический материал свидетельствует о том, что рассматриваемые бурятские и китайские глаголы тождественно полифункциональны, т.е. помимо самостоятельного функционирования в речи могут выступать в роли вспомогательного компонента в составе составных глаголов направления движения (в терминологии бурятоведов) и в роли направительных морфем сложных глаголов направления движения (в терминологии китаистов) глаголов.

ГЛАВА 2

ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ СХОДСТВО И СПЕЦИФИКА ВЫРАЖЕНИЯ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ГЛАГОЛАМИ НАПРАВЛЕНИЯ ДВИЖЕНИЯ В БУРЯТСКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

2.1. Соотношение семантических структур, совпадающих по значению глаголов направления движения бурятского и китайского языков

Выше говорилось о наличии в бурятском и китайском языках лексико-семантической группы глаголов направления движения. В первой главе был определен количественный состав и семантический объем групп глаголов направления движения для данного сопоставительного исследования. В количественном отношении списки глаголов бурятского и китайского языков не совпадают. Глаголы из списка бурятских глаголов направления движения полностью находят соответствие в выделенном нами списке глаголов китайского языка и соответствуют следующим ситуациям:

Движение от фона: *ошохо* – 去 [*qu*];

Движение к фону: *ерэхэ* – 来 [*lai*];

Движение внутрь фона: *орохо* – 进 [*jin*];

Движение изнутри фона: *гараха* – 出 [*chu*].

Названные глаголы бурятского и китайского языков тождественны в основных значениях направленного движения.

На основе анализа взглядов разных ученых нами было отобрано для исследования десять китайских глаголов направления движения, обладающих полифункциональными свойствами. Анализ работ бурятской лингвистики позволил определить состав группы бурятских глаголов направления движения для данного исследования, которые также обладают полифункциональными свойствами, в количестве четырех глаголов. Как показали наблюдения, из десяти китайских глаголов направления движения

шесть глаголов являются специфическими китайскими и выражают следующие значения:

движение вверх к фону – 上 [*shang*];

движение вниз к фону – 下 [*xia*];

движение обратно к фону – 回 [*hui*];

движение минуя фон – 过 [*guo*];

движение, направленное вверх, отрываясь от поверхности фона (сесть из положения лежа, встать из положения сидя) – 起 [*qi*];

движение в разные стороны от фона разделяясь – 开 [*kai*].

Значения указанных китайских глаголов естественно имеются и в бурятском языке, но выражаются глаголами движения иначе, чем в китайском. Об этом подробно будет говориться во втором параграфе данной главы.

Все глаголы, выделенные для анализа, обладают широко развитой полисемией, т.е. употребляются в прямых и переносных значениях. Лексическая многозначность является отражением многообразия семантических отношений, которые возникают между отдельными значениями, входящими в смысловую структуру многозначного слова. Среди отдельных исследований по проблематике полисемии бурятских и китайских глаголов, а также глаголов направления движения в настоящее время можно назвать только работу В.М. Егодуровой «Типология глагола в бурятском и русском языках». В указанном исследовании автор рассмотрела соотношение объемов полисемии бурятских глаголов движения в сопоставлении с русскими глаголами движения, что позволило установить специфику развития многозначности рассматриваемой группы глаголов на функциональной общности. Общие проблемы полисемии китайской лексики поднимались В.И. Гореловым (1984) и А.Л. Семенас (1993; 2003), но

многозначность глаголов направления движения подробно не рассматривалась в указанных работах.

В данной главе будут выделены общие и специфические семантические черты у совпадающих по семантике глаголов направления движения бурятского и китайского языков; будут рассмотрены соотношение объемов полисемии бурятских и китайских глаголов направления движения, а также способы выражения в бурятском языке ситуаций направленного движения, выражаемые специфическими китайскими глаголами направления движения.

2.1.1. Семантика глаголов со значением движения к фону в бурятском и китайском языках

В первой главе было рассмотрено отличие китайского глагола 来 [lai] – движение к фону от китайского глагола 去 [qu] – движение от фона, которые вместе составляют группу базовых глаголов направления движения в китайском языке. Как было показано, основное отличие данных лексем заключается в направлении совершаемого движения, глагол 来 [lai] характеризуется семантической доминантой на направление к фону, глагол 去 [qu] отличается выражением направленного движения от фона.

Фон, в свою очередь, может быть определен объективно и субъективно. Объективное определение фона – фон четко обозначен в предложении. Если в предложении фон не обозначен, то он определяется субъективно.

Бурятский глагол *ерэхэ* отличается от других простых бурятских глаголов группы направления движения также семантикой направленности совершаемого движения по направлению к фону. Все принципы определения фона, которые выделены в китайском языке, также характерны и для бурятского, т.е. фон может быть определен субъективно и объективно.

В семантике рассматриваемых глагольных слов бур. *ерэхэ* и кит. 来 [lai] выделяется набор равнозначных сем, который определяет специфику данных лексических единиц и тем самым определяет специфику

мировосприятия и членения мира на мельчайшие компоненты носителями бурятского и китайского языков. Сема «двигаться» образует центр значения рассматриваемых глагольных слов. Сема «направление» конкретизирует центральную сему, указывая направление совершаемого движения.

На основе анализа языкового материала из словарей выделим общие и различительные черты в семантике сопоставляемых лексических единиц бурятского и китайского языков.

Семантическая доминанта «направленное перемещение» проявляется во всех употреблениях глаголов *бур. ерэхэ* и *кит. 来 [lai]*, ниже рассмотрим это на примерах.

Значения рассматриваемых глагольных слов имеют нижеследующие интегральные признаки.

I. Основное значение. Маршрут одушевленных и неодушевленных предметов по направлению приближения к фону, безотносительно к способу перемещения: «приходить», «приезжать», «прибывать», «являться», «направляться», «приближаться».

1) *бур. Та хэзээ ерээбта?* Когда вы пришли (или приехали) [БРС, т. 1, с. 338];

2) *бур. Гайндэртэ айшад ерээ.* На праздник прибыли гости [там же];

3) *бур. Олон бэишэг ерээ. Пришло (или поступило)* много писем [там же];

4) *кит. 工人们来了 [gong renmen laile].* Рабочие пришли [БКРС, т. 3, с. 744];

5) *кит. 代表团来我国访问 [daibiaotuan lai wo guo fangwen].* Делегация прибыла в нашу страну с визитом [там же];

6) *кит. 他来了一封信 [ta lai le yi feng xin].* От него поступило письмо [там же].

II. Переносные значения.

Выделенные Л. Талми параметры, такие как «фон», «фигура» и пр., не могут быть применены при описании переносного значения рассматриваемых глаголов в их переносно-метафорическом употреблении, при передаче значения абстрагированного, отвлеченного в нашем сознании движения с собой времени, где соответственно отсутствуют пространственные ориентиры.

1. Значение наступления временного отрезка – срока или периода: «наступать», «надвигаться», «наставать».

1) бур. *Зунай найхан саг ерэбэ*. Наступило прекрасное летнее время [БРС, т. 1, с. 338];

2) бур. *Ябаха саг ерээ*. Настало время уехать [там же];

3) кит. *春天来了* [*chuntian laile*]. Наступила весна [БКРС, т. 3, с. 744];

4) кит. *来年* [*lai nian*]. Будущий, наступающий год [БКРС info].

2. Значение неожиданного возникновения, появления чего-либо или кого-либо, т.е. внезапно становиться видимым: «возникать», «появляться», «рождаться», «случаться».

1) бур. *Хүбүүнэй ерэхэхээ* хойшо. После рождения (появления) сына [БРС, т. 1, с. 338];

2) кит. *新的难题来了* [*xin de nanti laile*]. Возникли (появились) новые проблемы [БКРС info];

3) кит. *问题一来就马上解决* [*wenti yi lai jiu ma shang jiejie*]. Возникли вопросы и тут же разрешились [там же].

Как показывают приведенные примеры, бурятский глагол *ерэхэ* и китайский глагол *来* [*lai*] могут употребляться как тождественные в прямом значении при выражении перемещения предметов по направлению к фону; в переносных значениях, при выражении: наступления времени, периода; возникновения, появления кого-либо или чего-либо.

Проведенный анализ языковых ситуаций демонстрирует, что семантика китайского глагола 来 [lai] шире значения соотносимого с ним бурятского глагола ерэхэ, поэтому некоторые переносные значения глагола 来 [lai] соответствуют значениям других бурятских глаголов.

- Значение китайского глагола 来 [lai] «приступить» к какому-либо делу, «начинать»; «делать» какое-либо дело в бурятском языке выражается не глаголом ерэхэ, а глаголами захалха и туршаха:

- 1) кит. 现在该我来 [xian zai gai wo lai]. Давай-ка теперь я [начну] [БКРС, т. 3, с. 745];

- 2) бур. Мүнөө би захалхаб. Давай-ка теперь я [начну];

- 3) кит. 再来一回 [zai lai yi hui]. Давай-ка еще разок [сделаю] [там же];

- 4) бур. Үшөө дахин туршая. Давай-ка попробуем еще разок.

- Значение глагола 来 [lai] «приносить», «подавать» в бурятском языке выражается глаголом абаад ерэхэ «приносить»:

- 1) кит. 你来一碗汤面 [ni lai yi wan tangmian]. Принеси чашку лапши в бульоне [БКРС, т. 3, с. 745];

- 2) бур. Аягатай шүлэ лапша абаад ерэ. Принеси чашку лапши в бульоне.

Значение китайского глагола 来 [lai] в первом примере передается на бурятский язык составным глаголом абаад ерэхэ, состоящим из двух отдельно оформленных слов: деепричастия абаад – брать, взять и глагола направления движения ерэхэ – движение к фону, выступающего в своей вспомогательной функции, указывая направление совершаемого движения.

В китайском языке рассмотренную ситуацию также можно описать, используя результативный глагол 拿来 [nalai] – приносить. Первый компонент глагола – глагол 拿 [na] – брать, взять, вторым компонентом является глагол направления движения 来 [lai], в функции направительной

морфемы, указывающей направление к фону совершаемого действия, выраженного первым компонентом:

kit. 你拿一碗汤面来 [ni na yi wan tangmian lai]. Принеси чашку лапши в бульоне.

Китайский глагол 拿 [na] только в сочетании с простым глаголом направления движения 来 [lai] имеет значение «приносить». В бурятском языке выражение смысла «приносить» также не может быть выражено посредством простого глагола направления движения *ерэхэ* вне составного глагола. Например,

* бур. *Аягатай шүлэ лапша ерэ.*

• Значение китайского глагола 来 [lai] «манить», «звать»; «приглашать», «привлекать к себе» в бурятском языке выражается глаголом *дуудаха*.

1) *kit.* 来百工 , 则财用足 [lai bai gong, ze cai yong zu]. Привлечь к себе ремесленников, и денежных средств [всегда] будет достаточно [БКРС, т. 3, 745];

2) бур. *Дархашуулые ажалда дуудабал мунгэн (ходо) байха.* Привлечь к себе ремесленников, и денежных средств [всегда] будет достаточно.

Исходя из анализа языковых ситуаций с использованием бурятской лексемы *ерэхэ* и китайской лексемы 来 [lai], выражающих направленное передвижение, можно сделать следующие выводы:

Семантика рассматриваемых глаголов *ерэхэ* и 来 [lai] характеризуется ориентацией на конечную точку движения. Согласно классификации глагольных лексем Ч. Филлмора данные глаголы относятся к классу глаголов прибытия. Как было показано, в ситуациях с использованием рассматриваемых глаголов в прямом значении конечной точке движения соответствует фон, эксплицитно понимаемый говорящим и слушающим, т.е. очевидный для адресата.

Бурятский глагол *ерэхэ* тождествен китайскому глаголу 来 [lai] в передаче следующих смыслов:

1) в выражении основного значения направленного движения фигуры по направлению к фону (вне зависимости от трактовки фона (субъективный/объективный));

2) в выражении переносного значения «наступление времени или срока; внезапное появление» (возникать, появляться, случаться).

Дифференцирующими значениями в семантике китайской лексемы 来 [lai] являются значения – «приступать к какому-либо делу»; «приносить»; «подавать» и «манить», «звать», «привлекать кого-либо». Указанные дифференцирующие значения на бурятский язык передаются не глаголом *ерэхэ*, а глаголами другой семантической сферы и в прямом значении, соответствуют переносным значениям китайского глагола 来 [lai]: значение «начинать» передается бурятским глаголом *захалха*; значение «приглашать» передается бурятским глаголом *дуудаха*; значение «приносить» на бурятский язык передается составным глаголом *абаад ерэхэ*.

Таким образом, при рассмотрении значений двух лексем с тождественным основным значением в бурятском и китайском языках выявлено, что основные ситуации, в которых используются рассматриваемые глаголы, совпадают. Однако китайская лексема обладает более широким объемом значения, о чем свидетельствуют примеры, в которых некоторые значения китайской лексемы передаются не глаголом *ерэхэ* в бурятском языке, а другими бурятскими лексемами.

2.1.2. Семантика глаголов со значением движения от фона в бурятском и китайском языках

В бурятском и китайском языках движение, направленное от фона, передается лексемами направленного движения *ошохо* – движение от фона и 去 [qu] – движение от фона соответственно. Концептуальным отличием в

семантике бурятских глаголов *ошохо* и *ерэхэ* является направление совершаемого движения во всех трактовках фона (субъективной и объективной). Как было рассмотрено в главе I, в ситуации с глаголом *ерэхэ* движение совершается к фону, в ситуации с глаголом *ошохо* движение направлено в противоположенную сторону от фона.

Как показывает анализ китайских базовых глаголов 来 [*lai*] и 去 [*qu*], при описании их значений важно учитывать языковые ситуации, в которых используются глаголы. Языковые ситуации различаются позицией говорящего по отношению к фону: местоположением говорящего (внутри или вне ситуации движения), участием или неучастием говорящего в процессе движения.

Таким образом, бурятский и китайский глаголы *ошохо* и 去 [*qu*] соответственно отличаются от других лексем, входящих в группу глаголов направления движения бурятского и китайского языков, направлением совершаемого движения с семантической доминантой на направленное перемещение *от* фона.

Рассмотрим общие и дифференциальные семы в значениях этих глаголов и определим эквивалентные значения данных лексических единиц в бурятском и китайском языках.

Как было показано в первой главе, фон в ситуации движения может быть определен как субъективно (когда в предложении не указан ориентир, по отношению к которому совершается движение), так и объективно (в предложении четко указан ориентир, по отношению к которому совершается движение). Исходя из этого возможно несколько ситуаций:

Ситуация №1.

Объективное определение фона (когда фон указан в предложении) и говорящий выступает в качестве постороннего наблюдателя за ситуацией. В

данной ситуации семантика глаголов бур. *ошохо* и кит. *去 [qu]* передает значение направленного движения к фону, например,

1) бур. *Үглөө үдэр мүнгөө абахын түлөө үнөөхи купецэй гэртэ ошобо* [Бурятские народные сказки, 2008]. На завтрашний день *пошел* [парень] к купцу домой, чтобы получить свои деньги.

2) кит. *常常雨过三天了，地上已经干燥，那石凹里水儿还有，鸡儿便 去那里渴饮* [*chang chang yu guo san tianle, dishang yi jing ganzao, na shi wa li shuier hai you, jier bian qu na li ke yin*] [108 Саньвэней]. Частый дождь уже как три дня прошел, земля уже высохла, а во впадине того камня все еще была вода, и курицы ходили туда пить.

В данных примерах фон определен объективно, т.е. четко обозначен в предложениях: в бурятском примере – это *купецэй гэртэ* (дом купца), в китайском примере – *那里 [na li]* (туда [к камню]). Говорящее лицо констатирует факт действия, совершаемого фигурой.

Ситуация №2.

Субъективное определение фона (когда фон не указан в предложении и местоположение говорящего совпадает с фоном). В такой ситуации направленного движения соответственно говорящий не является сторонним наблюдателем, а является участником ситуации движения – фоном: семантика глаголов бур. *ошохо* и кит. *去 [qu]* передает значение направления от фона:

1) бур. *Ошохоо ханаа хаа, ошыш теэд!* Если хочешь ехать, так поезжай [БРС, т. 2, с. 59];

2) кит. *唉！对了，刚才爸爸又给你买来巧克力，你快去，要不都叫妈妈吃了* [*Ai! Duile, gangcai baba you gei ni mailai qiaokeli, ni kuai qu, yao bu dou*

jiao mama chile] [108 Саньвэней]. А! Правильно, только что папа снова купил тебе шоколадку, ты быстреей иди, а то мама все съест.

В рассмотренных предложениях фон определен субъективно – это говорящий [я]. В таких ситуациях движение направлено от фона, то есть от говорящего лица.

Ситуация №3.

Субъективное определение фона (когда фон не указан в предложении), говорящий не является сторонним наблюдателем, а является фигурой, совершающей движение. В данной ситуации семантика глаголов *ошохо* и 去 [*qu*] также совпадает:

- 1) *бур.* Би гурбан үдэр болооб ошохоор. Я три дня как уехал [откуда-то];
- 2) *кит.* 我三天去了 [*wo san tian qule*]. Я три дня как уехал [откуда-то].

Как можно наблюдать, бурятский глагол *ошохо* и китайский глагол 去 [*qu*] в рассмотренных ситуациях направленного движения отражают тождественный вектор движения. Из анализа рассмотренных ситуаций можно констатировать, что отношение говорящего к происходящей ситуации движения (говорящий – сторонний наблюдатель; говорящий – участник ситуации движения) влияет на семантику сопоставляемых лексем и тем самым возможны различные характеристики фона, которые влияют на семантику лексем *бур.* *ошохо* и *кит.* 去 [*qu*].

Как было рассмотрено в примерах, иллюстрирующих ситуацию №1, говорящий выступает в качестве стороннего наблюдателя за ситуацией, фон определен объективно, т.е. четко обозначен в предложении (по направлению к купцу в дом/ туда [к камню]), семантика глаголов *ошохо* и 去 [*qu*] совпадает и передает значение направления к фону.

В ситуации №2 говорящий находится внутри ситуации движения, его местоположение совпадает с фоном, таким образом, фон определен

субъективно (сам говорящий). В такой ситуации семантика глаголов *ошохо* и *去 [qu]* также тождественна и имеет значение направления от фона, т.е. от говорящего.

В ситуации №3 говорящий также находится внутри ситуации движения, но отличие состоит в том, что говорящий является фигурой, совершающей направленное движение. В такой ситуации направленного движения с бурятским и китайским глаголами направления движения маршрут, т.е. вектор движения, также совпадает: бурятский глагол *ошохо* и китайский глагол *去 [qu]* передают значение направления *от* начальной точки движения, которая, в свою очередь, определяется как фон.

В следующих примерах бурятский и китайский глаголы направления движения *ошохо* и *去 [qu]* также совпадают при выражении значений: «совсем безвозвратно уходить» (или уезжать); «бесследно исчезать»:

1) бур. Хаана *ошооб?* Куда он ушел [исчез] [БРС, т. 2, 59];

2) кит. 我们是越去越远了, 但无论多么远, 那荒草是总要记在心上的. [women shi yue qu yue yuanle, dan wu lun duo me yuan, na huang cao shi zong yao ji zai xin shang de] [108 Саньвэней.]. Мы уходили все дальше и дальше, но не важно, насколько мы далеки, те дикие травы всегда будут в нашем сердце.

II. Переносные значения. Семантика глаголов бур. *ошохо* и кит. *去 [qu]* помимо отражения пространственного значения перемещения по направлению от фона обладает вторичной функцией передачи непространственных значений с темой времени. В ситуациях, где у рассматриваемых глаголов актуализируется тема времени «первоначальная пространственная семантическая структура совсем устраняется или сосуществует с новым значением, которое не является собственно пространственным» [Гак, 2000, с. 133].

Китайский глагол 去 [qu] имеет значение «проходить», «миновать» (о сроке, моменте), у бурятского глагола *ошохо* в словаре не указано данное значение, но между тем там же в словаре мы находим пример, который иллюстрирует данное значение, соответственно бурятский глагол *ошохо* также содержит данное значение:

1) *кит.* 大勢已去 [da shi yi qu]. Высшее напряжение (момент наибольшей остроты) уже позади [прошел] [БКРС, т. 4, с. 948];

2) *кит.* 去冬今春 [qu dong jin chun]. Прошлая (минувшая) зима и нынешняя (наступившая) весна [БКРС, т. 4, с. 948];

3) *бур.* Тэрэ гэхээр ехэ саг ошоо. С тех пор прошло много времени [БРС, т. 2, 59].

Анализ языкового материала позволил увидеть, что существуют ситуации, когда значения китайского глагола 去 [qu] в бурятском языке выражаются не глаголом *ошохо*.

- Прямое значение китайского глагола 去 [qu] «отбывать» из; «покидать»; «отходить назад» в бурятском языке трактуется глаголом: *ябаха* и сочетанием *наһа бараха*. Например:

1) *кит.* 去东北上北京来 [qu dongbei shang Beijing lai].. Отбыть из Дунбэя в Пекин [БКРС, т. 4, с. 948];

2) *бур.* Дунбэйһээ Пекин ябаха. Отбыть из Дунбэя в Пекин;

3) *кит.* 他的父亲去世了 [ta de fuqing qu shile]. Его отец скончался [БКРС, т. 4, с. 949];

4) *бур.* Тэрэнэй эсэгэ наһа бараа. Его отец скончался;

5) *кит.* 去路不好走 [qu lu bu hao zou]. Путь отхода [обратная дорога] (движение от фона) не удобен для передвижения [там же];

б) бур. *Гөөргөө ябаха харгы ябахада аягүй.* Путь отхода (движение от фона) не удобна для передвижения.

• Переносное значение китайского глагола 去 [qu] «падать», «выпадать» в бурятском языке передается глаголом *унаха*. Например:

1) *кит. 此老人已八十多岁, 齿发已去 [ci laoren yi ba shi sui, chi fa yi qu]..*

Этому старику больше 80 лет, зубы и волосы у него уже выпали [там же];

2) бур. *Энэ үбгэн 80 гартай, шүдэ үһэниинь унаа.* Этому старику больше 80 лет, зубы и волосы у него уже выпали.

• Переносное значение китайского глагола 去 [qu] «играть на сцене», «выступать» в роли *кого-то* трактуется бурятским глаголом *гүйсэдхэхэ*. Например:

1) *кит. 梅兰芳去白娘子 [mei lanfang qu bai niangzi].* Мэй Лань-фан выступает в роли Седой девушки [там же];

2) бур. *Гарма Будамиуугай роль гүйсэдхөө.* Гарма выступает в роли Будамшу.

В силу грамматических особенностей китайский глагол 去 [qu] также может реализовывать свои значения в переходной форме.

• Значение «отсылать с поручением», «командировать» *кого-то*, «отправлять», «посылать» *что-то* в бурятском языке выражается глаголом *эльгээхэ*:

1) *кит. 给他去信 [gei ta qu xin].* Отослать ему письмо, послать ему весть (письмо) [БКРС, т. 4, с. 949];

2) бур. *Тэрээндэ бэишэг эльгээхэ.* Отослать ему письмо, послать ему весть (письмо).

• Значение «отбрасывать», «выбрасывать»; «удалять» в бурятском языке выражается глаголами *хаяха*, *сэбэрлэхэ*, *абаха*. Например:

1) *кит.* 这句话, 去了几个字, 就更明显了 [*zhe ju hua, qu le ji ge zi, jiu geng mingxian le*]. Если из этой фразы выбросить несколько знаков, она станет ещё яснее [там же];

2) *бур.* Энэ үгүүлэлхээ хэдэн үгэ хаябал, удхань үшөө тодо болохо. Если из этой фразы выбросить несколько знаков, смысл станет ещё яснее;

3) *кит.* 去皮 [*qu pi*]. Удалить кожу, очистить от шелухи [там же];

4) *бур.* Хальһа абаха. Удалить кожу, очистить от шелухи.

• Значение *кит.* 去 [*qu*] «сокращать», «укорачивать», «уменьшать» выражается сочетанием *богони болгохо*. Например:

1) *кит.* 把这条线再去一寸 [*ba zhe tiao xian zai qu yi cun*]. Укоротить эту нить еще на один цунь [там же];

2) *бур.* Энэ утаһа нэгэ цунь богони болгохо. Укоротить эту нить еще на один цунь.

• Значение «отказываться (отворачиваться) от чего-либо», «отталкивать от себя»; «покидать» в бурятском языке выражается с помощью глагола *эрьелдэхэ*. Например:

1) *кит.* 人所畔者, 天所去也 [*ren suo panzhe, tian suo qu ye*]. Небо отталкивает от себя тех, от кого отвернулись люди [БКРС, т. 4, с. 949];

2) *бур.* Тэнгэри хүнүүдхээ эрьелдэхэн хүнүүдые өөрһөө түлхидэг. Небо отталкивает от себя тех, от кого отвернулись люди.

В результате рассмотрения языковых ситуаций с использованием глаголов *бур.* *ошохо* и *кит.* 去 [*qu*] обнаружались следующие общие и специфические черты их семантики. Данные глаголы тождественны в передаче смысла реального передвижения по направлению от фона, а также в переносном непространственном значении при выражении времени «проходить», «миновать».

По результатам анализа языкового материала можно сделать вывод, что китайский глагол 去 [qu] обладает более широкой семантикой, включающей в себя помимо значений перемещения в пространстве «отбивать», «покидать» также переносные значения «выпадать», «падать»; «играть на сцене»; «отсылать кого-либо»; «выбрасывать», «удалять»; «укорачивать», «уменьшать»; «отказываться», «отталкивать от себя», которые в бурятском языке передаются разными глагольными лексемами, поэтому китайский глагол несет большую смысловую нагрузку.

2.1.3. Семантика глаголов со значением движения внутрь фона в бурятском и китайском языках

В бурятском и китайском языках движение направленное внутрь фона, передается лексемами направленного движения бур. *орохо* и кит. 进 [jin] соответственно. Данные лексемы несут значение направления совершаемого движения, с семантической доминантой направленного перемещения во внутрь фона.

Общими чертами в семантике глаголов бур. *орохо* и кит. 进 [jin] являются следующие значения:

I. Основное значение. Значение передвижения в пространстве по направлению во внутрь, в пределы или ряды чего-либо извне: «входить», «въезжать»; «заходить», «заезжать»:

- 1) бур. *Таһалгада орохо. Входить* в комнату [БРС, т. 2, с. 46];
- 2) кит. 进屋子里来 [jin wuzi li lai]. *Войти* в комнату [БКРС, т. 4, с. 85];
- 3) бур. *Эндэ орохо харюултай. Вход* сюда запрещен [БРС, т. 2, с. 46];
- 4) кит. 进了厨房, 猫在一条铁筒 – 冬天升火通烟用的, 春天拆下来便放在厨房的墙角一旁蹲着呢 [jinle chufang, mao zai yi tiao tietong – dongtian sheng huo tong yan yong de, chuntian chaixialai bian fang zai chufang de qiangjiao yi pang dunzhe ne] [108 Саньвэней]. *Войдя* в кухню, кошка села на

корточки возле железного ведра, стоявшего в углу, которое зимой использовали для огня, а весной для выноса отходов.

II. Переносное значение. Значение поступления доходов: «приходить», «выручать», «получать» *доход, выручку*.

1) *бур. Нютагай предприятинуудһаа орохо олзо оршо.* Доходы, которые должны поступить от местных предприятий [БРС, т. 2, с. 47];

2) *кит. 不进钱 [bu jin qian].* Не выручить денег (не иметь выручки) [БКРС, т. 4, с. 85].

Как показывает анализ языкового материала, не все значения рассматриваемых глаголов бурятского и китайского языков совпадают, следующие значения бурятского глагола *орохо* не находят соответствий в семном составе китайского глагола *进 [jin]*, эквивалентного с ним в основном значении, и выражаются другими глаголами:

- Значение бурятского глагола *орохо* «направляться», «идти», «ехать» *куда-либо* в китайском языке выражается глаголом направления движения *去 [qu]*:

1) *бур. Тэрэши нютагаа ороо.* Он поехал к себе на родину [БРС, т. 2, с. 46].

2) *кит. 他去他的故乡 [ta qu ta de guxiang].* Он поехал к себе на родину.

- Значение бурятского глагола *орохо* «входить» *в состав чего-либо*; «поступать», «вступать» в китайском языке выражается разными средствами, в зависимости от ситуации. Если ситуация выражает значение «входить» *в состав какого-либо продукта*, то в китайском языке для передачи данного значения используется конструкция с определением, оформленным суффиксом 的 [de]:

1) *бур. Үтэгжүүлгэдэ ородог дабһанууд.* Соли, входящие в состав удобрений [БРС, т. 2, с. 46];

2) *кит.* 做肥料的盐 [*zuo feiliao de yan*]. Соли, входящие в состав удобрений (букв. делать удобрение 的 [de] соли);

3) *бур.* Буузада орохо мяхан. Мясо, используемое для поз [БРС, т. 2, с. 46];

4) *кит.* 做包子的肉馅儿 [*zuo baozi de rou xianer*]. Мясо, используемое для поз (букв. делать позы 的 [de] мясо).

Если же ситуация имеет значение вступления в какую-либо организацию, структуру или *вступать в бой*, то данное значение бурятского глагола *орохо* выражается в китайском языке глаголами 入 [*ru*] и 参 [*can*]:

1) *бур.* Партида орохо. Вступить в партию [БРС, т. 2, с. 46];

2) *кит.* 入党 [*ru dang*]. Вступить в партию [ХЕНСД, с. 217];

3) *бур.* хургуулида орохо. Поступать в школу [БРС, т. 2, с. 46];

4) *кит.* 入学 [*ru xue*]. Поступить в школу [ХЕНСД, с. 1351];

5) *бур.* Байлдаанда орохо. Вступать в бой [БРС, т. 2, с. 46];

6) *кит.* 参战 [*can zhan*]. Вступить в бой [ХЕНСД, с. 83];

7) *бур.* Сэрэгэй албанда орохо. Поступать на военную службу [БРС, т. 2, с. 46];

8) *кит.* 参军 [*can jun*], 投军 [*tou jun*]. Поступать на военную службу;

9) *бур.* Хурьгэн боложо орохо. Пойти к кому-либо в зятя.

Данные примеры расхождения в значении анализируемых глаголов бурятского и китайского языков позволяют сделать вывод о том, что в бурятском языке глагол *орохо* в переносном значении «вхождения» («вступления») *куда-либо (во что-либо)* выражает наиболее общую идею действия. В китайском языке для каждой ситуации действия со значением

«вхождения», «вступления» куда-либо (во что-либо) используется определенный глагол: если ситуация передает значение вступления в какую-либо организацию, то используется глагол 入 [ru], если ситуация передает значение вступления – присоединения к какому-либо процессу (вступить в бой), то используется глагол 参 [can]. Таким образом, анализ ситуаций с бурятским глаголом *орохо*, передающих переносное значение «вхождения», «вступления» куда-либо (во что-либо) и способы трактовки данного значения в китайском языке, демонстрируют что для бурятского языка важен факт совершаемого действия. В китайском же языке важно не просто действие, а результат данного действия, который содержится в семе глагола, передающего рассматриваемое значение: 入 [ru] – вступать в организацию и в результате «стать единым целым»; 参 [can] – вступать с результатом присоединиться к какому-либо процессу.

- Значение бурятского глагола *орохо* «впадать» о реке выражается глаголом 流入 [liuru]:

- 1) бур. Энэ гол Сэлэнгэдэ ородог. Эта речка впадает в Селенгу [БРС, т. 2, с. 46];

- 2) кит. 长江流入东海 [chang jiang liuru dong hai]. Река Янцзы впадает в Восточно-Китайское море [ХЕНСД, с. 201].

- Значение бурятского глагола *орохо* «проникать»; «заливать», «залезать»; «забираться», «переходить» в китайском языке выражается

глаголами 透进 [toujin], 流入 [liuru] или 欠债 [qianzhai], в зависимости от ситуации.

1) бур. Хаалтатай сонхын забһараар һарын гэрэл ороно. Через щели закрытых ставней проникает лунный свет [БРС, т. 2, с. 46];

2) кит. 光透进屋里 [guang toujin wu li]. Свет проник в комнату [ХЕНСД, с. 1472];

3) бур. Уһан заха руумни ороо. Дождевая вода залилась за мой воротник [БРС, т. 2, с. 46];

4) кит. 水流入领子里了 [shui liuru lingzi li le]. Вода заливается за воротник [БКРС info];

5) бур. Үридэ орохо. Входить в долги [БРС, т. 2, с. 46];

6) кит. 欠了一身债 [qianle yi shen zhai]. Войти в долги [ХЕНСД, с. 375].

• Значение бурятского глагола *орохо* «входить» во вкус чего-либо, «пристраститься» к чему-либо трактуется в китайском языке глаголом 溺 [ni]:

1) бур. Архуда орохо. Пристраститься к водке [БРС, т. 2, с. 46];

2) кит. 溺于酒 [ni yu jiu]. Пристраститься к вину [БКРС info].

• Значение бурятского глагола *орохо* «приходить на память»; «вспоминаться», «запоминаться» выражается устойчивым сочетанием глагола 想 [xiang] – думать со сложным глаголом направления движения в качестве модификатора 起来 [qilai]. Образованный таким образом результирующий глагол 想起来 [xiangqilai] передает указанное значение бурятского глагола на китайский язык:

1) бур. Тэрэ хөөрэлдэгшэмнай ходо һанаандам ородог. Мне часто вспоминается тот наш разговор [БРС, т. 2, с. 46];

2) *кит.* 忽然想起采莲的事情来了 [*huran xiangqi cailian de shiqing lai*]

[108 Саньвэней]. Вдруг вспомнил историю о Цай Лянь;

3) *бур.* Зүүдэндэ орохо. Сниться, видеть во сне, грезить [БРС, т. 2, с. 46];

4) *кит.* 他做了个梦 [*ta zuole ge meng*]. Ему снился сон [ХЕНСД, с. 1755].

• Значение бурятского глагола *орохо* «удаление за пределы чего-либо» или исчезновение из поля зрения: «заходить», «скрываться» *за чем-либо*, «забираться» *подо что-либо* – в китайском языке реализуется несколькими способами, которые зависят от указания или отсутствия в ситуации движения фона. Если ситуация передает передвижение фигуры с результатом скрыться за фоном, то используется предложно-последеложная конструкция с глаголом направления движения 去 [*qu*] – движение, направленное от фона в сочетании с предлогом 到 [*dao*] – до и последелогом 后面 [*hou mian*] – позади, оформляющих фон:

1) *бур.* Гэрэй саана орохо. Заходить за дом [БРС, т. 2, с. 46];

2) *кит.* 到树后面去 [*dao shu houtian qu*]. Зайти за деревья [ХЕНСД, с. 461].

В приведенном китайском предложении фоном является 树 [*shu*] *дерево*, движение направлено от говорящего в сторону фона и конкретизируется предложно-последеложной конструкцией – 到 [*dao*]... 后面 [*houtian*], где 到 [*dao*] – предлог *до*, актуализирующий конечную точку движения, а 后面 [*houtian*] – последелог с пространственным значением *позади*.

Если в ситуации фон не важен, а важен результат движения – исчезновения из поля зрения, то данное значение в китайском языке передается результативным глаголом в отрицательной форме 看不见 [kan bu jian] – невозможно увидеть, не видно, который состоит из глагола зрения 看 [kan] – видеть, смотреть и результативной морфемы 见 [jian] – видеть:

1) бур. Далда орохо. Исчезнуть из виду, скрыться с глаз [БРС, т. 2, с. 46];

2) кит. 轮船 看不见了 [lunchuan kan bu jian le]. Пароход исчез [невозможно увидеть] из виду [ХЕНСД, с. 600].

Исходя из анализа рассмотренных примеров с бурятским глаголом *орохо* в значении «удаления за пределы», «исчезновения» и способов актуализации данного значения в китайском языке можно сделать вывод о том, что бурятский глагол содержит обобщенное значение «исчезновения», «удаления», не выражает результат данного действия. В китайском языке важен результат, с которым совершается действие: стать невидимым в результате исчезновения за преградой (фоном) или стать не достигаемым для взгляда, исчезнув из поля зрения.

• Значение бурятского глагола *орохо* «заходить», «закатываться» о небесных светилах на китайский язык передается глаголом 落 [luo]:

1) бур. Наран оробо. Солнце зашло [БРС, т. 2, с. 47];

2) кит. 太阳 落 [taiyang luo]. Солнце зашло [ХЕНСД, с. 1152].

Таким образом, данные ситуации показали, что не все значения бурятского глагола *орохо* трактуются в китайском языке глаголом 进 [jin], эквивалентным ему в основном значении. Далее рассмотрим ситуации передачи значений китайского глагола 进 [jin] на бурятский язык не глаголом *орохо*, а другими лексическими средствами.

- Значение китайского глагола 进 [jin] «идти вперед», «продвигаться вперед»; «наступать» на бурятский язык передается глаголом *ябаха*:

- 1) *кит.* 进一步退两步 [jin yi bu tui liang bu] [БКРС, т. 4, с. 85].

- 2) *бур.* Нэгэ алхам урагшаа ябаха, хоёр алхам хойшоо ябаха. Сделать шаг вперед, два шага назад.

- Значение китайского глагола 进 [jin] «подходить близко»; «ходить на аудиенцию», «быть на личном приеме» на бурятский язык передается глаголом *абаха*:

- 1) *кит.* 进受命于主人 [jin shou min yu zhu ren]. На приеме получить приказ от хозяина [БКРС, т. 4, с. 85].

- 2) *бур.* Эзэнһээ зарлиг абаха. На приеме получить приказ от хозяина.

- Переносное значение китайского глагола «совершенствоваться», «расти морально» в бурятском языке передается глаголом *хүгжэхэ*:

- 1) *кит.* 因进距衰 [yin jin ju shuai]. Совершенствоваться и этим отдаляться от упадка [БКРС, т. 4, с. 85];

- 2) *бур.* Хүгжэхэн дээрэхэ уналгаһаа холодоно. Совершенствоваться и этим отдаляться от упадка.

- Переносное значение китайского глагола 进 [jin] «идти на службу»; «продвигаться по служебной лестнице», «расти в карьере» в бурятском языке выражается сочетаниями: *ажалда орохо*, *ажалай шатаар*, *дээшэ дабшаха*:

- 1) *кит.* 君子进, 则能益上之誉 [junzi jin, ze neng yi shang zhi yu]. Если совершенный человек идёт на службу, он может принести пользу репутации начальника [БКРС, т. 4, с. 85];

- 2) *бур.* Сэсэн мэргэн хүн ажалда оробод, ноёндон тон ехэ туһа хүргэхэ. Если совершенный человек идёт на службу, он может принести пользу репутации начальника.

- Переносное значение китайского глагола «выигрывать» трактуется глаголом *шүүхэ*.

1) *кит.* 博弈, 数负进 [bo yi, shu fu jin]. Несколько раз проигрывать и выигрывать в шашки [БКРС, т. 4, с. 85];

2) *бур.* Шатар наадажа олон дахин шүүгдэхэ ба шүүхэ. Несколько раз проигрывать и выигрывать в шахматы.

- Переносное значение китайского глагола «подавать заявление» трактуется словосочетанием *үргэн бариха*.

1) *кит.* 进言, 进献珍宝 [jin yan, jin xian zhenbao]. Преподнести драгоценности [БКРС, т. 4, с. 85];

2) *бур.* Алта мунгэ үргэн бариха. Преподнести драгоценности.

- Значение переходного китайского глагола 进 [jin] «вводить» *что-либо/кого-либо*, «ввозить» *что-либо*; «закупать» *что-либо* в бурятском языке выражается или пассивной формой от глагола *орохо – оруулха*; или сочетанием *худалдажа абаха*.

1) *кит.* 左边进人, 右边出人 [zuobian jin ren, youbian chu ren]. Слева впускают людей, справа их выпускают [БКРС, т. 4, с. 85];

2) *бур.* Зүүн талаһаа хүнүүдые оруулжа, баруун талаһаа гаргана. Слева впускают людей, справа их выпускают;

3) *кит.* 进销货品 [jin xiao huopin]. Закупать и сбывать товар [БКРС, т. 4, с. 85];

4) *бур.* Бараа худалдан абажа худалдаха. Закупать и сбывать товар.

- Значение переходного китайского глагола 进 [jin] «двигать вперед» *что-либо*, «бросать в наступление» *что-либо/кого-либо* на бурятский язык передается или пассивной формой от глагола *орохо – оруулха*; или глаголом *урагшалуулха*.

1) *кит.* 进大军 [jin da jun]. Двинуть вперед основные силы армии [БКРС, т. 4, с. 85];

2) *бур.* Ехэ сэрэг оруулха. Двинуть вперед основные силы армии.

- Значение переходного китайского глагола 进 [jin] «подавать» что-либо, «преподносить» что-либо выражается глаголом *бариха*:

- 1) *кит.* 进美酒 [jin mei jiu]. Подать прекрасное вино [БКРС, т. 4, с. 85];

- 2) *бур.* Гайхан дарһа *бариха*. Подать прекрасное вино.

- Значение переходного китайского глагола 进 [jin] «получать» что-либо, «выручать» что-либо, «приходовать» что-либо в бурятском языке выражается с помощью глагола направления движения *орохо*. Следует отметить, что бурятский глагол *орохо* при передаче указанного значения не приобретает переходную форму. Рассматриваемое значение в бурятском языке реализуется изменением строя предложения: объект становится субъектом при глаголе-сказуемом, выражено глаголом направления движения *орохо*:

- 1) *кит.* 不进钱 [bu jin qian]. Не выручить денег [БКРС, т. 4, с. 85];

- 2) *бур.* Мүнгэн *ороогүй*. Не выручить денег (букв. деньги не вошли).

- Значение переходного китайского глагола «выдвигать» кого-либо, «рекомендовать» кого-либо; «брать на службу» кого-либо выражается глаголом *оруулха* в сочетании со словом *ажалда* – *работа*.

- 1) *кит.* 观其所进 [guan qi suo jin]. Посмотреть, кого он рекомендовал [БКРС, т. 4, с. 85];

- 2) *бур.* Ажалда оруулха гэхэн хүниень хараха. Посмотреть, кого он рекомендовал.

Анализ рассмотренных ситуаций, где реализуют свои прямые и переносные значения глаголы направления движения *бур. орохо* и *кит. 进 [jin]*, позволяет говорить о том, что данные глаголы тождественны в передаче основного значения «передвижение внутрь фона» и в передаче переносного значения «поступление денежных средств». Рассматриваемые лексемы бурятского и китайского языков обладают одинаково развитой полисемией, но многочисленные переносные значения глаголов различаются. Было

установлено, что бурятская лексема *орохо* передает более общую идею направленного передвижения как в основном, так и переносном значениях: «идти», «ехать» *куда-либо*, «входить в состав» *чего-либо*; «впадать» *куда-либо*; «проникать» *куда-либо*; «входить во вкус»; «приходить на память»; «скрываться» *за чем-либо*; «заходить» (о небесных светилах). Во всех рассмотренных ситуациях в прямых или переносных смыслах так или иначе отражено движение фигуры внутрь замкнутого пространства или движение/действие с результатом исчезновения из поля зрения. В китайском языке каждой ситуации с бурятским глаголом *орохо* соответствует определенный глагол, исходя из того, что (или кто) является фигурой, совершающей движение. Если, например, фигура – это река или вода, то используется глагол 流 [*liu*] течь; если фигура – это свет, то используется глагол 透 [*tou*] проникать, просвечивать; если долги или деньги, то 欠债 [*qianzhai*] задолжать; если солнце, то 落 [*luo*] закатываться (о небесных светилах).

На наш взгляд, это объясняется самой природой иероглифического знака, который представляет собой сочетание графического начертания, смысла и значения, при этом значение закодировано в графической структуре знака, чаще всего в виде детерминатива⁵. Комбинаторные возможности китайского глагола семантически ограничены определенным кругом слов, входящих с ним в одно лексико-семантическое поле, архилексема которого может быть отражена в детерминативе иероглифического знака.

Исходя из грамматических особенностей глаголов бурятского и китайского языков китайские глаголы направления движения реализуют свои

⁵ Детерминатив (иероглифический ключ или семантический множитель) – часть знаков фоноидеографической категории, «указывающая на принадлежность иероглифа к группе семантически родственных знаков, обозначающих классы предметов, свойств или явлений» [Кондрашевский А.Ф. Практический курс китайского языка: пособие по иероглифике. Ч. 1. С.9] (например, детерминатив «вода» обозначает различные виды водоемов (от океана до капли воды, а также все, что ассоциируется в китайском языке с понятием жидкости).

значения в переходной и непереходной формах. Для бурятских глаголов направления движения переходная форма не характерна, т.е. они не могут принимать прямое дополнение, поэтому значения переходного китайского глагола 进 [jin] в бурятском языке выражаются производными от глагола *орохо* глаголами *оруулха* и реже *бариха* или глаголом *орохо* в предложениях, где объект выступает в качестве субъекта, совершающего движение.

2.1.4. Семантика глаголов со значением движения изнутри фона в бурятском и китайском языках

Направленное движение из фона в рассматриваемых языках передается лексемами *бур. гараха* и *кит. 出 [chu]*. Отличие данных лексем от других входящих в группу глаголов направления движения бурятского и китайского языков, заключается в наличии семантической доминанты, указывающей на направленное перемещение из замкнутого пространства, которое нами рассматривается как фон. Данная пара глаголов обладает широкоразвитой полисемией. Рассмотрим семантически тождественные значения:

I. Основное значение.

1. Выражение маршрута направленного движения одушевленных и неодушевленных предметов по направлению за пределы фона наружу: «выходить», «выезжать», «выходить наружу».

1) *бур. Яагаа оло газаа гаранаш? – гэжэ асууна* [Бурятские народные сказки, 2008, с. 85]. Почему так часто выходишь во двор? – так спрашивает;

2) *кит. 倘若歇一会，暖暖身子，还要朝前赶路，一出柴门，还可听见一片欢送的声音：‘转来时，请来玩呀！* [Tang ruo xie yi hui, nuan nuan shenzi, hai yao chao qian gan lu, yi chu chai men, hai ke tingjian yi pian huan song de shengyin: «zhuanlai shi, qing lai wan ya!...»] [108 Саньвэней]. Если отдохнете

немного, отогреетесь, и когда снова отправитесь в путь, выйдя из калитки, сможете услышать приветливые слова: «Когда будете возвращаться, загляните к нам!...»;

3) бур. *Үүдэ гараха*. Выйти через дверь [БРС, т. 1, с. 197];

4) кит. 出门 [*chu men*] [XDHYCD, с. 195]. Выйти через дверь;

5) кит. ... 每次出国经过这里时, 都跑来帮着她提包儿... [*...mei ci chu guo jingguo zhe li shi, dou paolai bangzhe ta ti baoer...*] [108 Саньвэней]. ...каждый раз, когда она выежала из страны, все прибегали помочь ей с вещами...;

6) бур. *Хилын сана гараха*. Выехать за границу.

2. Выражение маршрута одушевленных и неодушевленных предметов по направлению отдаления от фона куда-либо, безотносительно к способу перемещения: «уходить», «уезжать», «отходить», «отправляться» покидая пределы какого-либо места:

1) бур. *Замда гараха*. Отправляться (в дорогу);

2) кит. 出发 [*chu fa*] [ZD, с. 47]. Отправиться;

3) кит. 出境 [*chu jing*] [ZD, с. 47]. Выехать за границу;

4) бур. *Удангүй тэрэ харгыгаар хэдэн мори зэргэлүүлжэ хүллэһэн тэргэ хотоһоо гараба* [Монгол онтохонууд, 2009, с. 34]. Вскоре из города по той дороге выехала телега с запряженными в ряд лошадьми;

5) кит. ... 离开了群众的喜闻乐见, 就是不搞大众化, 只搞小众化, 就是出了方向性差错, 就是孤家寡人, 自我欣赏. [*Likaile qunzhong de xi wen le jian, jiu shi bu gao da zhonghua, zhi gao xiao zhonghua, jiu shi chule fangxiangxing chascuo, jiu shi gujia guaren, zi wo xinshang*] [108 Саньвэней]. ...покинуть восторги толпы, это значит не стать популярным, а стать известным лишь маленькой группе людей, и это, соответственно, пойти

[отправиться] в неправильном направлении, значит, остаться одному и самому восхищаться собой.

II. Переносные значения. В переносных значениях глаголы направления движения бур. *гараха* и кит. 出 [*chu*] актуализируют следующие семы с интегральным значением «появления», «возникновения». Например:

1) бур. *Нара гараад байхада ерээ.* Он приехал с восходом солнца [БРС, т. 2, с. 197];

2) кит. 日出而作 [*ri chu er zuo*]. Солнце всходит – и я встаю [БКРС, т. 2, с. 386];

3) бур. *Хаанаһаа шимэ заншал гараба гээшэб?* Откуда возник этот обычай? [БРС, т. 2, с. 197];

4) кит. 我的回答已经让她喜出望外了. *Wo de huida yi jing rang ta xi chu wang wai* [108 Саньвэней]. Мой ответ заставил ее обрадоваться [возникла радость];

5) кит. 天花已出 [*tian hua yi chu*] [БКРС, т. 2, с. 386]. Оспенная сыпь уже появилась;

6) бур. *Шарха гараба.* Оспенная сыпь уже появилась.

1. Выражение значения издания приказа, распоряжения и т.п.: «выпускаться», «отдаваться» *распоряжение, приказ*:

1) кит. 令出惟行 [*ling chu wei xing*]. Когда приказ отдан — добиваться его выполнения [БКРС, т. 2, с. 386];

2) бур. *Зарлиг гаргаха.* Отдать приказ.

2. Выражение значения «прорасти», «всходить» *о всходах*:

1) бур. *Нэгшыжэ гараһан намарай шэниисэ ногоорон харагдана.* Зеленеют густые всходы озимых [БРС, т. 1, с. 197];

2) кит. 出芽 [*chu ya*] [ZD, с. 47]. Прорасти (о всходах).

3. Выражение значения «жениться», «выходить замуж» также совпадает у рассматриваемых глаголов:

- 1) бур. *Хадамда гараха*. Выходить замуж;
- 2) кит. 出家 [*chu jia*]. Выходить замуж.

III. Значения китайского глагола 出 [*chu*] при употреблении в переходных значениях. Китайский глагол в своей переходной форме способен распространять процесс на объект, находящийся в постпозитивной позиции без каких-либо служебных слов.

1. Переносное значение переходного глагола 出 [*chu*] «выходить за рамки», «превышать» *что-либо* в бурятском языке выражается глаголами *гарана*, *гаргаха*:

- 1) кит. 出轨 [*chu gui*] [ZD, с. 47]. Выходить за пределы; нарушать правила; сбиваться с пути истинного;
- 2) бур. *Ши юундэ үлүүсэ гаранабши?* Ты почему выходишь за рамки?

2. Переносное значение «порождать» *что-либо*, «производить» *что-либо* на бурятский язык передается глаголом *гаргаха*:

- кит. 出茶 [*chu cha*]. Производить чай [БКРС, т. 2, с. 386];
- бур. *Сай гаргаха*. Производить чай.

При сопоставлении семантики глаголов бур. *гараха* и кит. 出 [*chu*] на основе языкового материала не только были выявлены интегральные значения лексических единиц, но были установлены и дифференцирующие значения.

Далее рассмотрим значения бурятского глагола *гараха*, которые в китайском языке выражаются не с помощью глагола 出 [*chu*], а другими лексическими единицами.

• Выражение маршрута одушевленных предметов со значениями миновать или преодолевать фон: «переходить», «переезжать», «переправляться», «проезжать», «миновать» в китайском языке выражается глаголом 过 [guo], который также входит в группу глаголов направления движения:

1) бур. Аяниад хада гаталжа гараба. Туристы переправились через гору;

2) кит. 这里没有过不去的山 [Zhe li mei you guo bu qu de shan]. Здесь нет непроходимых гор [БКРС, т. 4, с. 386];

3) бур. Алгад (или хажуугаар) гараха. Проходить (или проезжать) мимо, обходить, объезжать [БРС, с. 197];

4) кит. 有荷蕢而过孔门者 [You hekui er guo kong menzhe]. Был некто, кто проходил мимо ворот дома Куна (Конфуция), неся на плечах корзину [для переноски земли] [БКРС, т. 4, с. 386].

В переносном значении бурятского глагола гараха актуализируется сема, отображающая ход, движение времени – сема времени:

• Временное значение «проходить», «миновать», «истекать» в китайском языке также выражается глаголом 过 [guo].

1) бур. Душэ гаража ябанаб. Мне перевалило за сорок [БРС, т. 1, с. 197];

2) кит. 时间已过 [shixian yi guo]. Время уже истекло [БКРС, т. 4, с. 386];

3) кит. 过了一阵子, 音乐工作者开会... [guole yi zhenzi, yinyue gongzuozhe kai hui...] [108 Саньвэней]. Прошло немного времени, артист начал собрание... .

• Временное значение «наступать», «наставать» о временном промежутке в китайском языке выражается глаголом 到 [dao]:

1) бур. Шэнэ жэл гараба. Наступил новый год [БРС, т. 1, с. 197];

2) кит. 国庆节马上就到了 [guoqingjie ma shang jiu dao le]. Вскоре наступит национальный праздник [БКРС, т. 2, с. 386].

• Переносное значение бурятского глагола *гараха* с семой превосходства, победы выражается глаголом 获胜 [huosheng].

1) бур. Илан гараха. Выходить победителем [БРС, т. 1, с. 197];

2) бур. Урда гараха. а) Выходить вперед, приходить первым (в скачках), б) преуспевать [БРС, т. 1, с. 197];

3) кит. 在赛跑中获胜 [zai sai paozhong huosheng]. Победить в беге [ХЕНСД, с. 1239].

Китайский глагол 出 [chu] также обладает широкой полисемией. Рассмотрим способы реализации значения «расходовать», «затрачивать» средства, деньги, которые не находят эквивалента в семном составе бурятского глагола *гараха* и выражаются с помощью глагола *гаргаба*.

1) кит. 入不敷出 [ru bu fu chu]. обр. Доходы не покрывают расходов; не сводить концы с концами [БКРС info].

2) бур. Хуримдаа олон мянга гаргаба. Потратили много тысяч на свадьбу.

Таким образом, в результате анализа языковых ситуаций с глаголами направления движения бур. *гараха* и кит. 出 [chu] было выявлено, что бурятский глагол обладает более широким объемом полисемии и может быть полностью эквивалентен китайскому глаголу, за исключением ситуации, отражающей значение «трата каких-либо средств». Полисемичные связи китайского глагола не позволяют полностью соответствовать значениям его бурятского эквивалента. Языковой материал позволил увидеть, что значение китайского глагола 出 [chu] не содержит сему времени, в связи с этим переносные значения отражающие «движение» времени, актуализируются в

китайском языке с помощью глаголов *过* [guo] и *到* [dao]. Переносное значение «превосходства» бурятского глагола *гараха* в китайском языке реализуется разными способами, в зависимости от ситуации. Остальные значения рассматриваемых лексических единиц бурятского и китайского языков полностью совпадают как в прямом, так и в переносных значениях.

В процессе сопоставления сем, совпадающих в основных значениях бурятских и китайских глагольных единиц одной лексико-семантической группы глаголов направления движения, мы определили специфику развития многозначности глаголов названной группы, как правило, на функциональной общности. Основанием для сопоставления лексем, обозначающих направленное движение в бурятском и китайском языках, является наличие в них «типологически эквивалентных прямых значений». Нами были проанализированы семантические структуры глаголов начиная с основного значения. В процессе обобщения дифференциальных фрагментов значений глаголов бур. *ошохо* – кит. *去* [qu], бур. *ерэхэ* – кит. *来* [lai], бур. *гараха* – кит. *出* [chu], бур. *орохо* – кит. *进* [jin] и группирования их по близости содержания было выделено некоторое число отвлеченных признаков, которые являются интегральными и дифференциальными семами рассматриваемых глаголов.

С точки зрения тождества в семном составе все названные лексические единицы совпадают в передаче основного значения направленного передвижения относительно определенного фона, т.е. интегральные семы – это семы «движение» и «направление». В результате анализа было установлено, что все рассмотренные совпадающие глагольные единицы лексико-семантической группы глаголов направления движения бурятского и китайского языков, за исключением китайского глагола *出* [chu] – движение *изнутри фона*, совпадают в переносных значениях, связанных с передачей значения «движения времени». Бурятский глагол *орохо* – движение *внутри*

фона совпадает со значением китайского глагола 进 [jin] в передаче переносного значения «поступление денежных средств».

Анализ показал, что в переносных значениях сема физического движения в пространстве трансформируется в значение абстрактного передвижения в сознании индивидуума, таким образом, глаголы передают переносное значение движения, в котором сохраняется сема направленности действия.

Путем сопоставительного анализа значений бурятских и китайских глаголов направления движения, совпадающих в основных значениях, было выявлено, что сопоставляемые лексические единицы не являются полными эквивалентами. Объемы лексического значения сопоставляемых единиц не совпадают.

- Китайские глаголы 来 [lai] – движение к фону и 去 [qu] – движение от фона обладают более широкой семантикой, чем бур. *ерэхэ* и бур. *орохо*, вследствие чего их значения в бурятском языке выражаются не глаголами направления движения, а глаголами других семантических сфер, соответствующих в своих прямых значениях переносным значениям китайских глаголов направления движения.

- Объем семантической структуры бурятского глагола направления движения *гараха* – движение изнутри фона больше, чем у китайского глагола 出 [chu], который не реализует обозначение «движение времени» и значение «превосходства», данные значения в китайском языке выражаются лексемами, не входящими в группу глаголов направления движения.

- Глаголы направления движения бур. *орохо* – движение внутрь фона и кит. 进 [jin] – движение внутрь фона обладают одинаково развитой полисемией, но многочисленные переносные значения глаголов различаются в силу определенных причин, связанных, как правило, с различием культур. Было установлено, что бурятская лексема *орохо* передает общую идею направленного передвижения как в основном, так и в переносных значениях:

«идти», «ехать» *куда-либо*, «входить в состав» *чего-либо* и пр. Переносные значения китайского глагола 进 [jin] в основном связаны с чиновничьей деятельностью «ходить на аудиенцию», «идти на службу», «подавать заявление» и т.п., что характеризуется важностью государственной службы для древнего Китая. Дифференциальные значения рассматриваемых лексических единиц бурятского и китайского языков реализуются лексемами, не входящими в группу глаголов направления движения в сопоставляемом языке.

Таким образом, можно говорить о том, что объем полисемии рассмотренных глаголов направления движения бурятского и китайского языков, соотносительных в основных значениях, не равнозначен. Это связано как с различием в объеме выражаемых понятий основными значениями сопоставляемых лексем, так и специфическими особенностями ассоциативных связей между главными и производными значениями глаголов рассматриваемых языков.

Сопоставительный анализ прямых и переносных значений рассматриваемых лексических единиц также позволил увидеть, что комбинаторные возможности китайской лексической единицы семантически ограничены определенным кругом слов, объединенных в одно лексико-семантическое поле, архилексема которого может быть отражена в детерминативе иероглифического знака. Ярким примером стали ситуации, где значения бурятского глагола *орохо* на китайский язык передаются определенным глаголом исходя из семантики фигуры: река, вода – 流 [liu] течь; свет – 透 [tou] проникать, просвечивать и т.д. Таким образом, можно констатировать, что употребление китайских глаголов зависимо от фигуры, что объясняется природой иероглифического знака.

2.2. Семантика специфических китайских глаголов направления движения и способы выражения их значений в бурятском языке

Как говорилось выше, в группу для нашего сопоставительного исследования было отобрано десять китайских глаголов, шесть из которых являются специфическими глаголами, т.е. их значения в бурятском языке выражаются глаголами движения иначе, чем в китайском: 回 [hui] – *возвращаться к фону*, 上 [shang] – *движение вверх от фона*, 下 [xia] – *движение вниз от фона*, 过 [guo] – *проходить (миновать) фон*, 起 [qi] – *подниматься, отрываясь от поверхности фона*, 开 [kai] – *двигаться в разные стороны от фона*.

Названные китайские глаголы в основном значении направленного движения, несомненно, имеют эквиваленты среди глаголов бурятского языка: кит. 回 [hui] бур. *тэхэрихэ* – перемещение обратно к фону, кит. 上 [shang] бур. *үгсэхэ* – перемещение вверх, кит. 下 [xia] бур. *бууха* – перемещение вниз, кит. 起 [qi] бур. *бодохо* – *подниматься, отрываясь от поверхности фона*, кит. 过 [guo] бур. *үнгэрхэ* – *проходить через, миновать фон*, кит. 开 [kai] бур. *халаха* – *расходиться в разные стороны от фона*.

На наш взгляд, семантика указанных бурятских эквивалентов специфических китайских глаголов уже, чем у бурятских глаголов направления движения, рассматриваемых нами (*ошохо, ерэхэ, орохо, гараха*). Названные глаголы обозначают конкретное движение: *тэхэрихэ* – *возвращаться*, *үгсэхэ* – *подниматься*, *бууха* – *спускаться*, *үнгэрхэ* – *проходить мимо*, *бодохо* – *подниматься (вставать)*, *тайлаха* – *открывать и не способны вступать в соединение с глаголами направления движения для образования составных глаголов*. Выделенные для нашего исследования в главе I четыре бурятских глагола направления движения образуют разветвленную полисемию в переносных значениях или абстрактную семантику; сочетаясь с глаголами движения и друг с другом, они образуют составные глаголы.

2.2.1. Семантика китайского глагола 回 [hui] и средства выражения его значений в бурятском языке

В группу глаголов направления движения в китайском языке входит глагол 回 [hui], основным значением которого является значение направленного перемещения обратно, назад к фону. Значения данного глагола в бурятском языке трактуются разными глагольными лексемами, в зависимости от ситуации, в которой актуализируется та или иная сема его значения.

I. Основные значения. В основном значении актуализируется сема передвижения в пространстве со следующими значениями.

1. Значение направленного перемещения в пространстве обратно к фону «возвращаться» в бурятском языке реализуется с помощью глаголов *тэхэрихэ* и *бусаха*:

1) *кит.* 一去不回 [yì qù bù huí]. Уйти и не вернуться [БКРС, т. 2, с. 667].

2) *кит.* 回国 [huí guó] [ZD, с. 64]. Вернуться на родину;

3) *бур.* *Тэхэрижэ ерэбэ.* Пришел обратно, вернулся сюда [БРС, т. 2, с. 281];

4) *бур.* *Нютагаа бусаха.* Возвращаться на родину [БРС, Т1, с. 157].

2. Выражение ситуации движения по кругу «вращаться», «циркулировать», «делать вращение», «кружиться», «вертеться» в бурятском языке передается глаголом *эрьехэ*:

кит. 水深则回 [shuǐ shēn zé huí]. [БКРС, т. 2, с. 667]. *бур.* *Гүнзэгы байгаа хаа, уһан эрьедэг.* Если вода глубокая, она кружится в водовороте.

II. Переносные значения. Рассматриваемый китайский глагол 回 [hui] полисемантичен и наряду с основным обладает и переносными значениями.

При образовании переносных значений происходит отвлечение от выражения направленного движения и функциональный перенос его на другие действия, которые соответствуют в бурятском языке прямым значениям различных глаголов.

1. Значение «сгибаться», «гнутья» в бурятском языке выражается различными лексемами, в зависимости от смысла, например, переносное значение «поклоняться», «молиться» выражается бурятским глаголом *мургэхэ*:

1) *кит.* 回于富 [*hui yu fu*]. Молиться богатству [БКРС, т. 2, с. 667];

2) *бур.* Баялигта *мургэхэ*. Молиться богатству.

2. Значение «изменять себе», «сворачивать с пути» передается различными способами в зависимости от ситуации.

1) *кит.* 厥德不回 [*jue de bu hui*] [*досл.* Человек, у которого неизменна добродетель] [БКРС, т. 2, с. 667]. Его добродетель остается непоколебимой;

2) *бур.* Хубилишагуй буянтай хэшэгтэй хүн. – Его добродетель остается непоколебимой.

3. Метафорическое значение «рябить в глазах» в бурятском языке передается также различными глаголами, в зависимости от ситуации:

1) *кит.* 耳骇目回 [*er hai tu hui*]. Оглушило и в глазах зарябило (букв. Уши оглохли, глаза закружились) [БКРС, т. 2, с. 667];

2) *бур.* Дулии ба *хохор болохо*. Оглушило и в глазах зарябило (букв. Стать глухим и слепым).

В примере переносное значение рассматриваемого китайского глагола в сочетании с существительным 目 [*tu*] *глаза* выражает ситуацию неспособности зрительно воспринять информацию.

III. Значения китайского глагола 回 [hui] в переходных значениях.

Китайский глагол направления движения 回 [hui] может реализовывать прямые и переносные значения в своей переходной форме.

1. Прямое значение передвижения по кругу в переходной форме «окружать» *что-либо*, «объезжать» *что-либо*, «обходить» *что-либо* в бурятском языке выражается глаголом *тойрохо*:

1) *кит.* 回安邑 [hui anyi]. Обойти [город] Аньи [БКРС, т. 2, с. 667];

2) *бур.* Аньи [хото] *тойрохо*. Обойти город Аньи.

2. Переносное значение «поворачивать» *что-либо* выражается побудительной формой глагола *эрьехэ – эрьюулхэ*:

1) *кит.* 回头 [hui tou]. Повернуть голову [БКРС, т. 2, с. 667];

2) *бур.* *Тархяа эрьюулэхэ толгойгоо*. Повернуть голову.

3. Переносное значение «послать в ответ» *что-либо*, «ответить» *что-либо* в бурятском языке трактуется глаголом *эльгээхэ*:

1) *кит.* 回他个信儿 [hui ta ge xiner]. Послать ему письмо в ответ [БКРС, т. 2, с. 667];

2) *бур.* *Харюу бэшиг эльгээхэ*. Послать ему письмо в ответ;

3) *бур.* *Мэдээсэл эльгээхэ*. Послать известие [БРС, т. 2, с. 661].

4. Переносное значение «стать лучше», «совершенствоваться» характер в бурятском языке реализуется с помощью глагола *хайжарха*:

1) *кит.* 回心转义 [hui xin zhuan yi] [ZD, с. 64]. Совершенствоваться [морально];

2) *бур.* *Зангынь хайжаржа байна*. Характер у него становится лучше [БРС, т. 2, с. 537].

5. Значение «взять обратно» *что-либо*, «отменить» *что-либо* может выражаться следующими бурятскими лексемами, в зависимости от ситуации: *бусааха* – возвращать, *болигоохо* – заставить прекратить *что-либо* делать:

1) *кит.* 主角儿, 回了戏了 [zhu jiaoer, huile xi le]. Ведущий артист заболел и пьеса была отменена [БКРС, т. 2, с. 667];

2) *бур.* Гол зүжэгшэнь үбдэжэ, зүжэг гарахаа болибо. Ведущий артист заболел и пьеса была отменена.

6. Переносное значение «передавать» *что-либо*, «докладывать» *что-либо* в бурятском языке передается с помощью глагола *дуулгаха*:

1) *кит.* 往里汇报 [wang li hui bao]. Передать начальнику [БКРС, т. 2, с. 667];

2) *бур.* Шухала *һониниие* *дуулгаха*. Передать важную новость [КРБС, с. 341].

7. Значение «повторно доделать» *какое-либо* дело выражается с помощью глаголов нужного смысла со словом *дахин*, которое имеет значение «снова».

1) *кит.* 回炉 [hui lu]. [досл. Снова класть в печку] Вернуть в печь для переплавки [БКРС, т. 2, с. 667];

2) *бур.* Пезшэн руу *дахин оруулха*. Вернуть в печь для переплавки;

3) *кит.* 回锅 [hui guo]. [досл. Снова варить пищу] Доваривать (разогреть) пищу [БКРС, т. 2, с. 667];

4) *бур.* Эдээ хоол *дахин болгоохо*. Доваривать (разогреть) пищу.

Анализ способов реализации в бурятском языке прямого и переносных значений китайского глагола направления движения 回 [hui] – движение *обратно к фону* показал, что основное значение данного глагола тождественно бурятскому глаголу *тэхэрихэ*. Переносные значения в бурятском языке выражаются различными глаголами движения, в зависимости от актуализации той или иной семы, составляющей значение китайского глагола. Как можно видеть из анализа ситуаций, где раскрываются значения китайского глагола 回 [hui], наиболее близкие черты

в семном составе обнаруживаются с бурятским глаголом *эръехэ*, который как в прямом, так и в некоторых переносных значениях реализует отдельные значения китайского глагола в бурятском языке.

2.2.2. Семантика китайского глагола направления движения 上 [*shang*] и средства выражения его значений в бурятском языке

Значения специфического китайского глагола направления движения 上 [*shang*] в бурятский язык выражаются разными лексическими единицами, в зависимости от ситуации. Рассмотрим ситуации реализации прямых и переносных значений китайского глагола в бурятском языке.

I. Основные значения. В своем основном значении китайский глагол передает направленное движение вверх к фону.

1. Значение «подниматься» в бурятском языке выражается глаголом *үгсэхэ*:

1) *кит.* 云^二上 [*yun shang*]. Тучи поднимаются [в небо] [БКРС, т. 2, с. 52];

2) *бур.* *Үгсэн дабхиха.* Скакать в гору [БРС, с. 321].

2. Значение «грузиться», «садиться» в какой-либо транспорт трактуется с помощью глагола *һууха*:

1) *кит.* 上^二车 [*shang che*]. Садиться в машину [БКРС, т. 2, с. 52];

2) *бур.* *Машинада һууха.* Садиться в машину.

3. Значение «отправляться» куда-либо; «трогаться», «пускаться» в путь в бурятском языке передается глаголом *гараха*:

1) *кит.* 上^二路 [*shang lu*]. Пускаться в путь [БКРС, Т2, с. 52].

2) *бур.* *Харгыда гараха.* Пускаться в дорогу.

II. Переносные значения. Переносное значение китайского глагола 上 [*shang*] не несет реального направленного передвижения фигуры в

пространстве, данное значение переносится в абстрактную сферу и актуализируется сема со значением отвлеченного в нашем сознании движения.

1. Переносное значение появления «выходить»; «появляться», «показываться» *на, в*; «настигать»; «поступать» *на, в*, «попадать», «помещаться» *напр. в список, реестр* в бурятском языке выражается с помощью глагола *орохо* или сочетания *биу болохо*:

1) *кит. 上市 [shang shi]* [БКРС, Т2, с. 52]. Выходить [поступать] на рынок.

2) *бур. Дэлгүүртэ биу болохо*. Выходить [поступать] на рынок;

3) *кит. 上报 [shang bao]*. Попасть в газеты, быть помещённым в прессе (*досл. Попасть в новости*) [БКРС, Т2, с. 52];

4) *бур. Гониндо орохо*. Попасть в газеты, быть помещённым в прессе.

2. Значение «подходить» *к*, «быть как раз» *по* выражается глаголом *таараха*.

1) *кит. 上身儿 [shang shener]*. Быть по фигуре, хорошо сидеть (об одежде) [БКРС, т. 2, с. 52];

2) *бур. Бээдэ хайнаар таараха* (букв. хорошо подходить к телу, быть по фигуре).

3. Значение «быть лучшим (сильнейшим)», «занимать высшее место» в бурятском языке реализуется с помощью глагольной конструкции, состоящей из лексемы *эгээл* – *самый* перед основным прилагательным и глаголом состояния, бытия *байха* – *быть*:

1) *кит. 上德 [shang de]*. Не знать себе равного в добродетели (букв. быть лучшим в добродетели) [БКРС, т. 2, с. 52];

2) *бур. Буянаараа эгээл хайн байха*. Быть лучшим в добродетельных делах.

III. Значения китайского глагола 上 [shang] при употреблении в переходных значениях. В своей переходной форме рассматриваемый китайский глагол также реализует свои прямые и переносные значения, которые в бурятском языке трактуются различными переходными глаголами.

1. Значение «поднимать», «водружать»; «вывешивать», «ставить» передается глаголом ургэхэ:

1) *кит.* 升旗 [shang jing]. Водрузить (поднять) флаг [БКРС, т. 2, с. 52];

2) *бур.* Туг ургэхэ. Поднять флаг.

2. Значение глагола «накладывать», «наносить» (*напр. краску*); «грузить» *товар*; «заправлять» *горючее* в бурятском языке передается различными глаголами, соответственно ситуациям:

1) *кит.* 上药 [shang yao]. Накладывать лекарство (*досл. Наложить (налить) лекарство и подать*) [БКРС, т. 2, с. 52];

2) *бур.* Эм хэжэ угэхэ. Дать лекарство;

3) *кит.* 上滑子 [shang huazi]. Покрывать эмалью (*досл. Красить краской*) [БКРС, т. 2, с. 52];

4) *бур.* Будагаар будаха. Красить краской (покрывать эмалью).

3. Значение «пускать в дело»; «запускать», «заводить» *машину*; «налаживать», «вводить в действие» выражается в бурятском языке различными глаголами, в зависимости от ситуации

1) *кит.* 上机械 [shang jixie]. Пускать механизм в ход [БКРС, т. 2, с. 52];

2) *бур.* Механизм хүдэлгэхэ. Пускать механизм в ход (*досл. Дигать механизм*);

3) *кит.* 上灯 [shang deng]. Зажигать лампу [БКРС, т. 2, с. 53];

4) *бур.* Дэн аһааха. Зажигать лампу (*досл. Зажигать свечу, лампу*).

4. Значение китайского глагола «добавлять», «накидывать», «подбрасывать» в бурятском языке передается глаголами *нэмэхэ* и *оруулха*:

1) *кит.* 上新书 [*shang xin shu*]. Вводить новый материал (на уроке) [БКРС, т. 2, с. 53];

2) *бур.* *Шэнэ материал оруулха.* Вводить новый материал (на уроке) (*досл.* Вводить новый материал).

5. Значение «подносить», «преподносить» *что-либо* *высшему*; «подавать» *прошение, рапорт*; «вносить» *налоги* в бурятском языке реализуется с помощью глаголов *оруулха, үгэхэ* и *түлэхэ*.

1) *кит.* 上呈 [*shang cheng*]. Подавать рапорт (прошение) [БКРС, т. 2, с. 53];

2) *бур.* *Рапорт үгэхэ.* Подавать рапорт [БРС, т. 2, с. 116];

3) *кит.* 上地丁 [*shang diding*]. Платить земельно-подушную подать [БКРС, Т2, 53].

4) *бур.* *Газар-хүнэй түлбэр түлэхэ.* Платить налог.

6. Значение глагола 上 [*shang*] «надевать», «навинчивать» *что-либо*, «оборудовать», «снабжать» *чем-либо* выражается глаголом *үмдэхэ*:

1) *кит.* 上领子 [*shang lingzi*]. Надеть воротничок [БКРС, т. 2, с. 53];

2) *бур.* *Заха үмдэхэ.* Надеть воротничок.

7. Значение «превосходить» *кого-либо*, «подавлять собой» *кого-либо*, «показывать своё превосходство» *над кем-либо* в бурятском языке трактуется глаголом *дараха* – *давить, подавлять*:

1) *кит.* *君子不欲多上人* [*junzi bu yu duo shang ren*]. Совершенный человек не любит часто показывать свое превосходство над другими [БКРС, т. 2, с. 53];

2) *бур.* *Эрдэмтэй хүн бусадые дараха ханаа түрэхэгүй.* *досл.* Образованный человек не будет подавлять других.

8. Значение китайского глагола «возвышать» *кого-либо*; «выделять», «превозносить» *кого-либо* в бурятском языке выражается глаголом *тэмдэглэхэ*:

1) *kit.* 上首功 [*shang shougong*]. Выдвигать наиболее отличившихся [БКРС, т. 2, с. 53];

2) *бур.* *Эгээл шалгархадые тэмдэглэхэ.* Отметить наиболее отличившихся.

9. Значение «допускать», «впускать» *напр. в дом*; «вводить» в бурятском языке выражается глаголом *оруулха*:

1) *kit.* 戏院刚上了人儿了 [*xiyuan gang shangle rener le*]. В театр только что впустили зрителей (в зал) [БКРС, т. 2, с. 53];

2) *бур.* *Театр руу харагшадые хаял оруулба.* В театр только что впустили зрителей.

Языковой материал китайского и бурятского языков позволяет сделать вывод о том, что в бурятском языке семы значения китайского глагола направления движения 上 [*shang*] актуализируются разными глаголами, в том числе и глаголом направления движения *орохо* (значения «появляться», «показываться»). Необходимо обратить внимание на то, что указанное значение бурятского глагола направления движения *орохо* – *движение внутрь* не было обнаружено в материалах словарей, которые использовались в нашем исследовании. Таким образом, путем экспериментального метода обнаружилось еще одно переносное значение бурятского глагола направления движения *орохо*.

2.2.3. Семантика китайского глагола направления движения 下 [*xia*] и средства выражения его значений в бурятском языке

Китайский глагол направления движения 下 [*xia*] передает значение направленного движения вниз к фону. В бурятском языке данное значение выражается разными лексемами.

I. Основное значение. В основном значении рассматриваемый глагол обозначает направленное движения вниз к фону – спускаться. В бурятском языке данное значение актуализируется двумя глаголами: *бууха* и *доошолхо*. Глагол *бууха* выражает ситуацию движения вниз «спускаясь» с *чего-либо*: *лестницы, с коня и пр.* Глагол *доошолхо* передает значение движения, направленного вниз, «спускаться» *откуда-либо*: *сверху, с верхних позиций и пр.:*

1) *кит. 下楼梯 [xia lou ti]. Спуститься вниз по лестнице [БКРС, т. 2, с. 719];*

2) *бур. Гэшхүүрээр бууха. Спуститься вниз по лестнице;*

3) *кит. 下飞机 [xia feiji]. Сойти с самолёта [БКРС, т. 2, с. 719];*

4) *бур. Самолёдһоо бууха. Сойти с самолёта;*

5) *бур. Самолет доошолжо эхилбэ. Самолет начал спускаться [БРС, т. 1, с. 292];*

6) *кит. 飞机下, 等候多时的沈元康副局长拉住征尘未洗的机组人员的手说... [feiji xia, deng hou duo shi de shenyuan kangfu juzhang lazhu zheng chen wei xi de jizurenyuan de shou shuo...][ККЯ]. Самолет сел [спустился], начальник управления Канфу Шеньюань, ожидавший долгое время, потянул за немывтую, в пыли, руку рабочего и сказал...*

II. Переносные значения. В переносных значениях китайский глагол 下 [*xia*] обозначает абстрактное движение, но сема «направленность вниз» актуализируется во всех переносных значениях. В бурятском языке данные значения выражаются разными лексическими средствами, в зависимости от ситуации.

1. Значения «нисходить»; «идти», «опускаться», «падать» об осадках выражается глаголами *орохо* и *бууха*:

1) *кит.* 雪不下了 [*xue bu xia le*]. Снег перестал (букв. не стал идти) [БКРС, т. 2, с. 719];

2) *бур.* Саһан орохоо болибо. Снег перестал;

3) *кит.* 下了两天雨 [*xiale liang tian yu*]. Два дня шёл дождь [БКРС, т. 2, с. 719];

4) *бур.* Бороо хоёр үдэр оробо. Два дня шёл дождь;

5) *бур.* Манан бууна. Спускается туман [БРС, т. 1, с. 159].

2. Значение китайского глагола, передающего направленное движение, ориентированное в пространстве, «ехать», «направляться» на юг в бурятском языке выражается глаголом *урагшалха* или сочетанием *урагша ябаха*. Как известно, разница пространственной ориентации в окружающем мире носителей разных культур выражается и в языке, соответственно различные представления о географических понятиях выражаются в соответствующих языковых реалиях китайского и бурятского языков. Для китайской культуры характерно почитание юга, «что было связано с древнейшими солярными верованиями и календарными реалиями» [Кравцова, 2009, с. 108]. Пространство ориентировано относительно центра, и юг, как правило, находится внизу, соответственно, отправляться на юг в китайском языке передает значение «спускаться на юг». Для бурятского этноса южное направление также является одним из почитаемых, как отмечает Е.А. Бардамова, «стороны света расположены по горизонтали относительно гипотетического центра, в качестве которого выступает сам человек... Согласно данной пространственной упорядоченности, субъект ориентирован в мире лицом к югу... » [Бардамова, 2011, с. 17] и в бурятском языке «отправляться на юг» имеет синонимичное значение «отправляться вперед»:

1) *кит.* 南下 [*nan xia*]. Отправляться на юг [БКРС, т. 2, с. 719];

2) бур. Урагшаа ябаха. / Урагшалха. Отправляться на юг / ехать вперед.

Данные ситуации направленного движения ярко демонстрируют разницу пространственных картин мира, свойственных носителям бурятского и китайского языков. Обе предложенные ситуации отражают движение, ориентированное на юг, но способы объективации данного значения различны. Исходя из представлений о пространственной ориентации в окружающем мире носителей китайского языка и культуры можно утверждать, что их представления отражают географическую ориентированность относительно центра, поэтому в представлении китайцев юг находится внизу, и соответственно двигаться на юг дословно – спускаться на юг.

В бурятском языке для передачи данной ситуации движения используется глагол *ябаха* со значением «идти», «ехать». Интересно отметить тот факт, что ситуация направленного движения на юг в бурятском языке синонимична в отражении направленного вперед движения, что объясняется пространственными представлениями носителей бурятского языка и культуры. Как было указано выше, для бурят юг является почитаемой стороной света и все в мире, по представлению бурят, ориентировано на юг, в том числе и сам человек, соответственно юг находится впереди.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в бурятском языке представления о пространственной ориентации в окружающем мире по сторонам света антропоцентричны, в отличие от китайского языка, где географическая трактовка сторон света в той же трактовке отражена в языковой картине мира.

3. Значение китайского глагола «посетить» *что-либо*, «направиться» *куда-либо* в бурятском языке трактуется разными глаголами, в зависимости от ситуации:

1) *кит.* 作家下厂 [zuojiā xià chāng]. Писатель посетил завод [БКРС, т. 2, с. 719];

2) *бур.* Уран зохёолиш үйлдэбэридэ айшалба. Писатель посетил завод;

3) *кит.* 许多作家下乡体验生活 ... [xǔ duō zuojiā xià xiāng tiyān shēnghuó...]/[ККЯ]. Многие писатели отправляются в деревню, чтобы прочувствовать жизнь...

4) *бур.* Олон уран зохёолишод амидарал гээшье бэээр үзэхын түлөө хүдөө ошоно. Многие писатели отправляются в деревню, чтобы прочувствовать жизнь...

4. Значение «уходить»; «покидать», например, место работы в бурятском языке выражается с помощью различных глаголов, в зависимости от реализуемой ситуации:

1) *кит.* 下了课了 [xià le kè le]. Уроки кончились (ученики распущены) [БКРС, т. 2, с. 719];

2) *бур.* Хэшээл дууһажа хурагшад табигдаба. Уроки кончились;

3) *кит.* 他昨天下了活 [tā zuó tiān xià le huó]. Он вчера уволился с работы [БКРС т. 2, с. 719];

4) *бур.* Тэрэ үсэгэлдэр ажалһаа гараба. Он вчера уволился с работы;

5. Переносное значение «снимать» плоды в бурятском языке выражается глаголом абтаха:

1) *кит.* 新下树的果子 [xīn xià shù de guǒzi]. Свежеснятые с дерева плоды [БКРС, т. 2, с. 719];

2) *бур.* Һая модонһоо абтаһан алимжэмэс. Свежеснятые с дерева плоды.

6. Значение «быть хуже (ниже)»; «подчиняться», «уступать» выражается глагольными конструкциями:

1) *кит.* 不下于此 [bù xià yú cǐ]. Быть не хуже этого [БКРС, т. 2, с. 719];

2) бур. Энээнһээ дүтүүгүй байха. Быть не хуже этого;

3) кит. 下一等 [*xia yi deng*]. Быть рангом ниже (досл. Быть ниже на одну ступень) [БКРС, т. 2, с. 719];

4) бур. Нэгэ шатаар доошо байха. Быть рангом ниже.

7. Значение «капитулировать», «сдаваться» в бурятском языке выражается с помощью глагола *буужа үгэхэ*:

1) кит. 原人闻之乃下 [*yua nren wen zhi ren xia*]. Когда защитники города Юань услышали об этом, они капитулировали [БКРС, т. 2, с. 719];

2) бур. Юань хотын зон энээн тухай дуулаад буужа үгөө. Когда защитники города Юань услышали об этом, они капитулировали.

III. Переходные значения. Китайский глагол 下 [*xia*] при реализации переходных значений не утрачивает сему направленности вниз. Данная сема присутствует во всех переходных значениях данного китайского глагола.

1. Значение «опускать», «спускать» *что-либо* реализуется в бурятском языке с помощью глагола *буулгаха* в сочетании с послелогом *доошоо*, со значением «вниз».

1) кит. 把窗户下下来 [*ba chuanghu xiaxiai*]. Опустить (закрыть) окно [БКРС, т. 2, с. 719];

2) бур. Сонхоо доошонь буулгаха. Опустить (закрыть) окно.

2. Значение «бросать» *что-либо*, «забрасывать» *что-либо*, «ронять» *что-либо* выражается глаголами *хаяха* и *шэдэхэ*, в зависимости от передаваемой ситуации:

1) кит. 下了种子 [*xiale zhongzi*]. Бросить (заронить) семена [БКРС, т. 2, с. 719];

2) бур. Үрэнэ хаяха. Бросить (заронить) семена;

3) кит. 下网 [*xia wang*]. Забросить сети [БКРС, т. 2, с. 719];

4) бур. Гүльмэ шэдэхэ. Забросить сети.

3. Значение «приносить приплод» *детёнышей (о животных)*, «нести» *яйца*, «метать» *икру* в бурятском языке выражается глаголом *түрэхэ*:

1) *кит. 母猪下了小猪 [muzhu xiale xiaozhu]*. Свиноматка принесла поросят [БКРС, т. 2, с. 719];

2) *бур. Гахай торой түрөө*. Свиноматка принесла поросят.

4. Значение китайского глагола «выпускать» *что-либо*, «издавать» *что-либо*; «рассылать» *что-либо* трактуется с помощью глаголов *гаргаха* и *тарааха*:

1) *кит. 下了命令 [xiale mingling]*. Издать приказ [БКРС, т. 2, с. 719];

2) *бур. Ясаг гаргаха*. Издать приказ;

3) *кит. 下通知 [xia tongzhi]*. Разослать уведомление [БКРС, т. 2, с. 719];

4) *бур. Мэдүүлэл тарааха*. Разослать уведомление.

5. Значение «выносить» *заключение*, «подводить» *итог* выражается глаголами *хэхэ* и *гараха*:

1) *кит. 下结论 [xia jielun]*. Вывести заключение (итог) [БКРС, т. 2, с. 719];

2) *бур. Дүгнэлтэ хэхэ (дүгнэлтэ гаргаха)*. Вывести заключение;

3) *кит. 下定义 [xia dingyi]*. Дать определение [БКРС, т. 2, с. 719];

4) *бур. Тодорхойлхо*. Дать определение.

6. Значение «выгружать» *что-либо*, «снимать» *что-либо*; «убирать» *что-либо* может реализовываться разными бурятскими глаголами, в зависимости от ситуации: *буулгаха*, *тайлаха*, *хуряаха*:

1) *кит. 下货 [xia huo]*. Сгружать товар [БКРС, т. 2, с. 719];

2) *бур. Бараа буулгаха*. Сгружать товар;

3) *кит. 把螺丝下了 [ba luosi xiale]*. Отвинтить (снять) винт [БКРС, т. 2, с. 719];

4) бур. Мушхажа тайлаха. Отвинтить винт;

5) кит. 把他的枪下了 [*ba tade qiang xiale*]. Разоружить его (досл.

Опустить его оружие) [БКРС, т. 2, с.719];

6) бур. Зэбсэгыень хуряаха. Разоружить его (досл. Собрать оружие).

7. Значение «применять» что-либо, «употреблять» что-либо; «прилагать» что-либо выражается в бурятском языке глаголом *гаргаха*:

1) кит. 下工夫就会了 [*xia gongfu jiu hui le*]. Научишься, когда поработаешь (букв. приложишь мастерство) [БКРС, т. 2, с. 719];

2) бур. Хэшээл шармайлта гаргабал, дороо *хурахаи*. Научишься, когда поработаешь;

3) кит. 下毒手 [*xia du shou*]. Применить губительный маневр (коварное средство) [БКРС, т. 2, с. 719];

4) бур. Мэхэ гаргаха. Применить губительный маневр.

8. Значение «закусывать» что-либо, «заедать» вино; «сдабривать» что-либо, «приправлять» *рис* выражается глаголами *хэхэ* (для еды) и *дараха* (для питья):

1) кит. 口味道重的菜下淡饭 [*kouweidao zhong de cai xia dan fan*].

Острыми приправами сдабривать пресносваренный рис [БКРС, т. 2, с. 719];

2) бур. Халуун *ногоо дабһагуй сагаан будаа руу хэхэ*. Острыми приправами заедать пресный рис;

3) кит. 拿花生米下酒 [*na huashengmi xia jiu*]. Закусывать вино лущёным арахисом [БКРС, т. 2, с. 719];

4) бур. Хальһагуй *намараар архи дараха*. Закусывать водку лущёным арахисом.

9. Значение китайского глагола «брать» *город*; «покорять» что-либо, «подчинять» на бурятский язык передается глаголом *эзэлхэ*:

1) *кит.* 连下数城 [*lian xia shu cheng*]. Подряд взять несколько городов [БКРС, т. 2, с. 719];

2) *бур.* Хэды хото хойно хойноһоонь эзэлхэ. Подряд взять несколько городов.

Анализ выражения основных и переносных значений китайского глагола направления движения 下 [*xia*] в бурятском языке позволяет сделать следующие выводы. Основное значение китайского глагола «движение вниз к фону» в бурятском языке выражается с помощью глагола движения *бууха* – *спускаться*. Особое внимания заслуживает объективация значения «движение на юг» в рассматриваемых языках. В силу пространственных представлений древних китайцев данное значение представлено как значение «спускаться на юг», так как юг традиционно находился внизу относительно центра. В бурятском языке значение «движение на юг» синонимично значению «движение вперед» и трактуется с помощью глагола движения *ябаха* – *идти (ехать)*, что объясняется представлениями бурят о юге как сакральной стороне света, куда всегда обращались лицом, поэтому юг всегда находился впереди.

Рассмотренные примеры актуализации той или иной семы значения китайского глагола 下 [*xia*] демонстрируют то, что прямые, переносные, а также значения переходной формы китайского глагола на бурятский язык передаются различными глагольными лексемами, не входящими в рассматриваемую нами группу глаголов направления движения, за исключением некоторых ситуаций, передающих переносное значение направленного движения вниз об осадках и переносного значения «покинуть» *работу (уволиться)*, передаваемые на бурятский язык глаголами направления движения *орохо* – *движение внутрь фона* и *гараха* – *движение изнутри фона*.

2.2.4. Семантика китайского глагола 起 [qi] и средства выражения его значений в бурятском языке

Китайский глагол направления движения 起 [qi] обозначает ситуацию направленного движения кверху путем отрыва от какой-либо поверхности относительно фона. В зависимости от актуализации той или иной семы значения данного китайского глагола в предложении используются разные бурятские глаголы для передачи смысла.

I. Основные значения. В своих основных значениях глагол 起 [qi] реализует значения движения кверху путем отрыва от поверхности.

1. Значение движения, направленного кверху, посредством отрывания от какой-либо поверхности: «подниматься», «вставать на ноги», «выпрямляться», «подниматься от сна», «вставать с постели». В бурятском языке указанные значения выражаются глаголом *бодохо*:

1) *кит.* 烛至起, 食至起, 上客起 [zhu zhi qi, shi zhi qi, shang ke qi].

Вставать следует, когда вносят свечи, когда подают еду, когда входит гость [БКРС, т. 3, с. 931];

2) *бур.* Столой саанаһаа *бодохо*. Вставать из-за стола;

3) *кит.* 早睡早起 [zao shui zao qi]. Рано ложиться, рано вставать [БКРС, т. 3, 931];

4) *бур.* Эртэ *бодожо* *һураха*. Привыкать рано вставать;

5) *кит.* 鸡鸣而起 [jiming er qi]. Вставать с петухами [БКРС, т. 3, с. 931].

2. Значение китайского глагола 起 [qi] «подниматься», «взмывать», «взлетать» выражается глаголом *ниидэхэ*:

1) *кит.* 飞机起飞 [feiji qifei]. Самолёт взлетел (поднялся в полёт) [БКРС, т. 3, 931];

2) *кит.* 鹊起登吴山 [*que qi deng wu shan*]. Сорока, взлетев, поднялась на гору Ушань [БКРС, т. 3, с. 931];

3) *бур.* Шаазгай ниидэн Ушань хада өөдэ гараба. Сорока, взлетев, поднялась на гору Ушань;

4) *бур.* Тэрэ шубуухайнишь дээшээ ниидэн арлиба. Его птичка взлетела вверх и унеслась [прочь].

II. Переносные значения. В переносных значениях семы направления и движения, составляющие значение китайского глагола, не утрачиваются, но сема передвижения в пространстве трансформируется в значение абстрактного передвижения в сознании индивидуума. Таким образом, глагол передает переносное значение движения, но направленность действий сохраняется.

1. Переносные значения китайского глагола «вставать после болезни», «поправляться» в бурятском языке передаются глаголом *бодохо*.

1) *кит.* ... 今儿有点不舒服, 今儿你没起来, 连主任带什么都过来了... [*...jiner you dian bu shufu, jiner ni mei qilai, lian zhu ren dai shen me dou guolaile...*] [ККЯ]. ...сегодня плохое самочувствие, ты не вставал и даже управляющий пришел и принес все необходимое...;

2) *生病了, 还没起* [*shengbingle, hai mei qi*]. Заболеть и ещё не вставать с постели [БКРС, т. 3, с. 931];

3) *бур.* Тамир хубүүнишь үбшэнөө дишлэжэ хүл дээрээ бодобо. Его сын Тамир, одолев болезнь, встал на ноги.

2. Значение «подниматься», «выситься», «вздвигаться»; «всходить» о *тесте, пыли*; «становиться дыбом, торчмя» в бурятском языке реализуется с помощью глаголов *бодохо* и *үндыхэ*:

1) *кит.* 望其尘起 [*wang qi chen qi*]. Смотреть, как вздвигается от них [воинов] пыль [БКРС, т. 3, с. 931];

2) *бур.* Тооһоной бодоходонь хараха. Смотреть, как вздвигается пыль;

3) *кит.* 麪起了. [mian qi le]. Тесто поднялось (взошло) [БКРС, т. 3, 931];

4) *бур.* Талхан бодобо. Тесто поднялось;

5) *кит.* 孤峰秀起. [gu feng xiu qi]. Одинокий пик красиво высится [БКРС, т. 3, с. 931];

6) *бур.* Хадын ори ганса орой гоёор ундыжэ байна. Одинокий пик красиво высится.

3. Значения «сниматься» с места, «пускаться» в путь, в ход; «сдвигаться», «отходить» от прежнего места, «отодвигаться» в бурятском языке актуализируются глаголами холо болохо, нүүхэ и гүйхэ, в зависимости от ситуации движения. Например:

1) *кит.* 你起开一点儿! [ni qikai yi dian er]! Подвиньтесь-ка немного [БКРС, т. 3, с. 931];

2) *бур.* Нэгэ жаа холо болым! Подвинься-ка немного;

3) *кит.* 兔起兕举 [tu qi fuju]. Зайцы пустились бежать и птички-учирики взлетели [БКРС, т. 3, с. 931];

4) *бур.* Шандаганууд нэгэ доро гүйдэжэ арилба, шубуудшые ниидэлдэшэбэ. Зайцы пустились бежать и птицы взлетели.

4. Значение «подниматься», «выступать» на арене, на сцене выражается глаголом направления движения гараха:

1) *кит.* 初起时, 年二十四 [chu qi shi, nian ershisi]. Когда он впервые выступил, ему было 24 года [БКРС, т. 3, с. 931];

2) *бур.* Нэн түрүүшынхэе тайзан дээрэ гарахадаа, 24 наһатай байһан юм. Когда он впервые выступил, ему было 24 года.

5. Значение «подниматься», «начинаться», «возникать», «зарождаться» в бурятском языке реализуется с помощью таких глаголов, как бодохо, эхилхэ, болохо:

- 1) *кит.* 暴风起了 [baofeng qile]. Буря поднялась [БКРС, т. 3, с. 931];
- 2) *бур.* Галхи шуурган бодобо. Буря поднялась;
- 3) *кит.* 房子起了火了 [fangzi qile huo le]. В доме случился (произошёл) пожар [БКРС, т. 3, с. 931];
- 4) *бур.* Гэртэнь гал түймэр эхилбэ. В доме начался пожар;
- 5) *кит.* 起了革命 [qile geming]. Произошла революция [БКРС, т. 3, с. 931];
- 6) *бур.* Хубисхал болобо. Произошла революция.

6. Значение «внезапно появляться», «вдруг обнаруживаться»; «проступить», «выскакивать» выражается глаголом направления движения *гараха*:

- 1) *кит.* 他身上爱起痱子 [ta shenshang ai qi feizi]. У него на теле всегда появляется сыпь [БКРС, т. 3, с. 931];
- 2) *бур.* Бэе дээрэнь ходо батха гарадаг. У него на теле часто появляется сыпь.

7. В современном китайском языке глагол 起 [qi] в значении «происходить» из, «выдвигаться» из среды употребляется редко, в бурятском языке указанное значение выражается глаголом направления движения *гараха*:

- 1) *кит.* 萧何曹参皆起秦刀笔吏 [Xiao He Cao Can jie qi Qin daobishi]. Как Сяо Хэ, так и Цао Цань происходили из среды канцелярских служащих Циньской империи [БКРС, т. 3, с. 931];
- 2) *бур.* Ажалша зонһоо гарбалтай байха. Происходить из среды рабочих.

Помимо рассмотренных примеров, где объективируются значения китайского глагола направления движения 起 [qi], в словарях отмечается еще

одно значение – «начинать» *что-либо*, «приниматься» *за что-либо*. Как показывают наши наблюдения, актуализация начинательного значения происходит только в ситуациях, когда рассматриваемый глагол присоединяется к какому-либо полнозначному глаголу. Н.Н. Коротков в книге «Основные особенности морфологического строя китайского языка» подробно рассмотрел существующие до него точки зрения на грамматические формы китайских слов. Автор, основываясь на своих выводах, выделяет начинательный вид, образуемый с помощью морфемы 起来 [qilai], которая присоединяется к глаголу и несет значение начала какого-либо действия, например 说 [shuo] говорить + 起来 [qilai] = 说起来 [shuoqilai] начать говорить (заговорить). Китайский исследователь Чжан Чжицзюнь, выделяя четыре типа глагольного действия в китайском языке, относит помимо прочих показатели 起 [qi] и 起来 [qilai] к начинательному способу, обозначающему начало действия, в рамках временного способа глагольного действия. В.И. Горелов, разбирая пример 笑 [xiao] смеяться + 起来 [qilai] = 笑起来 [xiaoqilai] начать смеяться (рассмеяться), также пишет, что 起来 [qilai] «является показателем ихотативности (начинательности), т.е. категории способа глагольного действия» [Горелов, 1989, с. 23].

Таким образом, исследователи расходятся во мнении относительно формы 起(来) [qi(lai)]. Н.Н. Коротков, говоря о видовых показателях с начинательным значением, указывает только форму 起来 [qilai], В.И. Горелов также рассматривает только эту форму. Другая точка зрения принадлежит китайскому исследователю Чжан Чжицзюнь, который считает, что форма 起来 [qilai] и самостоятельная лексема 起 [qi] обладают

тождественными свойствами. Как можно увидеть, все исследователи сходятся в том, что присоединяясь к полнозначному глаголу, форма 起(来) [qi(lai)] изменяет грамматическую форму слова, очерчивая рамки ограниченности протекания действия, т.е. входит в поле аспектуальности китайского глагола. Например:

1) *кит.* 这里的老人们一说起他就赞不绝口 [zhe li de lao renmen yi shuoqi ta jiu zan bu juekou] [ККЯ]. Как только начали говорить здешние старики, он тут же начал сыпать похвалами;

2) *кит.* 听到这里, 所有的人都大笑起来 [tingdao zhe li, suo you de ren dou da xiaoqilai] [ККЯ]. Дослушав, все люди начали смеяться.

В бурятском языке для реализации рассмотренного значения «начинать какое-либо действие» используется глагол эхилхэ:

1) *бур.* Барилга эхилхэ. Начинать строительство.

2) *бур.* Того тогоолхоёо эхилхэ. Начинать готовить пищу.

Языковой материал позволил увидеть способы выражения прямых и переносных значений китайского глагола направления движения 起 [qi] в бурятском языке. Было выявлено, что семантически близким для китайского глагола 起 [qi] является бурятский глагол бодохо, который эквивалентен китайскому глаголу в своих прямых и переносных значениях: «подниматься», «вставать на ноги», «выпрямляться», «подниматься от сна», «вставать с постели», «вставать после болезни», «поправляться», «вздыхаться» о пыли. «всходить» о тесте, «начинаться», «возникать», «зарождаться».

Большая часть переносных значений китайского глагола трактуется в бурятском языке глаголом направления движения гараха: «появляться», «выступить» на арене, на сцене; «происходить» из; «выдвигаться» из среды. Указанные значения бурятского глагола направления движения, кроме

первого значения, были обнаружены только в процессе анализа способов передачи значений китайского глагола 起 [qi] на бурятский язык, в материале словарей обнаруженные значения не были указаны.

2.2.5. Семантика китайского глагола направления движения 过 [guo] и способы выражения его значений в бурятском языке

Китайский глагол 过 [guo] соответствует языковой ситуации движения, направленного через или минуя фон. В китайском языке рассматриваемый глагол обладает как прямыми, так и переносными значениями.

I. Основные значения. В своих основных значениях глагол 过 [guo] реализует значения, связанные с передвижением, направленным мимо или через (сквозь) фон.

1. Значение «проходить» *мимо*, «миновать» на бурятский язык передается глаголом *унгэрхэ*.

1) *кит.* 由门前过 [you men qian guo]. Пройти мимо ворот [БКРС, т. 4, с. 130];

2) *бур.* Хаашаа *унгэрхэ*. Пройти мимо ворот;

3) *кит.* 有荷蕢而过孔门者 [you he kui er guo kong menzhe]. Был некто, кто проходил мимо ворот дома Куна, неся на плечах корзину [для переноски земли] [БКРС, т. 4, с. 130];

4) *бур.* Мүр дээрээ туулмагтай нэгэ хүн Конфуцыин гэрэй хорой *унгэрбэ*. Был некто, кто проходил мимо ворот дома Конфуция, неся на плечах корзину.

2. Значение «переходить» *в*, «переправляться» *через что-либо*, «пересекать» *через что-либо* выражается глаголом направления движения *гараха*:

1) *кит.* 过了黄河 [guole huang he]. Переправиться через реку Хуанхэ [БКРС, т. 4, с. 130];

2) бур. Хуанхэ гараха. Переправиться через реку Хуанхэ;
3) кит. 过了马路 [guole ma lu]. Перейти дорогу, пересечь улицу [БКРС, т. 4, с. 130];

4) бур. Харгы гараха. Перейти дорогу, пересечь улицу.

5) кит. 这里没有过不去的山 [zhe li mei you guo bu qu de shan]. Здесь нет непроходимых гор [БКРС, т. 4, с. 130];

6) бур. Гарахагүй хада уула эндэ байхагүй. Здесь нет непроходимых гор.

II. Переносные значения. При передаче значений, не отражающих физическое движение, происходит наращивание смыслов и соответственно развитие семантики слова. Конфигурация бесконтактных пространственных отношений объектов послужила основой появления следующих переносных значений китайского глагола 过 [guo].

1. Значение «проходить», «миновать», «истекать» *о времени* на бурятский язык передается глаголом үнгэрхэ:

1) кит. 夏天过了 [xia tian guole]. Лето прошло [БКРС, т. 4, с. 130];

2) бур. Зун үнгэрбэ. Лето прошло;

3) кит. 日子过了 [rizi guole]. Протекли дни (минуло время) [БКРС, т. 4, с. 130];

4) бур. Үдэр үнгэрбэ. Прошел день.

2. Значение «переносить», «переживать», «чувствовать», «принимать к сердцу» трактуется в бурятском языке с помощью глагола зобохо:

1) кит. 我心里很难过 (不好过) [wo xin li hen nan guo (bu hao guo)]. Мне очень неловко, мне тяжело это переживать [БКРС, т. 4, с. 130];

2) бур. Намда ехэ аягүй байна, ханаагаа зобоноб. Мне очень неловко, мне тяжело это переживать;

3) *кит.* 别说, 我良心也是过不去 [*bie shuo, wo liang xin ye shi guo bu qu*].

Не говорите [так], моя совесть тоже меня мучает [БКРС, т. 4, с. 130].

3. Значение «выходить за рамки», «превышать нормы», «заходить слишком далеко» в бурятском языке выражается сочетанием наречия *үлүү* с глаголом.

1) *кит.* 过则为灾 [*guo ze wei zai*]. Переборщить — будет беда [БКРС, т. 4, с. 130];

2) *бур.* Үлүү юумэ хэхэдээ – муу ушар боложо магадгүй. Переборщить – будет беда.

4. Значение «ошибаться», «совершать ошибку» «делать промах»; «утрачивать правильность» *ритм, последовательность* выражается лексемой *алдаха*:

1) *кит.* 过则勿惮改 [*guo ze wu dan gai*]. Если ошибся – не бойся поправиться [БКРС, т. 4, с. 130];

2) *бур.* Алдаа хаа, заһахая бү ай. Если ошибся – не бойся поправиться.

5. Значение «справляться», «превозмогать», «одолевать», «быть на высоте» трактуется с помощью лексемы *шадаха* со значением «уметь»:

1) *кит.* 以为造父不过也 [*yiwei zaofu bu guo ye*]. Полагать, что Цзаофу не справится (не окажется на высоте) [БКРС, т. 4, с. 130];

2) *бур.* Цзаофу хэжэ шадахагүй гэжэ бодохо. Полагать, что Цзаофу не справится.

Как можно видеть из рассмотренных примеров объективации значений китайского глагола *过* [*guo*], прямые и переносные значения глагола сохраняют сему «миновать», «проходить». В прямых значениях семы глагола актуализируются в значениях направленного движения минуя фон (река, дорога и т.п.). В переносных значениях сема «миновать», «проходить» актуализируется в значениях движения времени (лето, время), а также в значениях переживать (чувство), превышать (рамки), преодолевать

(трудности) и ошибаться. Все это говорит о том, что китайский глагол отражает обобщенную ситуацию направленного движения, которое также не утрачивается и при передаче переносных значений. Эквивалентный китайскому глаголу 过 [guo] в основном значении направленного движения в пространстве бурятский глагол *унгэрхэ* также тождествен при передаче значения движения времени, остальные же семы в бурятском языке актуализируются с помощью других лексических средств. Каждой ситуации, выражающей переносное значение китайского глагола, соответствует бурятский глагол с конкретным значением: *зобохо* – переживать, *алдаха* – совершать ошибку, *шадаха* – уметь. Таким образом, анализ способов выражения значений китайского глагола направления движения 过 [guo] в бурятском языке показал, что данный глагол полисемичен и его значения в бурятском языке реализуются с помощью различных глаголов, в зависимости от актуализации той или иной семы, в том числе и глаголом направления движения *гараха* – движение изнутри фона.

2.2.6. Семантика китайского глагола направления движения 开 [kai] и средства выражения его значений в бурятском языке

Значения китайского глагола направления движения 开 [kai] передаются в бурятском языке различными глаголами, в зависимости от ситуации.

I. Основные значения. В основных значениях рассматриваемый китайский глагол передает направленное движение в разные стороны от фона путем разделения.

1. Значение глагола 开 [kai] «открывать», «отворять»; «раскрывать» в бурятском языке выражается глаголами *нээхэ* и *тайлаха*.

- 1) *кит.* 开了门 [kaile men].. Открыть двери [БКРС, т. 3, с. 135];
- 2) *бур.* *Үүдэ нээхэ / Үүдэ тайлаха.* Открыть двери;
- 3) *кит.* 开箱子 [kai xiangzi]. Раскрыть ящик [БКРС, т. 3, с. 135];

4) бур. Абдар нээхэ / Абдар тайлаха. Раскрыть ящик.

2. Значение глагола 开 [kai] «вскрывать», «проделывать» *брешь, отверстие* в бурятском языке выражается глаголом *гаргаха*.

1) кит. 在墙上开个窗口 [zai qiang shang kai ge chuangkou]. Пробить в стене окно [БКРС, т. 3, с. 135];

2) бур. *Ханада сонхо гаргаха*. Пробить в стене окно.

II. Переносные значения. В своих переносных значениях данный глагол реализует значения, не связанные с физическим перемещением в пространстве, происходит расширение его смысла и актуализируются другие семы, составляющие значения глагола. Переносные значения китайского глагола трактуются в бурятском языке разными глаголами, в зависимости от ситуации:

1. Значение глагола 开 [kai] «основывать», «открывать», «учреждать», «ставить» *дело, предприятие* реализуется с помощью глагола *нээхэ*.

1) кит. 开了新的工厂 [kaile xin de gongchang]. Открыть новый завод [БКРС, т. 3, с. 135];

2) бур. *Шэнэ үйлэдбэри нээхэ (тайлаха)*. Открыть новый завод.

2. Значение глагола 开 [kai] «включать»; «приводить в движение» *механизм, активизировать* выражается глаголом *носоохо*.

1) кит. 开收音机 [kai shouyinji]. Включить радиоприёмник [БКРС, т. 3, с. 135];

2) бур. *Радио носоохо*. Включить радиоприёмник;

3) кит. 开机器 [kai jiqi]. Завести машину [БКРС, т. 3, с. 135];

4) бур. *Машина носоохо*. Завести машину.

3. Значение «приступать» *к чему-либо, начинать что-либо* трактуется в бурятском языке посредством глагола *эхилхэ*:

1) кит. 开徵 [kai wei]. Приступить к сбору налогов [БКРС, т. 3, с. 135];

- 2) бур. *Ясаг суглуулжа эхилхэ. Приступить* к сбору налогов;
- 3) кит. *开谈判 [kai tanpan]. Начать* переговоры [БКРС, т. 3, с. 135];
- 4) бур. *Хөөрэлдэжэ эхилхэ. Начать* переговоры.

4. Значение «держать», «содержать»; «зарегистрировать» *за собой*; в бурятском языке передается глаголом *бариха*, значение «занимать», «снимать» передается глаголом *эзэлхэ*:

- 1) кит. *开饭馆子 [kai fanguanzi]. Держать* ресторан [БКРС, т. 3, с. 135];
- 2) кит. *开房间 [kai fangjian]. Снять* номер (например, в гостинице)

[БКРС, т. 3, с. 135];

- 3) бур. *Ресторан бариха. Держать* ресторан;
- 4) бур. *Таһаг эзэлхэ. Снять* номер в гостинице.

5. Значение «разрабатывать», «эксплуатировать»; «возделывать», «поднимать» *целину*; «осваивать» в бурятском языке выражается глаголом *бодхоохо*.

1) кит. *开了三千亩水田 [kaile san qian mu shuitian]. Возделать (поднять)* три тысячи му заливных полей [БКРС, т. 3, с. 135];

2) бур. *Гурба гаран гектар газар бодхоохо. Возделать (поднять)* более трех гектаров земли.

6. Значение «проводить», «осуществлять» передается глаголом *үнгэргэхэ*:

1) кит. *开了两次会 [kaile liang ci hui]. Провести* два собрания [БКРС, т. 3, с. 135];

2) бур. *Хоёр суглаа үнгэргэхэ. Провести* два собрания.

7. Значение «кипятить» *воду* выражается глаголом *бусалгаха*:

1) кит. *把水开一过儿 [ba shui kai yi guoer]. Прокипятить* воду (дать воде вскипеть) [БКРС, т. 3, с. 135];

2) бур. *Уһа бусалгаха. Вскипятить* воду.

8. Значение «подавать» *кушанье*; «накрывать» *на стол*; «стелить» *постель* на бурятский язык передается глаголом *хураяайха*:

1) *кит.* 饭开在那里? [*fan kai zai na li*]? Где накрывать на стол [БКРС, т. 3, с. 135];

2) *кит.* 开铺盖 [*kai pugai*]. Постелить постель [БКРС, т. 3, с. 135];

3) *бур.* Ороо хурайха. Убрать постель.

9. Значение китайского глагола «выплачивать» *деньги*, «выдавать» *зарплату*; «ассигновать» *средства* в бурятском языке выражается глаголом *түлэхэ*.

1) *кит.* 开工钱 [*kai gong qian*]. Платить (выдавать) заработную плату [БКРС, т. 3, с. 136];

2) *бур.* Салин түлэхэ. Платить заработную плату;

3) *кит.* 开了一笔款子 [*kaile yi bi kuanzi*]. Ассигновать (давать) денежные суммы, финансировать [БКРС, т. 3, с. 136].

10. Значение глагола 开 [*kai*] «излагать» *по пунктам*; «составлять» *счёт, список*; «писать», «выписывать» выражается глаголом *бэшэхэ*:

1) *кит.* 开了一封介绍信 [*kaile yi feng jieshao xin*] [БКРС, т. 3, с. 136].

Написать рекомендательное письмо;

2) *бур.* Бэшэг бэшэхэ. Написать рекомендательное письмо;

3) *кит.* 开一个药方 [*kai yi ge yao fang*]. Выписать рецепт [БКРС, т. 3, с. 136];

4) *бур.* Рецепт бэшэхэ. Выписать рецепт.

Анализ языкового материала позволил увидеть способы выражения в бурятском языке прямых и переносных значений шести китайских глаголов направления движения (上 [*shang*] – движение вверх от фона, 下 [*xia*] – движение вниз от фона, 回 [*hui*] – возвращаться к фону, 过 [*guo*] –

проходить (миновать) фон, 起 [qi] – подниматься, отрываясь от поверхности фона, 开 [kai] – двигаться в разные стороны от фона).

Основные и переносные значения китайских глаголов направления движения 回 [hui] – движение обратно к фону и 上 [shang] – движение вверх к фону в бурятском языке тождественны основным значениям глаголов движения тэхэрихэ и үгсэхэ. Переносные значения данных китайских глаголов в бурятском языке выражаются с помощью различных глагольных лексем, в зависимости от актуализации той или иной семы, составляющей значение китайского глагола. Исключение составляет переносное значение «появляться», «показываться», которое выражается в бурятском языке глаголом направления движения орохо – движение внутрь.

Рассмотренные примеры актуализации той или иной семы значения китайского глагола 下 [xia] позволили сделать вывод о том, что основное значение «движение вниз к фону» передается бурятским глаголом группы глаголов движения бууха – спускаться. Переносные, а также значения переходной формы китайского глагола на бурятский язык передаются различными глагольными лексемами. Некоторые ситуации, передающие переносное значение направленного движения вниз (об осадках) и переносного значения «покинуть» работу (уволиться), передаются на бурятский язык глаголами группы направления движения орохо и гараха.

Как показал языковой материал, семантически близким к китайскому глаголу 起 [qi] является бурятский глагол бодохо, который эквивалентен китайскому глаголу в своих прямых и переносных значениях: «подниматься», «вставать на ноги», «выпрямляться», «подниматься от сна», «вставать с постели», «вставать после болезни», «поправляться», «вздыхаться» о пыли; «всходить» о тесте, «начинаться», «возникать», «зарождаться». Следующие переносные значения трактуются в бурятском языке с помощью глагола направления движения гараха: «появляться»,

«выступать» *на арене, на сцене* «происходить» *из*, «выдвигаться» *из среды*. Необходимо отметить тот факт, что названные значения бурятского глагола *гараха*, кроме значения «появляться», были обнаружены только в процессе анализа способов передачи значений китайского глагола 起 [qi] на бурятский язык, в материале словарей обнаруженные значения не были указаны.

Анализ выражения значений китайского глагола направления движения 行 [guo] в бурятском языке показал, что прямое значение направленного движения и переносное значение движения времени передаются глаголом *унгэрхэ*, остальные переносные значения китайского глагола выражаются другими глаголами, что говорит о том, что китайский глагол содержит общую идею направленного движения, которая также актуализируется и в переносных значениях. Для бурятского языка характерно разделение семантических групп действий, для каждой из которых используется свой глагол.

Таким образом, можно констатировать то, что значения специфических китайских глаголов направления движения трактуются в бурятском языке глаголами как группы глаголов движения, так групп созидания, эмотивности, мышления и т.д. Это говорит о более обобщенном характере значений, которые выражают рассматриваемые китайские глаголы направления движения.

2.3. Типологически общие и различные черты семантики бурятских составных глаголов направления движения и китайских сложных глаголов направления движения

Как было рассмотрено в главе I, группы глаголов направления движения бурятского и китайского языков наряду с простыми глаголами направления движения составляют и более сложные лексические единицы. В данной работе вслед за В.М. Егодуровой в бурятском языке такие образования будут рассматриваться как составные глаголы направления

движения и вслед за В.И. Гореловым в китайском языке такие образования будут называться сложными глаголами направления движения. Ранее была рассмотрена специфика групп глаголов направления движения бурятского и китайского языков, в данном параграфе будут установлены типологические и универсальные значения сложных лексических единиц, входящих в рассматриваемую группу глаголов бурятского и китайского языка.

2.3.1. Способы передачи направления движения составными бурятскими глаголами направления движения

Бурятские составные глаголы направления движения – это лексические единицы со сложноподчиненной семантикой. Под сложноподчиненной семантикой мы понимаем два направленных движения, совершаемых непрерывно одно за другим, каждое в определенном направлении.

Анализ бурятских составных глаголов направления движения, как членов одной лексико-семантической группы позволил выявить некоторые специфические особенности их аналитики. Как было показано графически в главе I, сложноподчиненность движения бурятских глаголов характеризуется двумя направленными движениями, совершаемыми непрерывно одно за другим в определенном направлении относительно фона, и каждое из направленных движений имеет свой ориентир.

Бурятские составные глаголы направления движения можно разделить на две группы исходя из тождества и различия в фонах, относительно которых совершаются движения, составляющие значение лексической единицы. Первая группа представлена составными бурятскими глаголами, у которых в семантике отражено два разнонаправленных перемещения относительно одного фона, вторую группу формируют составные глаголы, тождественным признаком семантики которых является отсутствие общего фона у движений, составляющих значение глагола (движения ориентированы на независимые друг от друга фоны).

Рассмотрим способы актуализации значения направленного движения в китайском языке бурятскими глаголами первой группы: *ерэжэ (ерээд) ошохо, орожо (ороод) ошохо, гаража (гараад) ошохо, ошожо (ошоод) ерэхэ, ерэжэ (ерээд) орохо* и *орожо (ороод) гараха*.

Ерэжэ (ерээд) ошохо

1) *бур. Эжымни, бэээ гамнагты, арга оложо, намдаа ерээд ошооройгты [КБЯ]. кит. 亲爱的母亲, 保护自己, 有机会来一下我这儿 [qīnài de mǔqīn, bǎohù zìjǐ, yǒu jīhuì lái yí xià wǒ zhèer]. – Мама, берегите себя, как будет возможность, приезжайте [досл. заезжайте ко мне и уедете от меня] ко мне;*

2) *бур. Абын үбдэһэнһөө хойшо хэды ерээд ошоо [КБЯ]. кит. 父亲 (得) 病之后他来了几次 [fùqīn (de) bìng zhīhòu tā lái le jǐ cì]. – После болезни отца приезжал [досл. приезжал к отцу и уезжал от отца] несколько раз.*

Как видно из примеров, значение сложноподвижного движения бурятского глагола *ерэжэ (ерээд) ошохо* в китайском языке выражается сочетанием глагола направления движения 来 [lái] – движение к фону с морфемой 下 [yí xià], которое, по мнению Чжан Чжицзюня, передает однократный способ глагольного действия, в рамках количественно-временного способа, отражающего «одно конкретное действие в конкретном временном условии» [Чжан Чжицзюнь, 2007, с. 111] или соединением того же глагола 来 [lái] – движение к фону с сочетанием 几次 [jǐ cì] – несколько раз. Таким образом, сложноподвижное значение бурятского глагола трансформируется в простое направленное движение в китайском языке.

Орожо (ороод) ошохо

бур. Ороод ошоходотнай яадаг юм бэ? кит. 您来一趟又能怎么样呢 [nín lái yí tàng yǒu nēng zěn me yàng ne]? – Почему бы Вам не заскочить [букв. зайти к нам и уйти от нас] к нам?

Данные предложения демонстрируют, что сложноподчиненное значение бурятского глагола *орожо* (*ороод*) *ошохо* в китайском языке выражается сочетанием глагола 来 [*lai*] – движение к фону с морфемой 一趟 [*yi tang*], которая, как справедливо считает Чжан Чжицзюнь, является показателем однократно-долговременного способа глагольного действия в рамках количественно-временного способа [Чжан Чжицзюнь, 2007, с. 111].

Рассмотренные ситуации реализации сем направленного движения составных бурятских глаголов направления движения *ерэжэ* (*ерээд*) *ошохо* и *орожо* (*ороод*) *ошохо* в китайском языке позволяют сделать следующий вывод: их значения направленного движения в китайском языке трактуются с помощью глагола 来 [*lai*] – движение к фону, разница состоит лишь в изменении способов действия глагола посредством морфем, обозначающих способы глагольного действия: 一下 [*yi xia*], 一趟 [*yi tang*]. Таким образом, можно констатировать, что в китайском языке актуализируется только одна из двух сем сложноподчиненного движения бурятских глаголов направления движения *ерэжэ* (*ерээд*) *ошохо* и *орожо* (*ороод*) *ошохо*.

Гаража (*гараад*) *ошохо*

бур. Нимбуу юушье бүтээнгүй, хахад харынгаа хахадые хото руугаа ябуулжа нилээн халаад, үлэгшыень үмдэнэйнгөө хармаанда хээд, Лодондо үлдүүлэн шахуу гаража ошобо [КБЯ]. кит. 宁布什么事也没办成, 就喝了半瓶白酒, 小醉, 然后把剩下的酒揣在裤袋里, 趁拉多还没赶走他之前就离开了 [Ningbo shen me shi ye mei bancheng, jiu hele ban ping baijiu, xiaozui, ranhou ba shengxia de jiuchuai zai kudai li, chen Laduo hai mei ganzou ta zhiqian jiu likai le]. – Нимбу ничего не успев сделать, выпил половину бутылки водки, уже пьяный, положив в карман брюк остаток, ушел [досл. вышел из гостей и ушел от гостей], выгнанный Лодоном.

Как можно видеть из примера, значение бурятского глагола *гаража* (*гараад*) *ошохо* в китайском языке трактуется с помощью глагола *离开* [likai] со значением «покидать», таким образом, в китайском языке сложно-направленная семантика трансформируется в общее значение ненаправленного движения.

Ошожо (ошоод) ерэхэ

1) бур. *Ошоод ерэхэмни гэхэши гү?* – *Норжимо сухалдаһан шэнги болобо* [КБЯ]. *кит. 你想说会去一趟吗? - 诺尔吉玛有点生气的样子* [ni shuo qu jiu huilai ma? Nuoerjima you dian shengqi de yangzi]. – *Хочешь сказать, что съездишь* [досл. уедешь и приедешь]? – *Норжима словно разозлилась;*

2) бур. *Түхэдэ император Николай Павлович генерал адъютантнуудайнгаа нэгыг ерүүлээд: «Зай, иигээд Казанска губерни ошожо ерэе» гэбэ* [Цыдендамбаев, 1953, с. 87]. *кит. 于是尼古拉·巴布洛维奇皇帝叫一个副官说: 我们去一趟喀山省* [yushi nigula babuluoweiqi huangdi jiao yi ge fuguan shuo: women qu yi tang kashan sheng]. – *Тогда император Николай Павлович позвав одного из генералов-адъютантов, сказал: «Давайте съездим* [досл. уедем отсюда и приедем сюда] *в Казанскую Губернию».*

Значение направленного движения составного бурятского глагола *ошожо (ошоод) ерэхэ* в китайском языке актуализируется посредством глагола направления движения *去* [qu] – *движение от фона* в сочетании с морфемой *一趟* [yi tang], вносящей, как было сказано выше, однократно-долговременный способ глагольного действия в рамках количественно-временного способа. Таким образом, в китайском языке реализуется только первая сема сложнонаправленного значения бурятского глагола.

Ерэжэ (ерээд) орохо

1) бур. *Дархиин хүндыдэ нэгэ булган байратай юм хаи: мурьнь дүүрэн, жэнгээр гаража гүйдэг, ерэжэ ородог хэбэртэй* [КБЯ]. *кит. 看得*

出，树洞是黑貂的巢穴：很多脚印说明，黑貂在经常走动 [kan de chu, shutong shi heidiao de chaoxue: hen duo jiao yin shuoming, heidiao zai jing chang zoudong]. – Видимо, в дупле у соболя нора: куча следов, кажется, что он постоянно выбегает и обратно прибегает [досл. прибегает к норе и забегает туда];

2) бур. Кондратьевтанай харуул гоё гэрһээ ерээд ороходонь, өөрынь байдаг таһалга бүришье уйтаханаар, даншье бүрүүлээр харагдаба [Цыдендамбаев, 1953, с. 43]. кит. 在堪德拉季耶夫宽敞的房子呆过之后自己的住所更加显得狭小和黑暗 [zai kendelajiyefu kuanchang de fangzi daiguo zhihou ziji de zhusuo geng jia xian de xiaoxiao he heian]. – Побывав [досл. пришли к Кондратьевым и зашли к ним] в просторном доме семьи Кондратьевых, нашел свое жилище еще более маленьким и темным.

Предложенные два примера демонстрируют, что значение бурятского глагола *ерэжэ* (*ерээд*) *орохо* в китайском языке реализовывается в разных глаголах с семантикой движения, в соответствии с ситуацией употребления глагола. Так, в первом предложении сема направленного движения трансформируется в обобщенное ненаправленное движение и выражается глаголом ненаправленного движения *走动* [zoudong] – *ходить, двигаться*. Во втором предложении значение бурятского составного глагола передается глаголом *呆* [dai] – *задерживаться, находиться* в сочетании с морфемой *过* [guo]. Форма глагола на *过* [guo], как отмечает отечественный исследователь В.И. Горелов, передает значение действия, которое произошло единожды или повторялось несколько раз, при этом данная форма указывает на то, что действие имело место в неопределенное время в прошлом и что оно завершено до данного момента. Исследователь относит данную форму к «видо-временным формам» [Горелов, 1989, с. 23]. Тань Аошуан же определяет *过* [guo] как показатель экзистенциального аспектуального

значения и объясняет выбор данной трактовки тем, что такое «значение предполагает идею кратности, являющуюся основным отличительным признаком данного аспектуального значения» [Тань Аошуан, 2002, с. 433].

Таким образом, можно сделать вывод, что семантика составного бурятского глагола *ерэжэ (ерээд) орохо*, передающая значение последовательного совершения двух направленных движений одного за другим без промедлений, в китайском языке теряет сему направленности, и значение трансформируется в простое движение, которое выражается глаголом ненаправленного движения, или глаголом, оформленным видовым показателем кратности действия *过 [guo]*.

Орожо гараха

1) бур. *Үдэшын бүдэг соогуур табгайн хурдаар соёруулан, үелхэн унаган нүхэрэйдэнь орожо гараа* *hэмди* [КБЯ]. кит. *在黄昏时分, 我们马不停蹄地看了他的朋友* [*zai huanghui shifen, women ma shang bu ting ti de kanle ta de pengyou*]. В потемках, под стук копыт лошадей, мы прискакали и заглянули [досл. вошли к другу и вышли от друга] к его другу;

2) бур. *Зуурандаа тэрэ Афанасьевой усалтаһан газар дайраад, саашаа Баргажан-Адаг ороод гараха* *хэрэгтэй гэжэ һананаб* [КБЯ]. кит. *我想, 顺着亚夫纳西耶夫渡口 直接到 乌斯季—巴尔古津* [*wo xiang, shunzhe Yafuneiziyefu dukou zhijie dao wusiji-baergujin*]. – Я думаю, что по пути, пересекая поля Афанасьева, дальше нужно заехать [заехать и выехать] в Усть-Баргузин.

Исходя из анализа примеров употребления бурятских составных глаголов направления движения и передачи их семного состава на китайский язык, можно констатировать, что составной бурятский глагол *орожо гараха*, реализуя сложноподчиненное значение, в контексте также имплицитно означает значение «попутно», «заодно» совершить направленное передвижение.

Из анализа способов актуализации значения сложноподчиненного движения бурятских составных глаголов направления движения (объединенных тождественным признаком движений, составляющих значение глагола – фон, относительно которого совершаются движения) можно сделать вывод о том, что характерная для бурятского глагола сложноподчиненность в китайском языке трансформируется в простое направленное или ненаправленное движение, которое отражает только одну из сем составного бурятского глагола.

Вторую группу составных глаголов направления движения бурятского языка формируют глаголы, тождественным признаком семантики которых является отсутствие общего фона у микродвижений, составляющих значение глагола. Таким образом, два направленных движения, которые отражены в семах сложноподчиненной семантики глагола, ориентированы на независимые друг от друга фоны. Фон составного глагола, как правило, совпадает с фоном второго движения, составляющего значение данного глагола. Ко второй группе относятся следующие глаголы: *ошоожо (ошоод) орохо*, *орожо (ороод) ерэхэ*, *ошоожо (ошоод) гараха*, *ерэжэ гараха* и *гаража (гараад) ерэхэ*.

Ошоожо (ошоод) орохо

бур. Удаань тэдэ хаб хара болошоһон, халуудашаһан, ангаһан юумэд, уһанда ошоожо ороно [КБЯ]. кит. 然后被干渴折磨得精疲力尽的他们去洗澡 [ranhou bei ganke zhemo de tamen leile ye kele jingpilijin de tamen qu xizao le]. – Затем они, уставшие, измученные и томимые жаждой, пошли купаться.

Пример показывает, что значение направленного движения бурятского глагола *ошоожо (ошоод) орохо* соответствует простому китайскому глаголу направления движения 去 [qu] *движение от фона*. Таким образом, можно говорить о том, что в китайском языке актуализируется только первая сема сложного значения бурятского глагола.

Орожо (ороод) ерэхэ

1) бур. *Хамагһаа эртэ бодоһон Айдай газаһаа ороод ерэхэдээ:* *Агнуурияа хойшолуулха болоо хабди гэбэ...* [КБЯ]. *кит. 早上安一岱比谁都起得早, 从外面进来后就说: 不得不把我们的打猎要推迟了 [zaoshang Anyidai bi shui dou qi de zao, cong waimian jinlai hou jiu shuo: bu de bu ba women de dalian yao tuichile].* – Айдай, вставший раньше всех, войдя [досл. вошел с улицы и подошел к нам] с улицы, сказал: придется отложить нашу охоту....

2) бур. *Сэдэн, шамайе хээээдээл ороод ерэнэ ааб гэжэ ехэ хүлээнэлби* [КБЯ]. *кит. 瑟登, 大家都在等你进来呢 [Sedeng, dajia dou zai deng ni jinlai ne].* – Сэдэн, жду, когда же ты войдешь [досл. войдешь в комнату и подойдешь к нам].

Как показывают примеры, эквивалентом бурятского составного глагола направленного передвижения *орожо (ороод) ерэхэ* является сложный китайский глагол направления движения *进来 [jinlai]*. Тождественной семантикой их значений является сема направленного движения внутрь фона, дифференцирующими семами значений являются сема второго микродвижения сложного значения бурятского составного глагола и сема субъективной ориентации «приближения» китайского сложного глагола. Глаголы эквивалентны в передаче значений направленного движения внутрь фона.

Гараад (гаража) ерэхэ

Как было установлено ранее, бурятский составной глагол направления движения *гараад (гаража) ерэхэ* имеет два значения, передающих направленное движение в пространстве. В китайском языке данные значения актуализируются разными глаголами направления движения:

1) бур. *Газаа гараад ерэхэмни гэжэ Иван богоһо алхажса ябахаддаа харюусаба* [КБЯ]. *кит. 我出去一下回来 — 伊万跨着门槛说 [wo chuqu yi xia huilai – yiwán kuazhe menjian shuo].* – Схожу-ка [букв. выйду из помещения на улицу и приду обратно] на улицу, – сказал Иван, переступая порог двери.

2) бур. *Татай, хаанаһаа гэнтэ гаража ерэбэши?* [КБЯ]. 你突然从哪出来了 [*ni turan cong na chulai le*]? – Откуда ты вдруг появился [букв.: вышел откуда-то и подошел к нам]?

Как показывает пример 1, значение бурятского составного глагола «движение наружу из фона и обратно к фону» в китайском языке реализуется двумя глаголами направления движения, которые отражают порядок совершения действий, заложенный в семном составе бурятского глагола: *出去* [*chiqi*] – движение по направлению наружу из фона, с субъективной ориентацией «приближения» + *回来* [*huilai*] – движение обратно к фону, с субъективной ориентацией «приближения», при этом первый глагол оформлен морфемой — *下* [*xi Xia*], которая передает однократный способ глагольного действия, в рамках количественно-временного способа.

Второе значение полисемичного бурятского глагола *гараад* (*гаража*) *ерэхэ* – движение, направленное изнутри фона 1 по направлению к фону 2, в китайском языке реализуется сложным глаголом направления движения *出来* [*chulai*] – движение наружу из фона, с субъективной ориентацией *приближения*. Таким образом, сложноподчиненное движение бурятского глагола в китайском языке трансформировалось в направленное движение с семой субъективной ориентации в пространстве.

Ошожо (*ошоод*) *гараха*

бур. *Мүнөө тиигээд ажалдаа үтэр түргэн ошожо гараха болобош, ойлгоно гүш?* кит. 现在你刚快要去公司, 懂吗 [*xian zai ni gang kuai yao qu gongsi, dong ma*] [КБЯ]? – Теперь придется поехать [досл. пойти и войти] на работу и уволиться, понимаешь?

Данный пример демонстрирует, что в китайском языке актуализируется только первая сема сложноподчиненного значения

составного бурятского глагола *ошожо (ошоод) гараха* – движение от фона 1 и затем наружу из фона 2 и выражается глаголом направления движения 去 [qi] – движение от фона.

Ерэжэ (ерээд) гараха

бур. Поездоор ерэжэ гарахадань лэ ондоо болоо болоогүйень харахабди [КБЯ]. *кит. 她从火车下来我们就看出有没有变化了 [ta cong huochē xiàlái wǒmen jiù kànchū yǒu méi yǒu biànhuà le].* – Когда приедет [досл. приедет на поезде и выйдет из поезда] мы увидим, изменилась или нет.

Как демонстрирует пример, значение бурятского глагола *ерэжэ (ерээд) гараха* – движение, направленное к фону 1 и изнутри фона 2, реализуется в китайском языке как направленное движение с субъективной ориентацией в пространстве сложным глаголом направления движения 下来 [xiàlái]. Данный китайский глагол несет значение направленного движения вниз (в данном случае – спускаться) к фону (к нам) с субъективной ориентацией «приближения», т.е. первая сема значения бурятского глагола «движение, направленное к фону» в китайском языке не актуализируется.

Гаража (гараад) орохо

бур. Манай ахай дэлгуур гараад орохо. кит. 我哥哥去商店就回来 [wǒ gēgē qù shāngdiàn jiù huílái] [КБЯ]. – Наш брат зайдет [букв. зайдет и выйдет] в магазин.

Как видно из приведенного предложения, значение бурятского глагола *гаража (гараад) орохо* в китайском языке выражается последовательно двумя глаголами направления движения, первая сема сложноподчиненного значения объективируется базовым глаголом 去 [qi] – движение от фона, а вторая сема выражается в китайском языке сложным глаголом направления движения 回来 [huílái] – движение обратно к фону, с субъективной ориентацией «приближения». Так как семантика бурятского составного

глагола отражает два последовательных неразрывных движения, то в китайском языке используется наречие 就 [jiu], указывающее на то, что второе действие происходит сразу и незамедлительно после первого.

Исходя из анализа ситуаций с бурятскими составными глаголами направления движения и соответствия данных значений в китайском языке можно сделать вывод о том, что семантику составных глаголов направления движения в бурятском языке составляют семы направленного движения и тем самым семантика глагола характеризуется своей сложноподчиненностью. В языковом сознании носителей бурятского языка одно сложноподчиненное движение имплицитно включает два микродвижения со своими ориентирами-маркерами, которые дробят траекторию движения на фрагменты.

Для семантики китайских глаголов не характерно такое свойство и, как было выявлено, значения направленного движения бурятских глаголов направления движения в китайском языке выражаются как простыми глаголами направления движения, так глаголами движения и видовыми формами китайских глаголов движения.

Проанализировав актуализацию значений сложноподчиненного движения бурятских глаголов в китайском языке, можно сказать, что для носителей китайского языка и культуры такое восприятие пространственной картины мира не свойственно.

2.3.2. Способы передачи направленного движения сложными китайскими глаголами направления движения

Как было рассмотрено в главе I, китайские сложные глаголы направления движения – это глаголы, образованные сочетанием простых глаголов направления движения с базовыми глаголами.

В отличие от бурятского языка, где составные глаголы характеризуются сложноподчиненной семантикой, спецификой семантики

сложных глаголов направления движения китайского языка является субъективная ориентация. В семантике таких сложных лексических единиц совмещаются значения глаголов, входящих в их состав: первый глагол выражает движение, ориентированное в пространстве по отношению к фону (вверх, вниз, обратно и пр.), второй глагол – это базовый глагол 来 [lai] или 去 [qu], который содержит сему «субъективная ориентация по отношению к фону» (приближение/ удаление). Необходимо отметить, что в некоторых случаях сема субъективной ориентации дает возможность сложному китайскому глаголу эксплицировать местоположение говорящего лица. Например: 上去 [shangqu] – движение вверх к фону с субъективной ориентацией удаления (иногда от местоположения говорящего), 上来 [shanglai] – движение вверх к фону с субъективной ориентацией приближения (иногда к местоположению говорящего).

Рассмотрим способы актуализации значения направленного движения китайских глаголов направления движения в бурятском языке попарно: глагол группы 去 [qu], где в значении глагола отражается субъективная ориентация удаления и глагол группы 来 [lai], где в значении глагола содержится субъективная ориентация приближения.

出去 [chuqu] – 出来 [chulai]

1) *kit.* 我和朱优待也退了出去 [wo he Zhuyoudai ye tuile chuqu] [Женская китайская литература]. *бур.* Би Чжу Юдайтэй баһа гарабаб. – Я и Чжу Еудай тоже отступили и ушли [досл. движение наружу по направлению от находящихся внутри];

2) *kit.* 正在这么想, 小鸟忽然出来了, 猫倒像吓了一跳, 往后躲了躲 [zheng zai zhe me xiang, xiaoniao huran chulaile, mao dao xiang xiale yi tiao, wang hou duole duo] [108 Саньвэней]. *бур.* Иигэжэ һанһаар жаахан

шубуухай гэнтэ гараад ерэбэ. Харин муура залд гэхэндэл һөөргөө таталдан далда оробо. – Думая так, внезапно прилетела [досл. движение наружу с субъективной ориентацией приближения к повествующему] птичка, кошка, наоборот, словно испугалась и попятилась назад, чтоб спрятаться.

Пример 1 демонстрирует, что значению направленного движения китайского глагола *出去* [chiqu] – движение изнутри фона с субъективной ориентацией удаления (по направлению от находящихся внутри) в бурятском языке соответствует значение простого глагола направления движения *гараха* – движение изнутри фона, таким образом, в бурятском языке актуализируется только первая сема сложного китайского глагола – сема ориентированного в пространстве направленного движения – движение изнутри фона. Значение движения антонимичного по выражению субъективной ориентации глагола *出来* [chulai] – движение изнутри фона с субъективной ориентацией приближения (по направлению к тем, кто снаружи), как показывает пример 2, в бурятском языке соответствует значению составного глагола направления движения *гаража (гараад) ерэхэ*. Анализ актуализации сем значений китайского глагола позволяет говорить о том, что семантика субъективной направленности движения китайской лексической единицы, отражающая только одно направленное движение и эксплицирующая местоположение повествующего (движение направлено наружу к повествующему), в бурятском языке трансформируется в сложноподчиненную семантику, содержащую два направленных движения, не отражающую точного местоположения повествующего относительно фона (внутри фона или вне).

Как показывают наблюдения, китайский глагол характеризуется субъективной ориентированностью, а бурятский глагол своей сложнонаправленностью, т.е. отражением в семантике двух направленных движений.

进去 [jinqu] – *进来* [jinlai]

1) *kit.* 这一次，我们进去的时候，他的领带被挂好了 [zhe yi ci, women jinqu de shihou, ta de lingdai bei guahaole, ...] [ККЯ]. *бур.* Энэ удаа манай ороходо галстугын аятайхан үлгэгдөөд байба. – В этот раз, когда мы вошли [досл. движение внутрь по направлению от находящихся снаружи], его галстук был аккуратно повешан;

2) *kit.* 禹因为治水非常繁忙，没有一点空闲，三次路过家门口都没有进去 [Yu yin wei zhishui feichang fanmang, mei you yi dian kongxiu, san ci lu guo jia menkou dou mei you jinqu] [ККЯ]. *бур.* Үерhөө боложо Юй ехэ сүлөөгүй, гэрэйнгэй үүдэнэй хажуугаар гурба үнгэрөөд ороогүй. – Так как Юй был очень занят, усмирив воды великого потопа, у него не было даже минутки передохнуть, три раза он проходил мимо ворот своего дома и не зашел [досл. движение внутрь по направлению от находящихся снаружи].

3) *kit.* 当一切恢复沉寂，她又悄悄地进来，眼边红红的，看着我 [dang yi qie hui fu chenji, ta you qiaoqiao de jinlai, yanbian honghong de, kanzhe wo] [108 Саньвэней]. *бур.* Дахяад аалин болоходо тэрэ аалихан орожо ерээд нам руу улаан нюдөөр хараба. – Когда возобновилась тишина, она снова потихоньку вошла [досл. движение внутрь по направлению к находящимся внутри (повествующий)], поглядела на меня красными в уголках глазами;

4) *kit.* 见我进来，兴奋地拉住了我的手，像导盲犬似的将我引进了她的新居 [jian wo jinlai, xingfen de lazhuile wo de shou, xiang dao mang quan shi de jiang wo yin jingle ta de xin ju] [ККЯ]. *бур.* Орожо ерэхьем харахан тэрэ гарһаам зулгаажа хохор хүниие дахуулдаг нохой мэтэ шэнэ байрадаа намайе татан оруулба. – Увидев, что я вошел [досл. движение внутрь по направлению находящемуся внутри], воодушевленно схватила мою руку, и словно слепую собаку, ввела в свою новую комнату.

Анализ актуализации направленного движения приведенных пар китайских предложений с глаголами, антонимичными в выражении

субъективной ориентации 进去 [jinqu] – направленное движение внутрь фона с субъективной ориентацией удаления и 进来 [jinlai] – направленное движение внутрь фона с субъективной ориентацией приближения, показал, что на бурятский язык значения сложных глаголов передаются также глаголами группы направления движения.

Значение направленного движения китайского глагола 进去 [jinqu] в бурятском языке актуализируется глаголом направления движения *орохо* – движение внутрь фона, таким образом, в бурятском языке отражается только первая сема сложного китайского глагола – направленного движения в пространстве по направлению внутрь, сема субъективной ориентации удаления в бурятском языке не актуализируется.

Значение китайского сложного глагола направления движения 进来 [jinlai] эквивалентно значению составного бурятского глагола направления движения *орожо (ороод) ерэхэ*. Семантика бурятского глагола *орожо (ороод) ерэхэ* отражает сложноподвижное движение (два направленных движения), в семантике китайского глагола 进来 [jinlai] отражено только одно направленное движение, характеризующееся субъективной ориентацией приближения. Таким образом, в бурятском языке значение китайской лексемы теряет субъективную характеристику и приобретает сложноподвижную траекторию.

下去 [xiaqu] – 下来 [xialai]

1) *кит.* 你像我小时候儿..., 别下去啊, 坛坡儿上坐着看跑马... [ni xiang wo xiao shihouer bie xiaqu a, tanpoer shang zuozhe kan paoma...] [ККЯ]. *бур.* Ши нам шэнги бага наһандабу бүүгаарай, гэрэй орой дээрэ хуугаад гүйһэн моридые хара. – Ты, как и я в детстве... сидя на крыше, не спускайся [досл. движение вниз по направлению от местоположения находящихся наверху (главного героя)], и смотри на бегущих лошадей...;

2) *кит.* 好像刚刚上台，还没来得及细细品味做演员的感觉，我就下来了 [*hoaxing gang gang shang tai, hai mei lai de ji xixi pin wei zuo yanyuan de ganjue, wo jiu xialaile*] [ККЯ]. *бур.* Мүнөө һая тайзан дээрэ гараһан мэтэ аад, артист гэдэгэй амта һайса үзөөгүй би буубаб. – Словно только что поднялся на сцену, еще не успев распробовать весь вкус того, что значит быть актером, я сразу же спустился [*досл.* движение вниз по направлению к местоположению находящихся внизу (местоположение повествующего)].

Данная группа примеров показала, что сложное значение направленного движения сложных китайских глаголов, содержащих антонимичные семы субъективной направленности удаления 下去 [*xiaqu*] и приближения 下来 [*xialai*] актуализируются в бурятском языке глаголом движения *бууха* – *движение вниз*. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в бурятском языке отражается только сема ориентированного в пространстве движения вниз, а сема субъективной направленности приближения и удаления, характерная для китайских сложных единиц направления движения, в бурятском языке не проявляется. Данный факт говорит о том, что значение сложного движения китайского глагола в бурятском языке трансформировалось в простое движение, которое не эксплицирует говорящее лицо.

上去 [*shangqu*] – 上来 [*shanglai*]

1) *кит.* 至于爹爹，现在每天都到猪栏屋边上去同那个外地人商讨事情 [*zhi yu diedie, xian zai mei tian dou dao zhulan wubian shangqu tong na ge waidiren shangtao shiqing*] [Женская китайская литература]. *бур.* Минии эсэгэ гэхэдэ мүнөө үдэр бүри гахайн байрын тэндэ ошохо үнөөхи хари хүнтэй юумэ хөөрэлдэдэг болобо. – Даже отец, сейчас каждый день поднимается [*досл.* движение вверх по направлению от местоположения находящихся внизу] к свиарнику, чтобы вместе с тем чужаком обсудить дела;

2) *кит.* 要是地下上来的是干蒸气, 就可以直接用来推动汽轮发电机组
...[*yaoshi di xia shanglai de shi ganzhengqi, jiu keyi zhijie yong lai tuidong qilun fadianjizu...*]. *бур.* Хэрбээ газар дорohoо гарадагнь хуурай уурал байбал, сэхэ хэрэглэхээр... – Если из-под земли поднимается [досл. движение, направленное вверх, к находящимся наверху] пар, то можно [его] использовать для паровой электростанции...;

3) *кит.* 是吗? 我回答, 上来我让你看看 [shì ma? Wǒ huídá, shanglai wǒ ràng nǐ kànkàn] [ККЯ]. *бур.* Тимэ гү? – гэжэ харюусабаб. Дээшээ гарыш, би шамда харуула хаб. – Да? – ответил я, – Поднимайся [досл. движение вверх, по направлению к находящимся наверху (я)], я дам тебе посмотреть.

Как можно наблюдать из предложения 1, значение направленного движения китайского глагола 上去 [shangqu] – движение вверх к фону с субъективной ориентацией удаления в бурятском языке выражается простым глаголом направления движения *ошохо* – движение, направленное от фона. Прямые и переносные значения сложного китайского глагола 上来 [shanglai] – движение вверх к фону с субъективной ориентацией приближения в бурятском языке реализуются глаголом направленного движения *гараха* – движение наружу из фона. Семантика китайского сложного глагола в бурятском языке трансформируется в общее значение направленного движения наружу из фона, таким образом, компоненты ситуации направленного движения в бурятском языке трактуются иначе, т.е. фоном является закрытое пространство, из которого наружу совершается движение, в китайском же языке фон находится выше начальной точки движения, соответственно направление движения будет вверх.

回去 [huiqu] – 回来 [huilai]

1) *кит.* 罗这时有些张皇, 拉着我上车同他一路回去 [Luo zhe shi you xie zhanghuang, lazhe wo shang che tong ta yi lu huiqu] [ККЯ]. *бур.* Энэ үедэ Ло

айд гэжэ, сугтаа һөөргөө бусахая намайе машина руу татажа оруулба. – Ло в это время немного растерялся, заташил меня в машину, чтобы вместе вернуться [досл. двигаться в обратном направлении по направлению от находящихся в начальной точке движения] одной дорогой (вместе);

2) кит. 到了北京, 通过海关检查时, 他们看了我的护照说, “你必须 回去” [daole Beijing, tongguo haiguan jiancha shi, tamen kanle wo de huzhao shuo, «ni bixu huiqu»] [ККЯ]. бур. Бээжэн хүрөөд хилын шалгалта гаража байхадам, тэдэ минии паспорт хараад: «Ши бусаха ёһотойи» – гээ. – Когда я прибыл в Пекин и проходил таможеню, они посмотрели мой паспорт и сказали: «Ты должен вернуться [досл. движение обратно к начальной точке движения по направлению от таможни]»;

3) кит. 我的希望 回来了, 小鸟没死 [wo de xiwang huilaile, xiaoniao mei si] [108 Саньвэней]. бур. Найдал баһа түрэбэ, жаахан шубуухай амиды үлэбэ. – Моя надежда вернулась [досл. движение обратно к повествующему], птичка не умерла.

4) кит. ... “我在电视里看见了你们比赛, 知道你今天 回来, 特意来迎接你” [wo zai dianshi li kanjianle nimen bisai, zhidao ni jin tian huilai] [108 Саньвэней]. бур. Би телевизорээр танай мұрысөө хараад мүнөөдэр ерэхэ гэжэ мэдээд, зорюута шамай угтахаа ерээб. – ...я по телевизору видел ваше соревнование и знал, что сегодня ты вернешься [букв. движение в обратном направлении, к находящимся в конечной точке движения (повествующему)], специально приехал встретить тебя.

Первые два примера позволяют проследить актуализацию значения китайского глагола 回去 [huiqu] – движение обратно к фону с субъективной ориентацией удаления в бурятском языке. Примеры показали, что семантика сложного китайского глагола в бурятском языке превращается в значение «движение обратно», которое выражается глаголом бусаха. Таким образом, в

бурятском языке отражается идея общего движения «обратно» без субъективной ориентации, т.е. безотносительно к говорящему.

Прямые и переносные значения направленного движения китайского глагола 回来 [huilai] – движение обратно к фону с субъективной ориентацией приближения в бурятском языке трактуются разными глаголами. Для выражения переносного значения отвлеченного в нашем сознании направленного движения в бурятском языке используется глагол түрэбэ, в прямом же простой глагол направления движения ерэхэ – движение, направленное к фону. Таким образом, можно говорить о том, что в бурятском языке актуализируется только сема направленного движения, сема субъективной ориентации в бурятском языке не проявляется.

过去 [guoqu] – 过来 [guolai]

1) кит. 我轻轻地过去, 把猫抓住 [wo qingqing de guoqu, ba mao zhua zhu] [108 Саньвэней]. бур. Би аалиханаар ошоожо муурые барибаб. – Я осторожненько подошел [досл. преодолел пространство по направлению от начальной точки движения (свое местонахождение)] и схватил кошку;

2) кит. 过去的日子如轻烟被微风吹散了... [guoqu de rizi ru qing yan bei weifeng chuisanle...] [108 Саньвэней]. бур. Үнгэрхэн үдэрнүүд утаан мэтээр хэбшээ халхинда үлээгдэн тарана. – Проходящие [досл. движение мимо по направлению от находящихся в начальной точке (повествующий)] дни развеваются ветерком, словно легкий туман;

3) кит. 另一位教练从中国过来看我们的时候, 对我说:“你看上去皮包骨头 [ling yi wei jiaolian cong zhongguo guolai kan women de shihou, dui wo shuo: “ni kanshangqu pibao gutou] [ККЯ]. бур. Нүгөө тренер бидэниие харахаяа Хитадһаа ерэхэдээ намда хандан: «Хараад үзэхэдэ ши хоршогор байнаш» – гээ. – Когда из Китая приехал [досл. движение мимо по направлению к объекту, находящемуся в конечной точке движения]

(повествующий)] другой тренер, чтобы посмотреть на меня, сказал [мне]: «Посмотри на эту шкуру и кости».

Прямое значение китайского глагола *过去* [guoqu] – движение *минуя фон с субъективной ориентацией удаления* в бурятском языке трансформируется в идею простого направленного движения от фона и передается глаголом направления движения *ошохо*. Можно говорить о том, что для бурятского языка не характерно эксплицитировать местоположение говорящего в ситуацию движения.

Переносное значение отвлеченного в сознании индивидуума движения китайского глагола в бурятском языке трактуется глаголом *унгэрхэ* – *идти о времени*: «проходить», «миновать», который является эквивалентом китайского глагола направления движения *去* [qu] – *направленное движение от фона* в переносном значении. Таким образом, можно констатировать, что на бурятский язык передается только сема субъектной ориентации – направление от начальной точки движения, которая выступает фоном ситуации движения, сема же пространственной ориентации «миновать» в бурятском языке не отражается.

起去 [qiqu] – *起来* [qilai]

1) *кит.* “叮咚——”门铃响了，姜姗一跃而起去开门 [ding dong – men ling xiangle, jiang shan yi yue er qiqu kai men] [ККЯ]. *бур.* «Дин дон» үүдэнэй хонхын абяа гарахада Цзян Шань собхорон бодожо үүдээ тайлахаа ошобо. – «Дин дон» – прозвенел дверной звонок, Цзян Шань подпрыгнула и поднялась [досл. движение, направленное вверх, с отрывом от поверхности по направлению от находящихся на поверхности (местоположения Цзян Шань)], чтобы открыть дверь;

2) *кит.* 天还没亮，我就起来了，把自己认为最得体的服装找了出来，浑身上下收拾得干干净净的，一大早就来到电影制片厂门口 [tian hai

meiliang, wo jiu qilaile, ba zi ji renwei zui deti de fuzhuang zhaole chulai, hunsheng shangxia shoushi de gangan jingjing de, yi da zao jiu lai dao dianying zhipaiguang menkou] [ККЯ]. бур. Хара эртэ бодожо гоё гэжэ ханадаг хубсаһаа оложо үмдөөд, эртэ үглөө киностудиин үүдэндэ ерээд байбаб. – Еще не рассвело, я уже поднялся [досл. движение, направленное вверх, с отрывом от поверхности (кровати), при субъективном определении фона (сюда)], вытащил самый подходящий, по моему мнению, наряд, привел себя в порядок и рано уже пришел к воротам киностудии.

Значения направленного движения предложенной пары китайских сложных глаголов направления движения 起去 [qiqu] и 起来 [qilai] в бурятском языке эквивалентны значениям глаголов *оохо* – *движение к фону* и *бодохо* – *подниматься*. Однако значение глагола *оохо* отражает вторую сему значения китайского глагола 起去 [qiqu] – *направленное движение по направлению от фона*, а глагол *бодохо* актуализирует только сему движения, ориентированного в пространстве, – *подниматься, отрываясь от поверхности*. Как показывают примеры, субъективная ориентация китайских сложных глаголов в бурятском языке не отражается.

开去 [kaiqu] – 开来 [kailai]

1) кит. 孩子们欢呼雀跃地四散开去, 口里大声唱道: «麻糖甜, 麻糖甜, 吃了麻糖盼过年» [haizimen huanhu queyue de sisan kaiqu, kou li dasheng changdao: *matang tian, matang tian, chile matang pan guo nian*] [ККЯ]. бур. Үхибүүд баяртайгаар хүхирэлдэн дэбхэрэлдэжэ байжа тараад гүйлдэхэдөө, шанга дуугаар дуулана: «Шэхэр амтатай, шэхээр амтатай, шэхэр эдээд хайндэр хүлээ». – Ребятишки, крича и подпрыгивая от радости, разбежались [досл. движение в разные стороны от фона] во все стороны, громко припевая: «Сладка конфетка, сладка конфетка, съешь конфетку и ждешь праздника»;

2) *кит.* 一阵笑声便荡漾开来 [yì chén xiàoshēng biàn dāngyāng kāilái].

бур. Энхэ дуун шанга амин бэлэн дуулдана [ККЯ]. Смеющийся голос доносится [досл. движение с разных сторон к фону] переливами.

Из рассмотренной пары примеров с использованием антонимичных китайских глаголов направления движения 开去 [kaiqu] – 开来 [kailai] и способов реализации их значений в бурятском языке можно констатировать, что сложное направленное движение китайских глаголов в бурятском языке приобретает обобщенное значение движения.

Рассмотренный языковой материал бурятского и китайского языков показал, что сложные глагольные единицы группы глаголов направления движения (составные бурятские глаголы и сложные китайские глаголы) совпадают в выражении сложного направленного передвижения в пространстве. Они передают не простое направленное движение, а наряду с семой направленности имеют дополнительные семы, уточняющие и расширяющие ядерную сему направленного передвижения.

Анализ ситуаций с бурятскими составными глаголами направления движения и китайскими сложными глаголами направления движения позволяет заключить следующее.

Семантика бурятских составных глаголов направления движения, в силу своей специфики, характеризуется универсальностью членения ситуации движения на составляющие компоненты, а именно, вся ситуация движения характеризуется двумя последовательными направленными микродвижениями со всеми составляющими (фон, фигура, маршрут и т.д.), при этом фоны микродвижений могут совпадать. Таким образом, универсальной чертой в выражении перемещения в пространстве бурятскими составными глаголами направления движения является сложноподчиненное движение, из чего можно заключить, что в бурятском языке в выражении движения очень важно само перемещение в пространстве независимо от говорящего. В китайском языке сложноподчиненное значение бурятских

глаголов выражается или простыми глаголами направления движения, или глаголами движения, а также видовыми формами.

Семантика китайских сложных глаголов направления движения характеризуется субъективной ориентацией в пространстве, т.е. в значении сложного глагола содержатся семы как движения, ориентированного в пространстве, так и сема субъективной ориентации, которая позволяет сложному китайскому глаголу в определенных ситуациях эксплицировать местоположение говорящего. Следует также отметить и важность трактовки фона (субъективный и объективный) в ситуациях движения, выраженных китайскими сложными глаголами. Исходя из особенностей семантики данных лексических единиц можно сделать вывод о том, что для китайского языка важно не просто ориентированное в пространстве движение, а какую позицию говорящий занимает в данной ситуации направленного движения (является фигурой, является фоном или простым наблюдателем), т.е. сфера субъекта является частью движения. Семантика сложных глаголов направления движения китайского языка зависит от многих субъективных факторов, и поэтому можно говорить об антропоцентрическом характере китайских сложных глаголов направления движения. Как показывает языковой материал, спецификой китайских сложных глаголов направления движения является также то, что китайские сложные глаголы направления движения в своих переносных значениях выражают не движение в пространстве, а абстрагированное перемещение объекта, например, *кит.* 希望回来 [xiwang huilai] «надежда вернулась», что не характерно для бурятских сложных глаголов направления движения.

Таким образом, несмотря на наличие в бурятском и китайском языках в группе глаголов направления движения сложных единиц, которые совпадают при выражении направленного движения, составные и сложные глаголы различаются по специфике выражения сложного движения.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

В данной главе был проведен анализ семантических структур глаголов направления движения бурятского и китайского языков, начиная с основного значения в сопоставительном ракурсе. Рассматриваемые лексические единицы развили богатые полисемантические связи и имеют разветвленную структуру полисемии, что делает их семантически емкими, содержательными. Нарращение смыслов глагольных единиц бурятского и китайского языков идет в разных направлениях, что объясняется различием в культурах и цивилизациях. Если в бурятском языке, языке монгольского этноса, принадлежащего к кочевой культуре, расширение значения глаголов рассматриваемой группы характеризуется передачей смыслов, связанных с бытом, природой: «проникать», «побеждать», «миновать» и т.д., то в китайском языке наращение значений идет в сторону передачи смыслов, связанных с государственной службой и государством: «совершенствоваться», «расти в карьере», «наступать» на противника и т.д.

С точки зрения тождества в семном составе сопоставляемых бурятских и китайских глаголов, все лексические единицы совпадают в передаче основного значения направленного передвижения относительно определенного фона, т.е. интегральные семы – это семы «движения» и «направления». Все рассмотренные совпадающие глагольные единицы групп глаголов направления движения бурятского и китайского языков, за исключением китайского глагола 出 [chi] – *движение изнутри фона*, совпадают в переносных значениях, связанных с «движением» времени.

Как было выявлено в процессе исследования, объемы лексического значения сопоставляемых единиц не совпадают, китайские глаголы направления движения в большинстве своем обладают большей полисемией. Если объемы полисемии совпадают, то, как правило, наращение смыслов глагольных единиц рассматриваемых языков идет в разных направлениях, например, бурятский глагол направления движения *орохо* – *движение внутрь фона* в прямых и переносных значениях передает более общую идею

направленного передвижения: «идти», «ехать» *куда-либо*, «входить в состав» *чего-либо* и пр.; переносные значения китайского же глагола 进 [jin] – *движение внутрь фона* связаны с чиновничьей деятельностью «ходить на аудиенцию», «идти на службу», «подавать заявление» и т.п., что характеризуется важностью государственной службы для древнего Китая.

Сопоставительный анализ прямых и переносных значений рассматриваемых лексических единиц также позволил увидеть, что комбинаторные возможности китайской лексической единицы семантически ограничены определенным кругом слов, входящих с ним в одно лексико-семантическое поле, архилексема которого может быть отражена в детерминативе иероглифического знака. Ярким примером стали предложения, где значения бурятского глагола *орохо* на китайский язык передаются определенным глаголом исходя из семантики фигуры: река, вода – 流 [liu] течь; свет – 透 [tou] проникать, просвечивать и т.д. Таким образом, можно констатировать, что употребление китайских глаголов зависимо от фигуры, что объясняется природой иероглифического знака.

Наше исследование позволило увидеть, что основные значения шести из десяти китайских глаголов, выделенных нами в группу для исследования в бурятском языке, выражаются глаголами разных лексико-семантических групп: глаголами группы созидания, группы эмотивности, группы мышления и т.д. При рассмотрении способов реализации переносных значений данных лексических единиц в бурятском языке было установлено, что некоторые значения китайских глаголов могут выражаться в бурятском языке глаголами направления движения. Тем самым путем экспериментального метода были выявлены ранее не фиксированные в словарях переносные значения глаголов движения *орохо движение внутрь* – «появляться», «показываться»; *гараха движение наружу* в значениях «появляться», «выступать» *на арене, на сцене* «происходить» *из*, «выдвигаться» *из среды*.

Языковой материал бурятского и китайского языков позволил выявить типологические (общие) и различительные черты сложных единиц лексико-семантического поля глаголов направления движения – составных глаголов бурятского языка и сложных глаголов китайского языка. Сопоставляемые составные бурятские и сложные китайские единицы тождественно передают не простое направленное движение, а наряду с семой направленности имеют дополнительные семы, уточняющие и расширяющие ядерную сему направленного передвижения.

Отличительной чертой составных глаголов направления движения бурятского языка является сложноподчиненность данных лексем, т.е. составляющие значение глагола семы отражают два разнонаправленных движения относительно совпадающих или несовпадающих фонов. Китайские сложные глаголы направления движения характеризуются субъектной ориентацией в пространстве, т.е. в значении содержатся как семы направленного движения в пространстве, так и субъективная ориентация данного движения по отношению к фону, который, в свою очередь, может определяться как субъективно, так и объективно. Спецификой китайских сложных глаголов направления движения является то, что китайские сложные глаголы направления движения в своих переносных значениях выражают не движение в пространстве, а абстрагированное перемещение объекта, что не характерно для бурятских сложных глаголов направления движения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе проведено сопоставительно-типологическое исследование семантики глаголов группы направления движения разноструктурных языков на материале бурятских и китайских глаголов. Фактический материал позволил увидеть, что бурятские и китайские глаголы тождественно полифункциональны, т.е. помимо самостоятельного функционирования в речи могут выступать в роли направительных морфем в составе составных (в терминологии бурятоведов) и сложных (в терминологии китаистов) глаголов. На основе семантики и полифункциональности глаголов разработаны единые принципы выделения их в отдельную лексико-семантическую группу глаголов направления движения из лексических систем бурятских и китайских глаголов, что составило четыре простых и двенадцать составных глаголов бурятского языка и два базовых, восемь простых и шестнадцать сложных глаголов китайского языка. Сформулировано определение глаголов направления движения для разносистемных языков.

В процессе сопоставительного анализа семантики бурятских составных глаголов направления движения попарно методом трансформации были выявлены некоторые специфические особенности на уровне сем, что позволило разделить составные глаголы направления движения на две группы:

а) глаголы, где семы, составляющие значение составной лексической единицы, равноправны, т.е. порядок сем в значении отражает порядок совершения сложноподчиненного движения (сначала значение, выраженное первым глаголом, входящим в состав сложной лексической единицы, а затем значение второй семы, при этом интервал между действиями минимален, второе действие происходит тут же, сразу же), семы полностью равноправны и не утрачивают своего значения: *ошоожо (ошоод) ерэхэ, ошоожо (ошоод) орохо, ошоожо (ошоод) гараха, ерэжэ (ерээд) ошохо, ерэжэ (ерээд) орохо,*

ерэжэ (ерээд) гараха, гаража (гараад) ерэхэ, гаража (гараад) орохо / орожо (ороод) гараха;

б) глаголы, где отношения между семами, составляющими значение составной лексической единицы, не равноправны, т.е. ядерное значение содержится в первой семе, вторая вносит сопутствующее значение в семантику составного глагола направления движения, т.е. утрачивает свое значение и выполняет функцию дополнения к значению первой семы: *орожо (ороод) ошохо, орожо (ороод) ерэхэ и гаража (гараад) ошохо.*

Проведенное исследование позволило определить критерии трактовки семантики китайских глаголов группы направления движения 来 [lai] – движение к фону и 去 [qi] – движение от фона. Установлено, что семантика указанных глаголов по-разному проявляет себя в зависимости от языковой ситуации, в которой используется глагол, т.е. направление относительно фона, выражаемое глаголами, может изменяться в зависимости от взаимоотношений всех компонентов ситуации направленного движения, включая говорящего. Проанализировав языковые ситуации с глаголами 来 [lai] – движение к фону и 去 [qi] – движение от фона, можно заключить следующее: языковые ситуации различаются:

- а) позицией говорящего по отношению к фону;
- б) местоположением говорящего внутри (или вне) ситуации движения;
- в) участием или неучастием говорящего в процессе действия-движения;
- г) позицией говорящего к фигуре, совершающей движение.

В данной работе впервые были установлены типологически общие черты бурятского и китайского языков на основе специфики выражения ситуаций движения Л. Талми глаголами направления движения. Выявлено, что языки имеют общие черты разных языковых типов: глагольного (когда в глаголе заложен маршрут движения), сателлитного (глагол является сателлитом, передавая направление движения, выраженного основным

глаголом) и эквивалентного (глагол входит в сериальную конструкцию: передача направления движения + способ движения).

Исследование языкового материала показало, что глаголы направления движения в рассматриваемых языках образуют полисемантические связи. Развитие многозначности глаголов происходит на основе функциональной общности значений. Выявление соотношения объема между прямыми и переносными значениями тождественных в основных значениях глаголов рассматриваемой группы, в сопоставлении позволило сделать вывод о том, что объем полисемии глаголов направления движения бурятского и китайского языков, соотносимых в основных значениях, не равнозначен. Это связано как с различием в объеме выражаемых понятий сопоставляемых лексем, так и со специфическими особенностями ассоциативных связей между главными и производными значениями глаголов рассматриваемых языков.

Сопоставительный анализ семантических структур бурятских и китайских глаголов направления движения позволил выявить факт того, что наращение смысла глагольных единиц бурятского и китайского языков идет в разных направлениях. В бурятском языке расширение значения глаголов характеризуется передачей смыслов, связанных с бытом, природой: «скрываться» *за чем-либо*, «забираться» *подо что-либо*, «проникать», «побеждать», «миновать» и т.д., в китайском языке наращение значений идет в сторону передачи смыслов, связанных с государственной службой и государством: «совершенствоваться», «расти в карьере», «наступать» на противника и т.д. Таким образом, специфика развития полисемии неразрывно связана с культурой бурятского и китайского народов.

С точки зрения тождества семного состава сопоставляемых бурятских и китайских глаголов, лексические единицы совпадают в передаче основного значения направленного движения относительно определенного фона, т.е. интегральными семами являются семы «движение» и «направление», которые сохраняются и при передаче переносных значений, где сема

физического движения в пространстве трансформируется в значение абстрактного передвижения в сознании индивидуума. Рассмотренные совпадающие глагольные единицы групп глаголов направления движения бурятского и китайского языков, за исключением китайского глагола 出 [chu] – *движение изнутри фона*, совпадают в переносных значениях, связанных с «движением» времени.

Сопоставительный анализ прямых и переносных значений глаголов направленного движения бурятского и китайского языков позволил выявить некоторые специфические черты китайских лексем, которые проявляются в их комбинаторных возможностях. Комбинаторика глаголов семантически ограничена определенным кругом слов, входящих с ним в одно лексико-семантическое поле, архилексема которого может быть отражена в детерминативе иероглифического знака. Например предложения, где разные значения бурятского глагола *орохо* объективируются в китайском языке определенными глаголами, в зависимости от значения фигуры: если фигура – деньги, то употребляется глагол 欠债 [qianzhai] *задолжать*; если фигура – солнце, то используется глагол 落 [luo] *закатываться* (о небесных светилах), если фигура – река, вода, то используется глагол 流 [liu] *течь*; и т.д. Таким образом, употребление китайских глаголов находится в тесной связи с фигурой, что объясняется природой иероглифического знака.

Наряду с изучением в сопоставительном плане совпадающих в основных значениях глаголов бурятского и китайского языков также были рассмотрены семантические характеристики специфических китайских глаголов направления движения и способы выражения их значений в бурятском языке. Специфические глаголы китайского языка передаются на бурятский язык глаголами разных лексико-семантических групп: глаголами группы созидания, группы эмотивности, группы мышления и т.д. Установлено, что некоторые значения китайских лексем могут выражаться в

бурятском языке глаголами направления движения, что позволяет говорить о том, что путем экспериментального метода выявлены ранее не фиксированные в словарях переносные значения таких бурятских глаголов движения, как *орохо* – движение внутрь в значении «появляться», «показываться»; *гараха* – движение наружу в значениях «появляться», «выступать» на арене, на сцене «происходить» из, «выдвигаться» из среды.

Рассмотрение бурятских составных глаголов направления движения и китайских сложных глаголов направления движения в сопоставительно-типологическом аспекте позволило обнаружить различительные черты их семантики. В своем значении данные сложные лексемы наряду с семой «движение» и «направление» имеют дополнительные семы, уточняющие и расширяющие данные ядерные семы.

Бурятские составные глаголы направления движения характеризуются сложноподчиненностью, т.е. ситуация движения бурятского глагола включает в себя два направленных микродвижения, каждое со своим фоном и маршрутом (в некоторых глаголах фоны микродвижений могут совпадать), что не характерно для сложных китайских глаголов направления движения. В китайском языке значения сложноподчиненного движения выражаются или аспектуальными формами глагола (вид и способ действия), или двумя глаголами движения.

Установлено, что особенностью китайских сложных глаголов направления движения является их субъективная ориентация в пространстве, которое вносится базовыми глаголами направления движения 来 [lai] и 去 [qu], т.е. в значении сложной лексической единицы содержатся семы как направленного движения в пространстве, так и субъективной ориентации данного движения по отношению к фону.

Таким образом, в бурятском языке в выражении направленного движения очень важно само направленное перемещение в пространстве

независимо от говорящего, и можно констатировать, что говорящий не включается в сферу движения.

Китайские сложные глаголы направления движения характеризуются субъективной ориентацией в пространстве, т.е. в значении сложного глагола содержатся семы как движения ориентированного в пространстве, так и сема субъективной ориентации, которая позволяет сложному китайскому глаголу в определенных ситуациях эксплицитно указывать местоположение говорящего. Необходимо отметить и тот факт, что трактовка фона в ситуациях движения, выражаемых базовыми глаголами и сложными глаголами направления движения китайского языка, очень важна, так как фон (субъективный или объективный) влияет на семантику данных глаголов. Было выявлено, что для китайского языка важно не только направленное движение, а имело значение, какую позицию говорящий занимает в данной ситуации движения (является фигурой, является фоном или простым наблюдателем), т.е. сфера субъекта является частью движения.

Была выявлена универсальная черта китайских сложных глаголов направления движения, не свойственная бурятским глаголам направления движения, – возможность употребляться в переносных значениях, выражая не движение в пространстве, а абстрагированное перемещение объекта, например, *кит.* 希望回来 [xiwang huilai] – надежда вернулась, что не характерно для бурятских сложных глаголов направления движения.

Подводя итог, можно констатировать тот факт, что особенностью семантики бурятских составных глаголов движения со значением направленности является детализация вектора движения: глагол состоит из двух сем, обозначающих направление, например, внутрь и затем наружу *ороод гараха* или направление по горизонтали и назад *ошоод ерэхэ* и т.д. (см. рис. 1.1 – 1.14). Важная черта семантики китайских сложных глаголов направления движения – это субъективация движения. Китайские сложные лексемы антропоцентричны, т.е. в их семантике, наряду с семами движения и

направления содержится сема субъективной ориентации движения, которая может реализоваться по-разному:

а) говорящий может является субъектом движения – фигурой (совершать движение);

б) говорящий может не являться участником движения, а быть сторонним наблюдателем за движением (сообщать о движении);

в) говорящий может являться участником движения – фоном (движение направлено к нему).

Все вышеизложенные факты позволяют говорить о том, что многомерность пространства по-разному концептуализируется и отражается в сознании носителей бурятского и китайского языков и тем самым формирует самобытную и уникальную картину мира, которая, в свою очередь, является неотъемлемой составляющей любой языковой картины мира.

Таким образом, данное исследование в рамках сопоставительно-типологического анализа отдельной лексико-семантической группы глаголов разноструктурных языков позволило увидеть функционирование языковых явлений, как общих, так и специфических для агглютинативных и изолирующих типов языков, что может послужить толчком для новых исследований в рамках сопоставительной типологии, лексической типологии, лингвокультурологии и других направлений лингвистики.

Цель данного исследования не позволила подробно рассмотреть некоторые важные вопросы функционирования бурятских и китайских глаголов направления движения, а именно особенности функционирования составных бурятских и сложных китайских глаголов направления движения в соединении с простыми глаголами движения, особенности грамматической семантики бурятских и китайских глаголов направления движения и т.д., что говорит о важности продолжения исследования и разработки темы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверьянова, А.П. Глаголы движения (перемещения) в современном русском языке / А.П. Аверьянова // Ученые записки Ленинградского ун-та. – Ленинград, 1973. – № 375, вып. 77. Исследования по грамматике русского языка. – С. 3-11.
2. Адъяа Гэрэлмаа. Члены предложения в китайском языке в сравнении с монгольским языком : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Гэрэлмаа Адъяа. – Санкт-Петербург, 2007. – 160 с.
3. Апресян, Ю.Д. Избранные труды / Ю.Д. Апресян. – Москва, 1995. – Т.1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – С. 3-69.
4. Апресян, Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола / Ю.Д. Апресян. – Москва : Наука, 1967. – 251 с.
5. Арнольд, И.В. Основы научных исследований в лингвистике / И.В. Арнольд. – Москва : Либерком, 2011. – 144 с.
6. Атрощенко, А.Ф. О сочетаемости глаголов движения в современном русском языке / А.Ф. Атрощенко // Ученые записки Горьковского пед. института. – 1967. – Вып. 68. – С. 161-175.
7. Афифи, М. Глаголы «идти – ходить» и производные от них в современном русском языке / М. Афифи // Русский язык в национальной школе. – 1968. – № 5. – С. 75-78.
8. Базарова, В.В. Типология процессов развития лексики бурятского и русского языков / В.В. Базарова. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. – 127 с.
9. Бабушкин, С.М. Бурятско-русский и русско-бурятский словарь: в 2 ч. / С.М. Бабушкин ; М-во образования Рос. Федерации, Бурят. гос. ун-т. – 8-е изд., стереотип. – Улан-Удэ : Респ. тип., 2007. – 566 с.
10. Баженов, Г.А. Вопросы фразеологии в сопоставительном аспекте: на материале китайского и русского языков : диссертация на соискание

- ученой степени кандидата филологических наук / Г.А. Баженов. – Москва : Военный институт, 1999. – 160 с.
11. Бардамова, Е.А. Время в языковой картине мира бурят / Е.А. Бардамова. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. – 196 с.
 12. Бардамова, Е.А. Пространство в языковой картине мира бурят / Е.А. Бардамова. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. – 200 с.
 13. Барыс-Хоо, В.С. Лексико-семантическая группа глаголов движения в тувинском языке в сопоставительном аспекте : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / В.С. Барыс-Хоо. – Новосибирск, 2006. – 338 с.
 14. Белошапкова, Т.В. Когнитивно-дискурсивное описание категории аспектуальности в современном русском языке / Т.В. Белошапкова. – Москва, 2007.
 15. Бертагаев, Т.А. О морфологическом строе бурятского языка / Т.А. Бертагаев. – Москва : Изд-во АН СССР, 1961. – 30 с.
 16. Большой китайско-русский словарь : в 4 т. / под ред. И. М. Ошанина. – Москва : Наука, 1984.
 17. Блягоз, З.У. Глаголы перемещения в современном русском литературном языке : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / З.У. Блягоз. – Горький, 1964. – 24 с.
 18. Бондарко, А.В. Грамматическая категория и контекст / А.В. Бондарко. – Ленинград, 1971.
 19. Бондарко, А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка / А.В. Бондарко. – Москва, 2002.
 20. Бондарко, А.В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования / А.В. Бондарко. – Москва, 2005.
 21. Ботороева, Н.М. Имя существительное как часть речи в монгольском и китайском языках : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Н.М. Ботороева. – Улан-Удэ, 2003. – 179 с.

22. Бурятские народные сказки. Волшебные. Бытовые. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – 188 с.
23. Бурятско-русский словарь / сост. К.М. Черемисов. – Москва : Советская энциклопедия, 1973. – 804 с.
24. Буторин, С.С. Директивные глагольные сателлиты в кетском языке и типология моделей лексикализации Л. Талми / С.С. Буторин // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). – 2012. – № 1(116). – С. 33-37.
25. Бухаева, О.Д. Типологическое сопоставление фонем и их сочетаемости в бурятском и русском языках / О.Д. Бухаева. – Новосибирск : Изд-во Новосибирского университета, 1991. – 132 с.
26. Ван Ляои. Основы китайской грамматики / Ван Ляои. – Москва, 1954. – 262 с.
27. Васильев, Л.М. Значение в его отношении к системе языка : учебное пособие по спецкурсу для студентов филол. факультетов / Л.М. Васильев; Башк. государственный университет им. 40-летия Октября. – Уфа, 1985. – 62 с.
28. Васильев, Л.М. Современная лингвистическая семантика : учебное пособие для вузов / Л.М. Васильев. – Москва : Высшая школа, 1990. — 176 с.
29. Влавацкая, М.В. Валентность как потенциал языковой синтагматики: лексикографический аспект / М.В. Влавацкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 1(12). – С.46-51.
30. Гак, В.Г. Теоретическая грамматика французского языка / В.Г. Гак. – Москва : Добросвет, 2004. – 861 с.
31. Гак, В.Г. Метафора: универсальное и специфическое / В.Г. Гак // Метафора в языке и тексте. – Москва : Наука, 1988. – С. 11-26.
32. Гак, В.Г. Пространство времени / В.Г. Гак // Логический анализ языка. Язык и время. – Москва : Индрик, 1997. – С.122-130.
33. Гак, В.Г. Русская динамическая языковая картина мира / В.Г. Гак // Русский язык сегодня. – Москва : Азбуковник, 2000. – Вып. 1. – С. 36-45.

34. Гак, В.Г. Сравнительная типология русского и французского языков / В.Г. Гак. – Москва, 1989. – 288 с.
35. Галкина, И.А. Роль глаголов движения в репрезентации пространственных отношений (на материале древнеанглийского языка) / И.А. Галкина // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2006. – Вып. 4(55). Гуманитарные науки (филология). – С. 25-28.
36. Галсан, С. Сопоставительная грамматика русского и монгольского языков / С. Галсан. – Улан-Батор : Изд-во Министерства народного образования МНР, 1975. – Ч.1. Фонетика и морфология. – 319 с.
37. Гасанова, Р.О. Глаголы движения в русском и лезгинском языках (к проблеме соотношения грамматической и семантической структуры слова) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Р.О. Гасанова. – Саратов, 1996. – 131 с.
38. Глаголы движения в воде: лексическая типология / ред. Т.А. Майсак, Е.В. Рахилина. – Москва : Индрик, 2007. – 752 с.
39. Горелов, В.И. Лексикология китайского языка / В.И. Горелов. – Москва : Просвещение, 1984. – 216 с.
40. Горелов, В.И. Теоретическая грамматика китайского языка / В.И. Горелов. – Москва : Просвещение, 1989. – 318 с.
41. Готлиб, О.М. Практическая грамматика современного китайского языка / О.М. Готлиб. – 2-е изд., испр. – Москва : Муравей, 2002. – 304 с.
42. Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания, Ин-т народов Азии ; отв. ред. Г.Д.Санжеев. – Москва : Изд-во восточной литературы, 1962. – 340 с.
43. Грамматика бурятского языка. Синтаксис / отв. ред. Г.Д. Санжеев. – Москва : Изд-во восточной литературы, 1962. – 317 с.
44. Гуан Лили. Глаголы движения в русском и китайском языках : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Гуан Лили. – Бишкек, 2012. – 21 с.

45. Гулыга, Е.В. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс. – Москва : Просвещение, 1969. – 184 с.
46. Гумбольдт, В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества /В. Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – Москва, 1984. – 400 с.
47. Гэн Усинь. Структура имени и именные сочетания в современных русском и китайском языках : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Гэн Усинь. – Москва : Изд-во РУДН, 2010. – 182 с.
48. Дадуева, Е.А. Казуативные отношения в глагольной лексике бурятского языка в сопоставлении с русским языком : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Е.А. Дадуева. – Улан-Удэ, 2008. – 187 с.
49. Дамбиева, Э.Б. Семантическая категория времени в бурятском языке / Э.Б. Дамбиева // Байкальские встречи-III: Культуры народов Сибири : материалы III Международного научного симпозиума. – Улан-Удэ : Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2001. – Т. 2. – С.291-294.
50. Дарбеева, А.А. Сравнительная характеристика основных структурных особенностей бурятского и русского языков / А.А. Дарбеева // Развитие национально-русского двуязычия. – Москва, 1976. – С. 157-183.
51. Дашинамаева, П.П. Типология аспектуальности (на материале бурятского и английского языков) / П.П. Дашинамаева. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета , 2003. – 171 с.
52. Драгунов, А.А. Исследования по грамматике современного китайского языка / А.А. Драгунов. – Москва, 1952. – Т.1. – 232 с.
53. Дубкова, О.В. Когнитивные основания выделения тематических групп: на материале анализа названий птиц в русском и китайском языках :

- диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / О.В. Дубкова. – Новосибирск, 2003. – 226 с.
54. Ду Хунцзюнь. Система приставочных глаголов движения в русском языке в сопоставлении с китайским языком : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.01 / Ду Хунцзюнь ; РАН, Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – Москва, 2010. – 199 с.
55. Ду Хунцзюнь. Система приставочных глаголов движения в русском языке в сопоставлении с китайским языком : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ду Хунцзюнь ; РАН, Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – Москва, 2010. – 33 с
56. Ду Хунцзюнь. Специфика ориентации движения в пространстве (на материалах русских глаголов движения) / Ду Хунцзюнь // Гуманитарные и социальные науки. – 2010. – №1. – С. 12-15.
57. Духовная культура Китая. Энциклопедия : в 5 т. Т. 3. Литература. Язык и письменность. / гл. ред. М.Л. Титаренко. – Москва : Восточная литература, 2008. – 855 с.
58. Ду Яли. Функционально-семантическое поле состояния в современном русском и китайском языках : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ду Яли. – Волгоград : ВГПУ, 2006. – 176 с.
59. Дырхеева, Г.А. Бурятский язык в условиях двуязычия: проблемы функционирования и перспективы развития / Г.А. Дырхеева. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. – 168 с.
60. Егодурова, В.М. Типология глагола в бурятском и русском языках (на материале глаголов движения) / В.М. Егодурова. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 1995. – 151 с.

61. Егодурова, В.М. Глагол в бурятском языке: история изучения / В.М. Егодурова. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2001. – 288 с.
62. Егодурова, В.М. Бурятский глагол : учебное пособие / В.М. Егодурова. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2003. – 140 с.
63. Жаргалов, А.С. Интонационное оформление коммуникативно-модальных разновидностей общего вопроса в бурятском языке в сопоставлении с русским (экспериментально-фонетическое исследование) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / А.С. Жаргалов. – Улан-Удэ, 1982. – 18 с.
64. Жирмунский, В.М. Морфологическая структура слова в языках различных типов / В.М. Жирмунский, И.О. Суник. – Москва-Ленинград : Академия наук СССР, 1963. – 291 с.
65. Забанова, Л.Е. Дистрибуция антропонимических моделей в бурятском и английском языках / Л.Е.Забанова. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2000. – 22 с.
66. Задоев, Т.П. Начальный курс китайского языка / Т.П. Задоев, Хуан Шуин. – 2-е изд., стер. – Москва : Восточная книга (Восток-Запад Муравей), 2004. – Ч. 2. – 336 с.
67. Занина, Е.Ю. Семантическая классификация глаголов современного китайского языка / Е.Ю. Занина // Вестник СПбГУ. – Сер.13. – 2010. – Вып. 2. – С. 186-201.
68. Золхоев, В.И. Гласные фонемы бурятского и русского языков / В.И. Золхоев. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 1988. – 40 с.
69. Иванов, А.И. Грамматика современного китайского языка / А.И. Иванов, Е.Д. Поливанов. – Москва : Изд-во УРСС, 2003. – 303 с.
70. Кацнельсон, С.Д. Общее и типологическое языкознание / С.Д. Кацнельсон. – Москва : Наука, 1986.

71. Кацнельсон, С.Д. К понятию типов валентности / С.Д. Кацнельсон // Вопросы языкознания. – Москва, 1987. – С. 20-32.
72. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика : учебник / И.М. Кобозева. – 4-е изд. – Москва : Либроком, 2009. – 352 с.
73. Кондрашевский, А.Ф. Практический курс китайского языка : пособие по иероглифике / А.Ф. Кондрашевский. – Москва : Муравей, 2000. – Ч. 1. – 152 с.
74. Коротков, Н.Н. Основные особенности морфологического строя китайского языка (грамматическая природа слова) / Н.Н. Коротков. – Москва : Наука, 1968. – 400 с.
75. Косицына, Е.Ф. Семантическая валентность глаголов зрения и способы их выражения : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Е.Ф. Косицына. – Москва : Изд-во МПГУ, 2002. – 160 с.
76. Котова, Ю.А. Функционирование глаголов завершеного и незавершеного вида в русском языке: в зеркале китайского языка : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ю.А. Котова. – Москва, 2006. – 249 с.
77. Краткий русско-бурятский словарь / сост. Ц.Б. Цыдендамбаев, М.Н. Имехенов. – Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1962. – 646 с.
78. Кронгауз, М.А. Семантика : учебник для студентов лингвистических факультетов высших учебных заведений / М.А. Кронгауз. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Академия, 2005. – 352 с.
79. Кубрякова, Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова / Е.С. Кубрякова. – Москва : Наука, 1981. – 200 с.
80. Кубрякова, Е.С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) / Е.С. Кубрякова // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1997. – Т. 56, № 3. – С. 22-31.

81. Кубрякова, Е.С. О понятиях места, предмета и пространства / Е.С. Кубрякова // Логический анализ языка. Языки пространств. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – С. 84-92.
82. Кузнецов, А.М. От компонентного анализа к компонентному синтезу / А.М. Кузнецов. – Москва : Наука, 1986. – 126 с.
83. Курдюмов, В.А. Курс китайского языка. Теоретическая грамматика / В.А. Курдюмов. – Москва : Цитадель-трейд; Лада, 2005. – 576 с.
84. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Дж. Лайонз ; пер. с англ ; под ред. В.А.Звегинцева. – Москва : Прогресс, 1978. – 544 с.
85. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцев. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
86. Ли Сяодун. Языковые различия и их отражение в лексической семантике китайского и русского языков / Ли Сяодун // Вопросы филологии. – 2003. – № 2 (14). – С. 30-34.
87. Логический анализ языка: языки пространств / под ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – 448 с.
88. Люй Шусян. Очерк грамматики китайского языка / Люй Шусян. – Москва : Восточная литература, 1961. – Т.1. – 266 с.
89. Лян Сяонань. Особенности значения «ориентированность движения у китайских глаголов движения *lai* и *qi*» / Лян Сяонань, Ду Хунцзюнь // Язык, сознание, коммуникация : сборник статей. – Москва : МАКС Пресс, 2010. – Вып. 41. – С. 58-58.
90. Мадаена, А. Синтаксис и семантика глаголов движения с приставкой за- (в зеркале персидского языка) / А. Мадаена // Язык, сознание, коммуникация : сборник статей. – Москва : МАКС Пресс, 2001. – Вып.18. – С. 43-55.
91. Майсак, Т.А. Семантика и статистика: глагол ИДТИ на фоне других глаголов движения / Т.А. Майсак, Е.В. Рахилина // Логический анализ языка: языки динамического мира. – Дубна : Международный университет природы, 1999. – С. 53-66.

92. Майсак, Т.А. Типология систем глагольной лексики: движение в воде / Т.А. Майсак, Е.В. Рахилина // Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие : материалы конференции. – Санкт-Петербург, 2003. – С. 89-91.
93. Майсак, Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции / Т.А. Майсак. – М.: Языки славянских культур, 2005. – 480 с.
94. Малакшинов, П.И. Очерки по методике преподавания морфологии русского языка в бурят-монгольских школах (Сравнительная характеристика морфологии русского и бурят-монгольского языков и методические выводы) / П.И. Малакшинов. – Улан-Удэ : Бурят-монгольское гос. издательство, 1951. – 174 с.
95. Мангадаев, М.Н. Основные особенности грамматического строя русского и бурятского языков / М.Н. Мангадаев. – Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1959. – 48 с.
96. Маслов, Ю.С. Очерки по аспектологии / Ю.С. Маслов. – Ленинград, 1984. – 263 с.
97. Мельчук, И.А. Опыт теории лингвистических моделей «смысл-текст» / И.А. Мельчук. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – Т. XXII. Язык, семиотика, культура. – 346 с.
98. Митрофанова, О.А. Структурный анализ сингификативного значения (на материале глаголов процесса мышления английского и русского языков) / О.А. Митрофанова. – Санкт-Петербург : Языковой центр СПбГУ, 1997. – 40 с.
99. Молонова, Л.Б. Антонимы в бурятском языке: лексико-грамматический аспект: в сопоставлении с антонимами русского языка : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Л.Б. Молонова. – Улан-Удэ, 2008. – 161 с.
100. Монгол онтохонууд / Гарма-Доди Дамбаевой оршуулга. – Улан-Удэ: Бэлиг, 2009. – 152 с.

101. Муравьева, Л.С. Глаголы движения в русском языке / Л.С. Муравьева. – Москва : Русский язык, 1974. – 280 с.
102. Намсараев, Х. Суглуулагдамал зохеолнууд : в 5 т. / Х. Намсараев. – Улан-Удэ : Бурят-Монгольское книжное изд-во, 1957.
103. Нанзатов, Б.З. Пространство в традиционной культуре монгольских народов / Б.З. Нанзатов, Д.А. Николаева, М.М. Содномпилова, О.А. Шагланова. – Москва : Восточная литература, 2008. – 341 с.
104. Ошанин, И.М. Учебник китайского языка / И.М. Ошанин. – Москва : Военный институт иностранных языков, 1946. – 252 с.
105. Панфилов, В.С. Формализованный подход к выделению грамматических классов слов в китайском языке / В.С. Панфилов // Вопросы языкознания. – 2003. – № 6. – С. 65-75.
106. Помпанова, Г.В. Понятие поля в современных лингвистических исследованиях / Г.В. Помпанова // Гегярлат (Просвещение). – 2005. – №1-2. – С. 124-127.
107. Поппе, Н.Н. Грамматика бурят-монгольского языка / Н.Н. Поппе. Ленинград : Изд-во АН СССР, 1938. – 268 с.
108. Раднаева, Э.Э. Сопоставительно-типологическая фонология бурятского и английского языков : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Э.Э. Раднаева. – Улан-Удэ, 2005. – 225 с.
109. Рахилина, Е.В. О лексико-семантической типологии /Е.В. Рахилина, Т.А. Майсак // Глаголы движения в воде: лексическая типология. – Москва : Индрик, 2007. – С. 9-26.
110. Рахилина, Е.В. Семантика русского *си-деть* на фоне нидерландского *zitten* / Е.В. Рахилина, М. Лемменс // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. – Москва : ИРЯ РАН, 2003. – С. 120-125.
111. Рогозная, Н.Н. Исследование субординативного билингвизма по обе стороны контактирования языков (китайско-русский и русско-китайский интерязык) / Н.Н. Рогозная, Ма Пин // Лингвистические и методические

стратегии обучения иностранцев русскому языку как средству межкультурной коммуникации : международный семинар-совещание, проводимый в рамках IV Байкальского экономического форума (Иркутск, 21-23 сентября 2006 г.). – Иркутск : Изд-во Иркутского госуниверситета, 2006. – С.56-63.

112. Рукодельникова, М.Б. Глаголы перемещения в воде в китайском языке / М.Б. Рукодельникова // Глаголы движения в воде: лексическая типология. – Москва : Индрик, 2007. – С. 595-616.
113. Сажин, Ж.С. Сопоставительная грамматика русского и бурятского языков (Морфология) / Ж.С. Сажин. – Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1984. – 144 с.
114. Санжеев, Г.Д. Грамматика бурят-монгольского языка / Г.Д.Санжеев. – Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1941. – 188 с.
115. Саттарова, М.Р. Сопоставительное изучение лексико-семантической сферы глаголов движения в русском и узбекском языках : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / М.Р. Саттарова. – Казань, 1967. – 218 с.
116. Семенов, А.Л. Лексическая и словообразовательная антонимия в китайском языке / А.Л. Семенов // Исследования по восточным языкам. – Москва, 1973. – С. 192 – 201.
117. Семенов, А.Л. Лексикология современного китайского языка : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.22 / А.Л. Семенов. – Москва, 1993. – 38 с.
118. Семенов, А.Л. Лексика китайского языка / А.Л. Семенов. – Москва, 2000. – 312 с.
119. Скребцова, Т.Г. Американская школа когнитивной лингвистики / Т.Г. Скребцова. – Санкт-Петербург, 2000. – 204 с.
120. Содномпилова, М.М. Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов / М.М. Содномпилова. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – 366 с.

121. Солнцев, В.М. Введение в теорию изолирующих языков / В.М. Солнцев. – Москва : Восточная литература РАН, 1995. – 352 с.
122. Солнцева, Н.В. Проблемы морфологии изолирующих языков в типологическом освещении : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Н.В. Солнцева. – М., 1984. – 419 с.
123. Талми, Л. Отношение грамматики к познанию / Л. Талми // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 1999. – №1. – С. 91-115; №4. – С. 76-104.
124. Тань Аошуан. Проблемы скрытой грамматики: синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка) / Тань Аошуан. – Москва : Языки славянской культуры, 2002. – 896 с.
125. Тань Аошуан. Китайская картина мира: язык, культура, ментальность / Тань Аошан. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 240 с.
126. Топоров, В.Н. Исследования по этимологии и семантике : в 3 т. / В.Н. Топоров. – Москва, 2005. – Т.1. Языки славянской культуры. – 816 с.
127. Умарова, Л.Д. Лексико-семантическая группа глаголов перемещения в русском языке (в сопоставлении с татарским) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Л.Д. Умарова. – Москва, 1980. – 25 с.
128. Философская энциклопедия / гл. ред. Ф. В. Константинов. – Москва : Советская энциклопедия, 1960. – Т. 1. А -Дидро. – 504 с.
129. Хаматова, А.А. Словообразование современного китайского языка / А.А. Хаматова. – Москва : Муравей, 2003. – 244 с.
130. Харташкина, Р.Х. Глаголы движения в русском и монгольском языках / Р.Х. Харташкина // Труды Иркутского госуниверситета. Сер. Языкознание. – Иркутск, 1965. – Т.36, вып. 2. – С.155-160.
131. Цыдендамбаев, Ч. Банзарай хубүүн Доржо / Ч. Цыдендамбаев. – Улан-Удэ, 1953. – 123 с.

132. Цыдыпов, Ц-Ж.Ц. Аналитические конструкции в бурятском языке / Ц-Ж.Ц. Цыдыпов. – Улан-Удэ : Бурятское книжное изд-во, 1972. – 298 с.
133. Черемисов, К.М. Заметки по бурят-монгольскому языку. Синтаксическое употребление некоторых глаголов / К.М. Черемисов // Записки Бурят-Монгольского гос. научно-исслед. ин-та языка, литературы и истории. – Улан-Удэ, 1939. – Вып. 1. – С. 24-69.
134. Шагдаров, Л.Д. Бурятско-русский словарь : в 2 т. / Л.Д. Шагдаров, К.М. Черемисов. – Улан-Удэ : Республиканская типография, 2006.
135. Шагдарова, Д.Л. Сопоставление лексико-семантических групп в бурятском и русском языках и обеспечение эквивалентности в переводе / Д.Л. Шагдарова // Вопросы филологии. – 2005. – № 1(19). – С. 53-57.
136. Шайкенова, Ж.К. Семантика глаголов движения в казахском и русском языках : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ж.К. Шайкенова. – Алма-Ата, 1981. – 23 с.
137. Шамне, Н.Л. Семантика немецких глаголов движения и их русских эквивалентов в лингвокультурологическом освещении / Н.Л. Шамне. – Волгоград : Изд-во Волгоградского государственного университета, 2000. – 392 с.
138. Шмарова, Ж.В. Словообразовательная и содержательная структура глаголов китайского языка, образованных по атрибутивной модели сложения : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ж.В. Шмарова. – Владивосток : Изд-во ДВГУ, 2003. – 215 с.
139. Шойнжонова, Д.Б. Семантика послеложных конструкций, выражающих пространственные отношения (на материале бурятского языка) / Д.Б. Шойнжонова // Современные гуманитарные исследования. – 2005. – № 5. – С. 217-219.
140. Шустова, С.В. Валентностный потенциал глаголов с инкорпорированным актантом-локативом / С.В. Шустова,

- Е.А. Смирнова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2006. – № 5(15). – С. 180-183.
141. Шутова, Е.И. Синтаксис современного китайского языка / Е.И. Шутова. – Москва : Наука, 1991. – 391 с.
142. Шутова, Е.И. Проблема выделения слова в китаеведении / Е.И. Шутова // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С.61-72.
143. Щерба, Л.В. Очередные проблемы языковедения / Л.В. Щерба // Известия Академии наук СССР. – 1945. – Т.4, вып.5. – С. 173-186.
144. Щур, Г.С. Теория поля в лингвистике / Г.С. Щур. – Москва : Наука, 1974. – 254 с.
145. Ярема, Е.В. Функционально-семантические особенности глаголов движения: на материале русского, английского и французского языков : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Е.В. Ярема. – Армавир, 2008. – 181 с.
146. Яхонтов, С.Е. Категория глагола в китайском языке / С.Е. Яхонтов. – Ленинград, 1957. – 181 с.
147. James H-Y. Tai. Cognitive relativism: resultative construction in Chinese [Электронный ресурс] / H-Y. James // Language and linguistics 4.2. – 2003. – P. 301-316. – Режим доступа : <http://140.123.5.6/linguist/tai/LL4.2-05-Tai.pdf> (дата обращения: 15.09.2012).
148. James H-Y. Tai. Conceptual structure and conceptualization in Chinese [Электронный ресурс] / H-Y. James // Language and linguistics. 6.4. – 2005. – P. 539-574. – Режим доступа : http://www.ccunix.ccu.edu.tw/~lngsign/Tai_2005a_Conceptual.pdf (дата обращения: 15.09.2012).
149. Jerom L. Packard. The Morphology of Chinese: A linguistic and Cognitive approach / L. Jerom. – 北京 : 外语教学与研究出版社 Пекин : Преподавание и исследование иностранных языков, 2001. – 344 с.

150. Talmy Leonard. Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms // Timothy Shopen, ed. Language typology and syntactic description, second edition. Vol III. Grammatical categories and the lexicon. -, Cambridge: Cambridge University press 1985. – P.57-149.
151. Talmy Leonard. Toward a Cognitive Semantics. Vol. 2. Typology and process in concept structuring. – Cambridge: MIT Press, 2000. – 495 p.
152. Wolfgang Klein, Ping Li and Henriette Hendriks (2004) Aspect and assertion in mandarin Chinese // Journal of East Asian Linguistics. – № 13. – P. 723 - 770.
153. 催达送 Цуй Дасун. 论位移动词“去”入句功能的发展及其“往到”义的产生
О развитии синтаксических функций глагола движения «qu» и формировании смысла «в направлении до».滁州学院学报 Чучжоу : Изд-во Института Чучжоу, 2006. – № 8(1). – С.1-6.
154. 李德津 Ли Дэцзинь , 程美珍 Чэн Мэйчжень 外国人实用汉语语法
Практическая грамматика китайского языка для иностранцев. 2版 (修订本) Второе издание (исправленное). – 北京 Пекин : 北京语言大学出版社 Издательство Пекинского университета иностранных языков, 2008. – 652 с.
155. 李普霞 Ли Пуся 现代汉语动词直接做定语研究 Исследование глаголов современного китайского языка, выступающих в качестве определения. 北京 Пекин : 商务印书馆 Шануинь, 2008. – 246 с.
156. 马庆株 Ма Цинчжу 汉语动词和动词性结构 Китайские глаголы и глагольные конструкции. 北京 Пекин : 北京大学出版社 Издательство Пекинского университета, 2005. – 223 с.

157. 马烧莹 Ма Шаоин 现代汉语趋向动词语义研究. Исследование семантики глаголов направления движения современного китайского языка. 硕士论文 Магистерская работа. 复旦大学 Университет Фудань, 2004.
158. 散文佳作 108 篇 108 шедевральных саньвэней /乔萍等编著 под редакцией Цзяо Пин. 南京:译林出版社, Нанкин: Илин. 2009. – 602 с.
159. 邵敬敏 Шао Цзинминь 汉语语法学史稿 очерк истории грамматики китайского языка. 修订本 исправленное издание.北京 Пекин: 商务印书馆 Издательство Шаньвуйнь, 2006. – 409 с.
160. 王冬竹 Ван Дунчжу. 俄汉口语语用对比研究 Сравнительное исследование прагматики русской и китайской разговорной речи. 黑龙江人民出版社 Харбин: Изд-во Хэйлунцзян женьминь, 2004. – 246 с.
161. 王媛. Ван Юань. 动词的方向性研究与趋向动词教学 Исследование направленности глаголов и преподавание глаголов направления движения. 北京语言大学出版社 Издательство Пекинского лингвистического университета, 2011. – 243 с.
162. 现代汉语词典 Толковый словарь современного китайского языка. 第5版 5-е изд. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编 Китайский общественно-научный институт, отделение лингвистики, редакция словарей 商务印书馆北京 Пекин: Шаньву 2008. – 1870 с.
163. 现代汉语 7000 通用(规范)字正形、正音、正义字典 Норма написания, произношения и значение 7000 общеупотребительных иероглифов

современного китайского языка. 罗志武主编 гл. ред. Ло Чжиу. 贵阳: 贵州人民出版社 Гуйян : Гуйчжоу женьминь, 2003. – 707 с.

164. 新俄汉词典 Новый китайско-русский словарь (增订版 дополненное издание) 辽宁大学外语系 Факультет иностранных языков Университета Ляонин. 沈阳 Шеньян 辽宁人民出版社 : Ляонин женьминь, 2007. – 2208 с.
165. 幸承姬 Син Сынг Хи. 汉语趋向动词系统. Система китайских глаголов направления движения // 汉语学报 1 期 (2000 年上卷) Вестник китайского языка. – 2000. – № 1. – С. 97-105.
166. 吴芳 У Фан. 俄汉熟语概念的对比分析 Сравнительный анализ смыслов идиом русского и китайского языков // 中国俄语教学 Русский язык в Китае. – 2006. №25.1. – С. 32-35.
167. 张斌 Чжан Бинь 简明现代汉语 краткий курс современного китайского языка. 上海 Шанхай. 复旦大学出版社 : Издательство Университета Фудань, 2004. – 422 с.
168. 张发明 Чжан Фамин. 趋向动词“来”“去”新议. Новое в вопросе о глаголах направления движения “lai” и “qu”. // 四平师院学报 Вестник педагогического института Сыпин – 1983. – С. 93 -102.
169. 张志军 Чжан Чжицзюнь. Сопоставительное исследование русского языка с китайским в аспекте аспектуальности // 语言-文化-交际. Язык, культура, коммуникация 国际学术会议论文集. 主编 王仰正 , 王永. 黑龙江人民出版社. – 哈尔滨. 2007. 415 页 (106-116).

170. 中华现代汉语词典 Толковый словарь современного китайского языка КНР. 中国语言文字系列辞书编委会 《中华现代汉语词典》编委会 Совместное издание объединения серии китайской филологии раздела лексикографии и объединения «Толковый словарь современного китайского языка КНР». – 北京 Пекин: 中国大百科全书出版社 Чжунго да бай кэ цюань шу, 2007. – 1435 с.
171. 中国女性文学：新名篇 Женская китайская литература: новые имена. 新解读/王红旗主编 / под ред. Ван Хунци. – 北京：中国文联出版社 – Пекин：Чжунгуо Вэнлянь, 2004.
172. 周一民 Чжоу Имин. 汉语趋向动词规范谈 К вопросу о группе глаголов направления движения // 语文建设 1999 第 3 期. 32 -34 с.
173. 朱蓓 Чжу Бэй. 现代汉语移位动词研究综述 Обзор исследований о глаголах движения современного китайского //上海:上海工程技术大学 高职学院, 牡丹江师范学院学报 (哲社版) – Труды педагогического института Вуданьцзян (издательство Чжеше) / Профессорский институт научно-технического университета Шанхая. – Шанхай, 2007. – С. 57-61.
174. 株德熙 Чжу Дэси. 语法讲义 Курс лекций по грамматике. 北京 Пекин：商务印书馆出版 Шанвуинь, 2009. – 231 с.
175. 钟守满 Чжун Шоумань. 英汉语言行为动词语义认知结构研究 Исследование семантических когнитивных структур глаголов речевой деятельности английского и китайского языков. 中国科学技术大学出版社

- 社 . Издательство научно-технического университета Китая. – 合肥
Хэфэй, 2008. – 240 с.
176. Dan I. Slobin. Language and thought online: cognitive consequences of linguistic relativity [Электронный ресурс] / Slobin Dan I. // Language in mind: Advances in the study of language and thought. Published in D. Gentner & S. Goldin-Meadow (Eds.). – Cambridge, MA: MIT Press, 2003. – Режим доступа : http://isg.urv.es/library/papers/s2003_slobin.pdf (дата обращения: 15.09.2012).
177. Teresa Fanego. Diachrony and usage: the English manner verbs of human self-movement [Электронный ресурс] // University of Santiago de Compostela. Fifteenth International Conference on English Historical Linguistics (University of Munich, 24-30 August 2008). – Режим доступа : <http://usc-teresafanego.es/15ICEHL.pdf> (дата обращения: 26.03.2012).
178. Большой китайско-русский словарь онлайн [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://bkrs.info/>.
179. Массалина И.П. Категория сателлитов. Структура и семантическая организация. [Электронный ресурс] / И.П. Массалина. – Режим доступа : http://www.klgtu.ru/science/magazine/2009_16/35.doc (дата обращения: 07.04.2012).
180. Куренкова Т.Н. Использование метода компонентного анализа при изучении семантической структуры слова [Электронный ресурс] / Т. Н. Куренкова // Вестник «Наука и практика». – Режим доступа : <http://конференция.com.ua/pages/view/834> (дата обращения: 15.07.2013).
181. Национальный корпус бурятского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [http:// Web-corpora.net/ BuryatCorpus/search/index.php?interface_language=ru](http://Web-corpora.net/BuryatCorpus/search/index.php?interface_language=ru).
182. Национальный корпус китайского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [http:// ccl.pku.edu.cn:8080/ cll_corpus/search](http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/search).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. БКРС – Большой китайско-русский словарь : в 4 т. / под ред. И.М. Ошанина. – Москва : Наука, 1984.
2. БРС – Шагдаров Л.Д. Бурятско-русский словарь : в 2 т. / Л.Д. Шагдаров, К.М. Черемисов. – Улан-Удэ : Республиканская типография, 2006.
3. 108 Саньвэней – 散文佳作 108 篇 108 шедевральных саньвэней /乔萍等 编著 под редакцией Цзяо Пин. 南京:译林出版社 , Нанкин : Илинъ, 2009. – 602 с.
4. КРБС – Краткий русско-бурятский словарь / сост. Ц.Б. Цыдендамбаев, М.Н. Имехенов. – Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1962. – 646 с.
5. ХДНУСД – 现代汉语词典 Толковый словарь современного китайского языка. 第 5 版 5-е издание / 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编 Китайский общественно-научный институт, отделение лингвистики, редакция словарей 商务印书馆北京 Пекин: Шанву, 2008. – 1870 с.
6. ХДНУЗД – 现代汉语 7000 通用(规范)字正形、正音、正义字典 Норма написания, произношения и значение 7000 общеупотребительных иероглифов современного китайского языка. 罗志武主编 главный редактор Ло Чжиу. 贵阳: 贵州人民出版社 Гуйян : Гуйчжоу женьминь, 2003. – 707 с.
7. ХЕНСД – 新俄汉词典 Новый китайско-русский словарь. (增订版 издание дополненное) 辽宁大学外语系 Факультет иностранных языков университета Ляонин. 沈阳 Шеньян: 辽宁人民出版社 Ляонин женьминь, 2007. – 2208 с.

8. ZHXDHYCD – 中华现代汉语词典 Толковый словарь современного китайского языка КНР. 中国语言文字系列辞书编委会 «中华现代汉语词典» 编委会 Совместное издание объединения серии китайской филологии раздела лексикографии и объединения «Толковый словарь современного китайского языка КНР». – 北京 Пекин: 中国大百科全书出版社 Издательство Чжунго да бай кэ цюань шу, 2007. – 1435 с.
9. Женская китайская литература – 中国女性文学：新名篇 Женская китайская литература: новые имена. 新解读/王红旗主编 под редакцией Ван Хунци. – 北京 Пекин：中国文联出版社 Чжунгуо Вэнлянь, 2004.
10. БКРС info – Большой китайско-русский словарь онлайн [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://bkrs.info/>.
11. КБЯ – Национальный корпус бурятского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [http:// Web-corpora.net/ BuryatCorpus/search/index.php?interface_language=ru](http://Web-corpora.net/BuryatCorpus/search/index.php?interface_language=ru).
12. ККЯ – Национальный корпус китайского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [http:// ccl.pku.edu.cn:8080/ cll_corpus/search](http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/search).